

Глава II

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ГУБЕРНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА. ОПИСАНИЕ И ИЗДАНИЕ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА

1. Образование исторического архива и источники его комплектования

Основная задача ГУАК, провозглашенная при их учреждении, заключалась в формировании губернских исторических архивов на основе не обеспеченных условиями хранения документальных материалов. Подобная установка встретила самый живой отклик у провинциальных историков, в полной мере осознававших необходимость принятия незамедлительных мер по спасению провинциальных документальных фондов. «Что у нас в России не делается с этими документами, — с горечью писал А.Н.Норцов. — Их жгут в печах, продают для оберток и переплета, оклеивают ими стены, сваливают под мосты, а в местах их хранения часто они открыты действию всех времен года и произволу птиц и крыс». ¹ Л.М.Савелов, характеризуя положение губернских архивов, писал о многочисленных случаях «самого варварского, самого бессмысленного истребления архивных сокровищ, бросаемых на съедение мышам в обычные у нас хранилища — пыльные чердаки и сырые подвалы или просто сжигаемых или сваливаемых в реки, как никому не нужный хлам». ²

Большинство ГУАК по мере сил и возможностей стремилось оправдать возложенную на них задачу создания местных исторических архивов. Лишь небольшое количество комиссий не смогло в силу различных причин организовать подобные хранилища. В их числе были Астраханская, Полтавская, Херсонская, Бессарабская и Тульская комиссии. Остальные ГУАК, согласно классификации Н.В.Бржостовской, можно разделить на три группы. К первой относятся те из них, которым удалось создать наиболее значительные в количественном отношении архивы, насчитывавшие по несколько десятков тысяч и свыше единиц хранения. Данную группу, в которую вошла и Тамбовская комиссия, составляет

меньшинство ГУАК: Нижегородская, Рязанская, Тверская, Костромская, Оренбургская, Ярославская, Саратовская. Во вторую входят комиссии, создавшие менее значительные собрания (до нескольких десятков тысяч дел), — Таврическая, Иркутская, Владимирская, Симбирская, Пермская, Калужская, Черниговская, Воронежская. Третья группа состоит из комиссий, деятельность которых по созданию исторических архивов заключалась в эпизодических мероприятиях, не носивших целенаправленного характера. ³

«Положение» Комитета министров 1884 г. формулировало задачи ученых архивных комиссий в области архивного дела следующим образом: «1. Для сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении, учреждаются в губерниях местные исторические архивы. 2. Собрание и приведение в порядок означенных архивных дел и документов возлагается на учреждаемую для сего в губернии ученую архивную комиссию». ⁴ Таким образом, какие-либо разъяснения или рекомендации о порядке организации упомянутых в «Положении» архивов отсутствовали. Документ не определял ни границ территорий, учреждения которых должны присылать свои дела в ту или иную комиссию, ни круга ведомств, подпадавших под их контроль в области уничтожения дел. В этой связи хранитель архива Саратовской комиссии А.А.Герасимов не без основания отмечал, что принципы, на которых ГУАК должны создавать исторические архивы, были «неопределенны, шатки и случайны». ⁵ Следовательно, первые комиссии вынуждены были начинать свою деятельность в данном направлении без должной правовой и материальной базы, сообразуясь лишь с местными условиями и собственными возможностями.

Тамбовская комиссия принадлежала к небольшому числу ГУАК, которые сразу после своего создания получили возможность приступить к формированию будущих губернских исторических архивов на основе значительных комплексов документальных материалов. Эти комиссии приняли в свое ведение фонды упраздненных учреждений, в хранении которых новые учреждения-правопреемники не были заинтересованы из-за утраты документами справочного значения и нехватки площадей для их хранения. Так, в собственность Оренбургской комиссии перешел обширный архив бывшего генерал-губернатора, насчитывавший около ста тысяч единиц хранения, Ярославской — Угличской провинциальной канцелярии, Черниговской — Черниговского и Новгород-Северского наместничества, Костромской — Большесольской приказной избы. ⁶ Тамбовской ученой архивной комиссии, приступившей к созданию архивохранилища уже на третий день после своего открытия, был передан фонд Шацкой провинциальной канцелярии. Его документы были перевезены в Тамбов в 1881 г. и хранились в архиве окружного суда. Шацкий архив, являвшийся одним из древнейших сохранившихся официальных архивов губернии, представлял собой обширный комплекс документальных источников по истории края XVI-XVIII вв. В 70-е годы XIX в., в связи с концентрацией материалов упраздненных реформой 1864 г. судебных уч-

реждений, часть фонда в количестве 1161 дела была отправлена в Московский архив министерства юстиции.⁷ Однако большая масса документов осталась на месте.

Шацкая провинциальная канцелярия была учреждена в результате реформы местного управления в 1719 г. и просуществовала вплоть до 1779 г., когда была упразднена в связи с проведением новой реформы, начавшейся в 1775 г. В состав ее архивного фонда входили документы самой провинциальной канцелярии и канцелярий воеводств Шацкой провинции: Темниковского, Керенского, Кадомского, Касимовского, Елатомского, Наровчатского, Краснослободского, Троицкого, Нижнеломовского. Категории дел, составлявших обширный фонд Шацкого архива, были необычайно разнообразны. В их числе были челобитные и межевые памяти, ведомости окладных сборов, книги для записей прихода и расхода денежной казны, ревизские сказки, купчие грамоты, рекрутские ведомости; дела об отказе, продаже и закладе имений, межевании земель; сведения о крепостных крестьянах и дворовых людях, церковных служителях; материалы переписи и ревизии крестьян, их дворов и земель; донесения и рапорты о побегах крепостных, судопроизводственные материалы, указы Сената о подавлении крестьянских восстаний; ведомости о сборе пошлин и провианта, ценах на хлеб, падеже скота, дела о строительстве заводов и фабрик, разведении табака, выделке поташа, пчеловодстве, охране заповедных лесов, ассигнованиях на строительство и т.д. Таким образом, материалы Шацкого архива представляли собой незаменимые источники по истории колонизации края, взаимоотношениях русских поселенцев с местным населением, развитии поместного и иных форм землевладения, промышленности и торговли, социально-экономическому положению различных слоев населения, бытовой истории и другим областям жизни значительной части территории, входившей в состав Тамбовской губернии. Подобное богатство и многообразие документальных материалов не могло не привлечь внимания сотрудников открывшегося в г. Тамбове исторического общества. Однако, приступив к разбору и описанию источников архива, они столкнулись, по их собственному признанию, со значительными трудностями.⁸ Большинство членов ученой комиссии не владело навыками чтения рукописных текстов XVII-XVIII вв., поэтому первоначально документы разбирались совместными усилиями под руководством опытных специалистов в лице И.И.Дубасова и П.И.Пискарева. Определенную помощь начинающим архивистам оказал Н.В.Калачов, посетивший Тамбов в конце июля 1884 г. Он ознакомился с состоянием фонда Шацкой канцелярии и дал ряд советов по методике его разбора.

К началу октября 1884 г. комиссии удалось отобрать и описать 369 дел (1502-1797 гг.), относившихся прежде всего к истории заселения края, раздаче свободных земель, насильственному крещению мордовского населения. К концу года было отобрано и описано 1848 документов.⁹ С наиболее важных в историческом отношении документов снимались копии. Работами по разбору Шацкого архива занимались главным образом П.И.Пискарев, М.Г.Розанов, В.В.Соловский, впоследствии к ним при-

соединились П.А.Дьяконов, А.А.Курбатов, И.В.Староградский. Первое время, за неимением собственного помещения, они трудились в помещении нотариального архива, где и хранился фонд Шацкой провинциальной канцелярии. Однако в зимнее время занятия членов комиссии были затруднены из-за отсутствия в помещении отопления. Тем не менее для архивистов отсутствие комфортных условий вполне окупалось возможностью работать здесь в любое удобное для них время. Положение резко изменилось весной 1885 г. в связи с начавшимся здесь ремонтом. Комиссия была вынуждена перевезти фонд канцелярии в здание центрального архива окружного суда, причем при транспортировке отобранные для описания материалы были перемешаны с еще не разобранными. В результате все работы на новом месте пришлось начинать сначала. Новые условия не способствовали плодотворной деятельности архивистов — мешали теснота помещения и невозможность доступа в него в неприступные дни. Как свидетельствуют протоколы комиссии, одному лишь Пискареву достало энтузиазма и энергии продолжить разбор дел в тесных проходах между полками на пустых ящиках из-под дел или прямо на полу.¹⁰ Отобранные на хранение документы шифровались и размещались в папки. В мае 1885 г. Соловский систематизировал подобным образом 365 единиц хранения, к августу того же года удалось упорядочить 811 дел. В связи с отсутствием необходимых условий работы темпы разбора Шацкого архива были невысоки: в первой половине 1885 г. на хранение было отобрано 280 дел, в 1886 г. — 425.¹¹

Между тем строительство помещения, предназначенного для комиссии, успешно продолжалось и было завершено в октябре 1886 г. В течение зимы 1886-1887 гг. сюда было перевезено 140 возов материалов Шацкого архива. Для обустройства архива была избрана специальная комиссия в составе П.И.Пискарева, М.Г.Розанова, Р.П.Ситовского. Немало усилий для его скорейшего открытия приложил правитель дел П.А.Дьяконов. Официальное открытие Тамбовского губернского исторического архива предполагалось приурочить к трехлетней годовщине комиссии — 12 июня 1887 г. Однако в силу различных причин оно было отложено до 17 июня. На торжественной церемонии присутствовали тамбовский губернатор А.А.Фредерикс, председатель комиссии И.И.Дубасов, члены Л.В.Выше-славцев, П.И.Менделеев, И.Ф.Тихий, П.И.Пискарев, А.А.Лебедев, В.А.Заринский, М.И.Флоров, И.Н.Кобяков, Р.П.Ситовский, Н.А.Покровский, В.В.Соловский, Д.Н.Астров, А.П.Архангельский, П.А.Дьяконов, М.Г.Розанов. Хранителем архива единогласно был избран Пискарев.

После переезда комиссии в собственное помещение началась усиленная работа по комплектованию исторического архива. Поле деятельности для провинциальных архивистов было воистину обширно. Не случайно на VII археологическом съезде в 1887 г. И.И.Дубасов, рисуя перспективы деятельности ГУАК на архивном поприще, указал, что работы в местных архивах будет масса. «Мы, тамбовцы, — заявил он, — люди молодого тамбовского края, сравнительно бедного историческими памятниками, для своего исторического архива уже отобрали несколько тысяч бесспорно более или менее важных исторических документов и при этом

не только не совершили своего дела, но лишь приступили к нему и перед нами ясно рисуется чарующая прелесть еще не початых архивно-исторических сокровищ».¹²

Согласно пятому параграфу «Положения» 1884 г. основным источником комплектования губернских исторических архивов должны были стать дела местных правительственных учреждений, потерявшие справочное значение и предназначенные ими к уничтожению.¹³ Учреждения должны были направлять в ГУАК описи подобных дел, из которых выделялись документы, представлявшие по заключению комиссий научный интерес. В то же время, как уже отмечалось выше, «Положение» не предусматривало, учреждения каких именно ведомств обязаны присылать в архивные комиссии описи своих дел. В результате в 1884 г. одно лишь министерство юстиции разрешило членам комиссий допуск к архивам окружных судов и упраздненных судебных учреждений.

Между тем наиболее важные в научном отношении провинциальные массивы документации хранились в архивах учреждений министерств финансов и внутренних дел — казенных палат, губернских правлений, полицейских учреждений. Ценность архивов губернских правлений заключалась в том, что они содержали сведения о хозяйственно-административной деятельности существовавших ранее и упраздненных впоследствии провинциальных административных учреждений. Архивы казенных палат хранили значительное количество данных о развитии финансово-налоговой системы, положении государственных крестьян, деятельности казенных питейных заведений, положении казенных лесов, деятельности уездных казначейств. Ввиду научной значимости материалов этих архивов в последующие годы был утвержден ряд положений и инструкций, регламентирующих отношения ГУАК с учреждениями министерства финансов (казенными палатами, казначействами, департаментами таможенных сборов, дворянскими и крестьянскими поземельными банками, акцизными управлениями), министерства внутренних дел (губернскими правлениями, полицейскими управлениями, станowymi приставами), министерства земледелия и государственных имуществ (управлениями государственных имуществ, лесничествами и т.д.). Первое из них приняло в 1892 г. циркуляр «Об отсылке описей архивным делам, предназначенным к уничтожению, в ученые архивные комиссии».¹⁴ По этому документу казенные палаты после получения согласия контрольных палат на уничтожение материалов обязывались отсылать их описи в ближайшие архивные комиссии. При этом они должны были уведомлять Археологический институт о времени их отсылки, с тем чтобы последний имел возможность следить за точным исполнением ГУАК порученного им дела. Порядок отсылки описей получил дальнейшее уточнение в инструкции о способах уничтожения решенных дел, принятой министерством финансов в 1904 г.¹⁵ В соответствии с инструкцией архивные комиссии должны были сообщать свои заключения по поводу описей в течение шести месяцев. В том случае, если они находили необходимым непосредственное знакомство с подлинными делами, требовалось разрешение администрации учреждения. Допуск для ознакомления с документами, признан-

ными ранее секретными, выдавался центральным учреждением министерства. Просмотр документов предполагалось производить на местах их хранения, однако в исключительных случаях дела могли быть высланы в адрес комиссий.

Инструкции подобного содержания в 1890-х — начале 1900-х годов были приняты министерством внутренних дел. Так, в 1897 г. было утверждено положение о разборе архивов губернских правлений, в 1899 г. — полицейских управлений. Впоследствии они неоднократно переиздавались. К примеру, положение от 19 апреля 1904 г. «О порядке и способах уничтожения решенных дел» обязывало архивариусов губернских правлений составлять подробные описи делам, которым минул десятилетний срок хранения, и направлять их в местные ученые архивные комиссии.¹⁶ Министерства земледелия и государственных имуществ вплоть до 1892 г. консультировалось по вопросам уничтожения архивных дел своего ведомства с представителями Археологического института. Члены и слушатели последнего направлялись для ознакомления с предназначенными к уничтожению делами или просмотра их описей в Архангельское, Киевское, Рязанское, Петербургское, Тамбовское, Пермское, Астраханское, Ставропольское, Костромско-Ярославское управления государственными имуществами. Документы, представлявшие научный интерес, передавались ими в архив Археологического института. В начале 1892 г. директор института А.Н. Труворов поставил министерство в известность, что в связи с открытием в двенадцати губернских городах ГУАК, непосредственно занимающихся разбором и описанием местных архивов, просмотр описей дел передается в их компетенцию. Таким образом, в начале 1890-х гг. архивы 31 управления государственных имуществ европейской части России были распределены между двенадцатью комиссиями.¹⁷ В последующие годы, ввиду увеличения количества ГУАК, изменилось распределение регионов, на которые распространялась их деятельность в данном отношении.

Относительно учреждений других ведомств можно сказать, что их отношения с учеными архивными комиссиями всецело зависели от активности местных архивистов и степени расположения к ним губернской администрации. На недопустимость подобного положения указал на съезде представителей ГУАК в 1914 г. правитель дел Саратовской комиссии А.А. Гераклитов. Он заявил, что ГУАК официально контролируют лишь архивы министерства внутренних дел и финансов, а «остальные учреждения подпадают под контроль архивных комиссий в зависимости от тех личных отношений, которые установились между хозяевами этих учреждений на местах и представителями архивных комиссий».¹⁸ Он подчеркнул, что из поля зрения комиссий исключены такие важные хранилища, как архивы городских самоуправлений, земств, духовного ведомства, каждое из которых распоряжается ими по своему произволу. Малоразработанными являлись также архивы губернских и уездных дворянских учреждений, хранившие многочисленные источники по истории общественного движения, Отечественной 1812 г. и Крымской войн, о проведении реформ 1860-х гг., рекрутских наборах и ополчениях, поло-

жении сельского хозяйства и крестьянского населения, устройстве дорог и т.д. Между тем их состояние внушало серьезные опасения, на что неоднократно указывали отечественные историки и архивисты. Так, Л.М.Савелов, выступивший на XI археологическом съезде (1899 г.) с докладом «Об архивах дворянских депутатских собраний», поставил вопрос о необходимости спасения и упорядочения данной категории архивов, содержащих обширный материал общеисторического характера.¹⁹ Однако спустя двенадцать лет на XV археологическом съезде (1911 г.) он был вынужден констатировать, что лишь три губернских архива дворянских собраний — Тульский, Войска Донского и Новгородский — находятся в относительно нормальном порядке. В дополнение к его выступлению представитель петербургского Археологического института А.А.Миронов обрисовал печальное состояние уездных дворянских архивов, указав, что в большей своей части они хранятся на чердаках, в сараях и погребках при квартирах предводителей дворянства. По словам председателя Рязанской комиссии С.Д.Яхонтова, многие дворянские архивы не только не интересовались мнением ГУАК относительно уничтожения своих дел, но прямо игнорировали их предложения — продавали и уничтожали документы без получения согласия ученых комиссий.²⁰ В этой связи Миронов предложил обязать дворянские архивы в обязательном порядке присылать свои описи в ГУАК. Однако законодательных механизмов для реализации данного предложения на практике выработано не было.

В Тамбовской губернии отношения между местной ученой комиссией и правительственными учреждениями складывались не самым благоприятным образом. В ответе от 30 апреля 1912 г. на запрос Русского исторического общества о взаимоотношениях ГУАК с архивами государственных учреждений комиссия указала, что правительственные архивы, существующие в Тамбовской губернии, находятся всецело в ведении своих учреждений и местная архивная комиссия к ним никакого касательства не имеет. Лишь по истечении срока хранения некоторые учреждения обращаются в нее по поводу предполагаемых к уничтожению дел.²¹ В своем обращении к съезду представителей ГУАК в 1914 г. А.Н.Норцов был вынужден констатировать: «В самом вопросе о собирании архивных сведений Тамбовскую комиссию постигла порядочная неудача. Если в других губерниях условия более благоприятны и учреждения дают обстоятельные ответы на запросы и допускают в свои архивы, в Тамбовской губернии обстоит дело несколько иначе: многие учреждения даже и не ответили до сего дня на запросы Тамбовской комиссии, а сама по себе комиссия не имеет никакого права требовать отчет о состоянии архивов в разных учреждениях и не имеет достаточно средства, чтобы командировать членов по губернии для приведения в известность состояний архивов вообще».²²

Причина подобного положения заключалась в том, что, несмотря на многочисленные инструкции и циркуляры, обязывавшие министерства представлять описи своих дел в местные архивные комиссии, далеко не все из них находили это необходимым. Например, во Владимирской губернии строгого соблюдения правила о доставке описей придерживались

только учреждения министерства финансов, в Рязанской, напротив, казенная палата не высылала свои описи в адрес местной комиссии вплоть до 1908 г. Многие учреждения не соглашались высылать затребованные по описям дела. Так, в 1907 г. Владимирская комиссия получила отказ со стороны казенной палаты, Бессарабской не удалось приобрести затребованные документы мировых посредников Ясского уезда и Ясского по крестьянским делам присутствия.²³

В Тамбовской губернии местная ГУАК с большей или меньшей степенью регулярности получала перечни документов из следующих учреждений: Тамбовской казенной палаты, губернского правления, Тамбовского городского полицейского управления, Тамбовского, Шацкого, Козловского, Темниковского, Липецкого уездных полицейских управлений, Елатомской городской управы, Липецкой городской думы и мещанской управы. Наиболее регулярно описи поступали из Тамбовской казенной палаты и губернского правления. Архив казенной палаты представлял собой одно из наиболее упорядоченных губернских хранилищ. В 1900 г. он насчитывал 283 тысячи единиц хранения XIX в. и значительное количество документов XVIII в., в том числе межевые книги. Из них 27530 дел были описаны штатным архивариусом, к ним были составлены алфавитные и предметные указатели.²⁴

Остальные учреждения обращались в комиссию лишь в случаях крайней переполненности своих архивов, т.е. эпизодически. В учреждения, в делах которых ГУАК была особенно заинтересована, направлялись специальные обращения, уведомлявшие о возложенных на комиссию обязанностях по разбору дел, предназначенных губернскими и уездными ведомствами к уничтожению. Однако не все из них реагировали на эти напоминания должным образом. Так, в 1888 г. осталось без ответа обращение, дважды направленное в адрес губернского дворянского собрания.²⁵ В 1902 г. комиссия неоднократно обращалась с просьбой о предоставлении описей в Тамбовскую городскую управу, намеревавшуюся разгрузить свой переполненный архив путем уничтожения значительной части документов. Не добившись ответа, ГУАК приняла решение о передаче всего комплекса обреченных на уничтожение материалов в свой архив.²⁶

К сожалению, как опубликованные, так и архивные источники дают далеко не полную картину поступления в комиссию описей и количества затребованных по ним дел. Протоколы и отчеты Тамбовской комиссии, в отличие от Черниговской, Саратовской и ряда других ГУАК, отличаются чрезвычайной лаконичностью и содержат лишь самые общие сведения на этот счет. В соответствии с ними картина поступления в Тамбовский исторический архив документов местных правительственных учреждений представляется следующей. В 1884 г. в комиссию поступили описи уездных полицейских управлений. Рассмотрением дел Тамбовского уезда занимался Н.А.Покровский, Шацкого — Д.Н.Астров, Козловского — В.А.Заринский, Уманского — Н.В.Быстров, Темниковского — М.П.Григорьевский. В 1885 г. рассматривались описи дел Тамбовского губернского правления за период с 1864 по 1870 гг. (из 3691 единицы хранения было

отобрано 100 дел), Кирсановского полицейского управления 1846-1864 гг. (из 2300 — 193); Козловского уездного полицейского управления 1850-1869 гг. (из 3119 — 65); Козловской городской думы с 1788 г. (отобрано 135 дел).²⁷ В 1886 г. поступили описи Елатомской городской управы, в которых были отмечены как подлежащие хранению грамоты царей Алексея Михайловича и Ивана и Петра Алексеевичей. В 1886 г. М.Г.Розанов рассматривал описи Тамбовского уездного полицейского управления за 1871 г. и не нашел нужным оставить на хранение ни одно из описанных дел. В 1887 г. по описям Тамбовского городского полицейского управления в архив комиссии поступило 135 дел за период с 1870 по 1878 гг., отобранные ее членами из общего числа в 4086.²⁸ В том же году пришло 47 дел Елатомской городской управы за период 1804-1822 гг. В 1888-1892 гг. П.И.Пискарев и И.В.Староградский разбирали дела Тамбовского губернского дворянского собрания и упраздненных судебных мест. В 1894 г. А.А.Курбатов и П.И.Пискарев просмотрели 40 тысяч номеров дел описей, присланных из различных учреждений,²⁹ в том числе описи делам казначейств Воронежской губернии с 1854 по 1867 гг. В 1895 г. А.А.Курбатов изучил по описям сто номеров дел, выделив часть из них для хранения.³⁰ В 1896 г. различными учреждениями было прислано в адрес комиссии 188 отмеченных ею в описях дел. В 1898 г. А.А.Курбатов просмотрел описи различных учреждений в 70 тысяч дел и отметил для передачи в архив две тысячи.³¹ В 1901 г. по описям было изучено 30 тысяч дел казенной палаты и палаты государственных имуществ, из которых отобрана одна тысяча. В 1902 и 1903 гг. в архив ТУАК поступили дела, отобранные А.А.Щеголевым во время разбора архива городской думы и губернского правления. В 1903 г. рассматривались описи Ревизионного стола первого отделения Тамбовской казенной палаты за 1899 и 1900 гг., а также описи книг и нарядов второго разряда Кирсановского казначейства за период с 1769 по 1883 гг.³² В 1910 г. из архива губернского правления были переданы дела мировых посредников и непременных членов Усманского по крестьянским делам присутствия за 1861, 1864, 1865, 1868 гг.³³ Н.Н.Ивановым и Д.М.Успенским рассматривались описи казенной палаты. В 1911 г. по докладу М.П.Трунова из Липецкого полицейского управления было затребовано семь связок 1870-х гг.; полученные материалы Шапкинско-го волостного правления были признаны не представляющими интереса.³⁴ В 1912 г. А.И.Самоцветовым, С.К.Платоновой, А.А.Щеголевым изучались описи Тамбовской и Московской казенных палат, губернского правления, управления земледелия и государственных имуществ, губернского статистического комитета. Все дела по ним были признаны не подлежащими хранению в губернском историческом архиве.³⁵ В 1913 г. Н.В.Конобеевским и Н.Н.Ивановым были просмотрены описи губернского правления за период с 1855 по 1902 гг. Из них были затребованы три дела казенной палаты — опись книгам и нарядам с 1888 по 1898 гг. Канцелярская цифровая переписка была признана сотрудниками комиссии не представляющей интереса.³⁶ Из дел уездных рекрутских присутствий 1865, 1867, 1874 гг. и Тамбовского казначейства 1888, 1889 гг. было затребовано 100 дел рекрутских присутствий.³⁷ В 1914 г. Н.Н.Ивановым были изуче-

ны описи делам Темниковского полицейского управления (11 дел затребовано), Н.Н.Ивановым и Н.В.Конобеевским — пять описей Тамбовского губернского правления 1832-1903 гг. (112 дел затребовано), а также книги и наряды 1864-1890 гг. Усманского казначейства из Тамбовской казенной палаты. В.А.Разумовым, А.И.Самоцветовым, Ф.С.Соколовым и Н.Н.Ивановым просматривались 23 описи Бакинской казенной палаты и губернского статистического комитета. Общее число дел в описях составило более семи тысяч дел, из них признано важными 300 дел.³⁸ В 1915 г. были изучены описи Тамбовского уездного полицейского управления за период 1905-1915 гг. (из них затребовано сто дел), казенной палаты (дела и наряды 1898-1905 гг. податного инспектора первого участка Тамбовского уезда, дела и наряды казенной палаты 1887-1903, 1911 гг.), 88 описей дел губернского правления 1866-1904 гг. (врачебного, строительного и ветеринарного отделений).³⁹

Практиковавшаяся система комплектования губернских исторических архивов ставшими ненужными для справочных целей делами местных учреждений имела существенные недостатки. В первую очередь следует отметить извилистый путь поступления затребованных в комиссию материалов. Так, например, согласно правилам о порядке хранения и уничтожения решенных дел в казенных палатах от 1915 г., управляющие последних должны были направлять перечни затребованных комиссиями дел на утверждение в общую канцелярию министерства финансов. В случае необходимости канцелярия требовала согласия департаментов государственного казначейства, окладных сборов и других, и только после этого давалось разрешение на передачу испрашиваемых документов.⁴⁰ Во-вторых, несмотря на требования министерств высылать в адрес ГУАК как реестры дел, так и подробные описания их содержания, ведомства обыкновенно ограничивались краткими перечнями заголовков документов. В результате сотрудники архивных комиссий были вынуждены знакомиться с их содержанием по кратким, зачастую неквалифицированным канцелярским описям. В силу этого их заключения о степени научной ценности документов не могли иметь иного характера, как приблизительный.

Данная немаловажная проблема обсуждалась на заседаниях куратора ГУАК — Академии наук. На собрании Историко-филологического отделения АН 25 января 1912 г. академик А.С.Лаппо-Данилевский в своем выступлении о деятельности ГУАК особо подчеркнул необходимость просмотра не только описей, но и непосредственно самих дел, предназначенных к уничтожению.⁴¹ Он обоснованно полагал, что знакомство с документами по описям непременно скажется на научном уровне фондов губернских исторических архивов. «Такой просмотр описей, — отмечал он в своей записке о деятельности ГУАК, — не дополняемый в случае нужды просмотром самих дел, может наносить некоторый ущерб и образованию местных архивов, долженствующих иметь научное значение».⁴²

Большинство комиссий также находило сложившуюся практику неудовлетворительной. Костромская комиссия отзывалась о работе по просмотру описей, как об «ответственной и неблагодарной».⁴³ Наиболее рациональным методом отбора материалов на хранение сотрудники ГУАК

полагали непосредственную оценку дел и тем или иным способом стремились найти выход из положения. Так, Саратовская, Симбирская, Рязанская, Тверская, Нижегородская и Ярославская комиссии требовали предоставления в их распоряжение всего комплекса предполагавшихся к уничтожению материалов, с тем чтобы непосредственно ознакомиться с их содержанием. Они составляли краткое описание дел и указатели к отдельным группам документов. Черниговская, Оренбургская и ряд других комиссий, не имевших такой возможности из-за ограниченности площадей своих архивов, давали рекомендации оставлять дела в архивах учреждений в полном объеме. Некоторые ГУАК вообще отказывались принимать какие-либо решения о значимости дел на основании кратких описей. Так, в 1901 г. Вятская комиссия уклонилась от принятия на себя ответственности по экспертизе 15 тысяч документов казенной палаты.⁴⁴ Довольно непродолжительное время занималась работой по просмотру описей Воронежская архивная комиссия, среди членов которой этот вид деятельности, по словам одного из отчетов, «не нашел себе сторонников».⁴⁵ На заседании 4 марта 1901 г. один из членов Воронежской комиссии, рассматривавший перечень документов Коротояжского уездного казначейства, решительно заявил, что не считает возможным на основании описи судить о содержании дел. После этого комиссия постановила просить учреждения о высылке самих документов.⁴⁶ Однако в связи с тем, что это решение ведомствами не выполнялось, присылавшиеся описи годами оставались нерассмотренными. Воронежская комиссия мотивировала свое бездействие тем, что «обрекать на уничтожение дела, показавшиеся по канцелярским описям неинтересными, никто не сочтет научным», в то время как ГУАК должны стремиться к научной организации разбора архивов.⁴⁷ Впоследствии комиссия привлекла в помощь правителю дел платного работника для рассмотрения документов непосредственно в архивах учреждений. В 1911 г. подобным образом были разобраны архивы казенной палаты и управления государственными имуществами.

Тамбовские архивисты полагали просмотр описей своей непосредственной обязанностью, хотя также не могли не замечать всех недостатков сложившейся практики. В ответ на запрос Смоленской комиссии 1913 г. о том, требуют ли в Тамбове от учреждений подробные описи или ограничиваются заголовками дел, правитель дел писал, что, безусловно, было бы желательно получать подробные описания документов, но сотрудники ТУАК вынуждены довольствоваться общими описями, «так как производить подробную опись бумаг старого дела является для учреждений неосуществимым по массе и трудности работы, а потому требовать такой описи от учреждений комиссия считает себя не вправе».⁴⁸

К работе по просмотру описей обычно привлекались все сотрудники ГУАК, изъявлявшие на то свою готовность. Исключение составляли Черниговская комиссия, в которой просмотр доверялся, главным образом, правителю дел и его помощнику, и Пензенская, где данный вид работ выполнял сам председатель. В Тамбовской комиссии отбор дел по описям в разные периоды ее истории осуществляли Д.Н.Астров, Н.В.Быст-

ров, Н.Н.Иванов, А.И.Самоцветов, В.А.Заринский, А.А.Шеголев, М.Г.Розанов, Д.М.Успенский, М.П.Григоровский, С.К.Платонова, Ф.С.Соколов, В.А.Разумов, В.П.Троицкий, М.Ф.Николаевский, Н.В.Конобеевский. При втором председателе ТУАК, с 1901 г., работу с описями выполняла специально учрежденная в этих целях подкомиссия в составе председателя, правителя дел, казначея, библиотекаря и ряда других сотрудников, избравшихся на общих собраниях. Подобная практика существовала и в других комиссиях – Нижегородской, Саратовской, Оренбургской. Создание коллегиальных органов преследовало своей целью устранение возможного субъективизма при отборе дел, опасность которого из-за отсутствия зафиксированной в правилах общепринятой методики была более чем вероятна.

В связи с тем, что ученые архивные комиссии существовали не во всех губерниях, деятельность ГУАК по просмотру описей распространялась на территории соседних, а зачастую и весьма отдаленных областей. К примеру, Нижегородская комиссия получала описи из Владимирской, Казанской и Вятской губерний, Черниговская – из Минской, Киевской, Подольской и Волынской, Ярославская – из Вологодской и Архангельской, Тверская – из Новгородской, Псковской, Московской, Лифляндской, Курляндской и Эстляндской, Рязанская – из Полтавской, Орловской – из Курской, Полтавской, Черниговской, Пермская – из Вятской, Тобольской, Архангельской, Таврической – из Екатеринославской, Бессарабской, Ставропольской, Саратовская – из Астраханской и Пензенской и т.д.⁴⁹ По мере создания новых комиссий список регионов, подпадавших под компетенцию тех или иных ГУАК, пересматривался. Согласно решению Археологического института от 1899 г. в адрес Тамбовской комиссии должны были поступать описи из Пензенской и Воронежской губерний, а также из области Войска Донского.⁵⁰ Основанием для подобного решения являлась общность исторического прошлого этих регионов, а также отсутствие здесь компетентных в оценке исторических документов научных обществ. Вследствие неупорядоченности границ деятельности комиссий по просмотру описей зачастую возникали ситуации, когда они дублировали работу друг друга. Так, Тверская комиссия получала описи из Новгородской и Псковской губерний, в которых функционировали соответственно архивная комиссия и историко-археологическое общество. Имели место случаи, когда несколько комиссий получали списки дел из одного и того же региона. Так, учреждения области Войска Донского должны были высылать свои документы не только в Тамбовскую, но и в Саратовскую и Екатеринославскую комиссии. Тамбовские архивисты относительно регулярно получали описи из Воронежской губернии, главным образом, от казенной палаты. В 1912 и 1914 гг. в ее адрес пришли перечни документов из Московской и Бакинской казенных палат.

Подобная практика не приветствовалась сотрудниками ГУАК. Они справедливо полагали, что недостаточное знание истории других регионов служит серьезным препятствием для проведения квалифицированной экспертизы ценности документов. В адрес Калужской комиссии, к

примеру, среди членов которой не было ни одного лица, владеющего польским языком, приходили описи из четырех губерний Царства Польского.⁵¹ В этой связи Московское археологическое общество, Академия наук, Саратовская, Пермская и ряд других комиссий неоднократно поднимали вопрос о нецелесообразности отсылки описей в другие губернии, указывая на опасность, которой подвергаются в подобных случаях исторические материалы.⁵² На XI археологическом съезде (1899 г.) на эту проблему особо обратил внимание участников съезда Д.И.Багалей. Признав подобный порядок недопустимым, съезд постановил просить Московское археологическое общество ходатайствовать перед министерствами финансов и государственных имуществ о том, чтобы подведомственные им учреждения не отсылали документы в отдаленные ГУАК, минуя собственные архивные комиссии.⁵³ Тем не менее подобная практика имела место на протяжении всей деятельности ГУАК.

Итак, просмотр описей позволял составить лишь самое общее представление о характере документов. Гораздо более результативным являлось непосредственное знакомство с архивными делами на местах их хранения. Однако последовательной деятельности в этом направлении препятствовал целый ряд факторов. В их числе — неурегулированность взаимоотношений ГУАК с ведомственными архивами, отсутствие свободных средств на командировки в уездные архивы, недостаточное количество лиц, готовых заняться подобным видом деятельности. В соответствии с утвержденными правилами комиссии должны были принимать участие в разборе фондов окружных судов, губернских правлений и полицейских управлений. Однако далеко не везде эти правила удавалось реализовать. Чаще всего деятельность комиссий по отношению к местным архивам ограничивалась узким кругом губернских учреждений. Помимо уже упомянутых в него входили архивы дворянских сословных учреждений, городских и земских управ, учреждений духовного ведомства.⁵⁴

Вопрос об отношениях ГУАК с местными учреждениями неоднократно поднимался на всероссийских археологических съездах. Так, на VIII съезде, состоявшемся в 1890 г. в Москве, представитель Таврической комиссии Ф.Ф.Лашков особо обратил внимание делегатов на неопределенность этих отношений. На местах сложилась ситуация, когда комиссии и ведомственные архивы существовали автономно друг от друга, не имея внутренних связей, которые должны были бы возникнуть между ними как между частями единого целого. Лашков подчеркнул, что ГУАК должно быть предоставлено право беспрепятственного доступа для занятий в архивах губернских и уездных учреждений. Кроме того, комиссиям, по его мнению, следовало разрешить отбор дел не из предназначавшихся к уничтожению, а из числа хранящихся.⁵⁵ Вследствие нерешенности данного вопроса в последующие годы он вновь был поднят на съезде представителей ГУАК в 1914 г. Многие из делегатов выступили с заявлениями о том, что они встречают препятствия при допуске в архивы ряда ведомств — министерства народного просвещения, военного и других. Представитель Оренбургской комиссии А.В.Попов, например, огласил факты уничтожения без согласования с комиссией сотен тысяч дел военных учреж-

дений, среди которых были уникальные документы о присоединении Средней Азии к России. Представитель Полтавской комиссии указал на отсутствие у ГУАК полномочий по осмотру архивов местных учреждений. «Если бы местные архивные комиссии узнали, — отметил он, — что тот или иной архив содержится плохо и пожелали бы ознакомиться, в каком положении он находится, то начальство этого архива может допустить из любезности, а может и сказать: это вас не касается».⁵⁶ Его поддержал член Витебской комиссии К.И.Тихомиров, обративший внимание делегатов съезда на отсутствие законодательно зафиксированных прав комиссий на осмотр, а тем более ревизию местных архивов. В то же время представители ряда ГУАК — Воронежской, Курской, Орловской — заявили, что не встречают препятствий со стороны местных властей, охотно идущих им навстречу.⁵⁷ Таким образом, возможности работы с фондами ведомственных архивов для провинциальных историков и архивистов напрямую зависели от позиции местной администрации. В этой связи председатель Тульской комиссии В.С.Арсеньев предложил возбудить ходатайство о расширении «Положения» 1884 г. пунктом, обязывающим все без исключения учреждения допускать членов комиссий для осмотра архивов. С этой целью на съезде была создана специальная комиссия для составления программы по порядку осмотра различных категорий местных архивов. В ее состав были избраны 19 делегатов съезда, в том числе и председатель Тамбовской комиссии А.Н.Норцов. Комиссия должна была выработать проект положения, определяющего права и полномочия ГУАК в отношении местных архивов. При этом делегаты исходили из того, что «архивные комиссии имеют право осматривать и изучать архивы всех ведомств, не исключая земских, городских, духовных, судебных, сословных, коммерческих и благотворительных и других учреждений, подлежащих регистрации по закону об обществах и союзах».⁵⁸ Однако утвердить проект в законодательном порядке не удалось.

Впоследствии Особая комиссия по сохранению местных архивных материалов при Русском историческом обществе направила в адрес ряда ГУАК обращение с предложением приступить к обследованию провинциальных архивов (учебных заведений, воинских частей и присутствий, полицейских и земских учреждений и др.), с тем чтобы принять меры по их сохранению. Комиссии должны были выявлять фонды, находившиеся в угрожающем положении, и перевозить их в свои хранилища. В случае невозможности принятия подобных мер предлагалось снимать с наиболее важных документов копии и публиковать их в печатных органах ГУАК. В неразобранных архивах комиссии должны были заняться систематизацией дел. На эти цели Особая комиссия выделяла определенные денежные суммы. Так, Тамбовская комиссия получила от Русского исторического общества письмо от 22 апреля 1915 г. с извещением о назначении ей субсидии в две тысячи рублей.⁵⁹ Однако использовать это пособие на всестороннее обследование положения местных архивов не удалось в связи с обстоятельствами военного, а затем революционного времени.

Ввиду вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что деятельность большинства комиссий в данном направлении в силу объективных

причин была довольно ограниченной. Тамбовская комиссия, несмотря на неблагоприятные условия, предпринимала определенные меры по ознакомлению с составом губернских и уездных архивных фондов. В августе 1884 г. председатель ТУАК получил письма от своих иногородних сотрудников, проживавших в Козлове, — священника А.Л.Лебедева и коллежского асессора Ф.П.Пацюкова, выразивших желание принять участие в разборе городских архивов.⁶⁰ После получения согласия руководства ТУАК Пацюков с октября 1884 г. по март 1885 г. работал в архивах Козловского уездного полицейского управления и городской думы. В первом из них им были просмотрены описи предназначенных к уничтожению дел за период с 1850 по 1869 г. в количестве 3119 единиц хранения. Из них Пацюков отобрал для архива ТУАК 65 дел, характеризующих быт и нравы жителей уезда.⁶¹ В архиве городской думы он изучил опись дел за время с 1788 по 1865 г. 130 документов, представлявших наибольший интерес (об устройстве народного училища в 1788 г., о наборе рекрутов в 1812 г., об организации городского ополчения, о составлении карты Козлова, о французских военнопленных, о подготовке подвод в Москву для военных нужд), были выделены Пацюковым для отправки в архив ТУАК.⁶² В мае 1885 г. Д.В.Ильченко, знакомившийся с архивом Шацкого уездного училища, обнаружил ряд интересных документов, содержащих неизвестные ранее подробности из истории крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. Им же были высланы в адрес ТУАК несколько копий документов, хранившихся в архиве уездного суда Нижнего Ломова.⁶³ Летом 1885 г. деятели ТУАК обследовали архивы Тамбовского губернского правления и Кирсановского уездного полицейского управления. Из материалов первого М.Г.Розанов отобрал 24 дела, во втором — П.А.Дьяконов выбрал для хранения в архиве комиссии 125 дел.⁶⁴ В июне 1886 г. Розанов ознакомился с материалами архивов уездного полицейского управления, городской управы и дворянской опеки одного из древнейших городов губернии — Елатьмы. О результатах своей работы он сообщил на заседании комиссии 18 августа 1886 г.⁶⁵ Архив полицейского управления особого интереса для ТУАК, на его взгляд, не представлял, так как документы раннего происхождения были отправлены в архив Тамбовского окружного суда и на месте оставались лишь относительно поздние материалы. Гораздо более важными в научном отношении оказались дела архива городской управы, включавшего в себя 4994 единицы хранения за период 1786-1870 гг. В них нашли отражение вопросы городского благоустройства, состояния здравоохранения и образования, движения населения, строительства казенных зданий и т.д. Среди материалов архива Розанов обнаружил такие интересные в историческом отношении документы, как грамота царя Алексея Михайловича 1654 г. о мытах и перевозах, план Елатьмы 1775 г., выданную на имя стольника и воеводы Л.Р.Ермолова царскую грамоту от 1703 г. Представитель ТУАК счел необходимым ходатайствовать о передаче архива в ее распоряжение в полном составе. В архиве дворянской опеки внимание Розанова привлекло спорное дело о наследстве, связанное с именными И.И.Лутовинова (дяди матери И.С.Тургенева) в Елатомском уезде. Затребованные

комиссией по докладу Розанова материалы поступили в губернский исторический архив.

В 1888-1889 гг. П.И.Пискарев и И.В.Староградский изучали фонды богатейшего архива губернского дворянского собрания. С наиболее интересных жалованных, отказных, разрядных и других грамот XVII-XVIII вв. были сделаны копии.⁶⁶ В 1889 г. П.А.Верещагин сообщил о готовящемся в Александринском институте уничтожении документов о прошлом народного образования в Тамбовской губернии.⁶⁷ По просьбе ТУАК бумаги были переданы в исторический архив. В 1911 г. по докладу М.П.Трунова комиссия затребовала семь связок дел, относящихся к 70-м годам XIX в. Липецкого полицейского управления. Представители ТУАК приняли участие в работе комиссии по разбору и уничтожению дел архива губернского правления, созданной по специальному положению Государственного совета от 25 ноября 1896 г. В ее состав входили советник губернского правления, чиновник, назначаемый губернатором, два представителя от учебного ведомства и народного просвещения, председатель окружного суда, а также представитель местного научного историко-археологического или археографического общества. От ТУАК в состав комиссии был включен А.А.Щеголев, отбравший в процессе работы ряд дел для хранения в губернском историческом архиве. В 1902 г. ему же пришлось заниматься разбором обширного архива городской думы, из фондов которого в архив ТУАК было передано несколько десятков единиц хранения.

Ряд материалов местных правительственных учреждений поступил в Тамбовскую комиссию в результате обследования местных архивов в связи с предполагавшейся продажей документов на торгах. К примеру, в 1915 г. Спасское уездное полицейское управление поставило комиссию в известность, что ввиду перегруженности его архива бумагами, оно намерено избавиться от части дел. Для выяснения научного значения обреченных на гибель документов в Спасск был командирован И.И.Львов. Он обнаружил их в разрозненном виде, сильно испорченными сыростью. В связи с тем, что перевезти груз в две тысячи пудов в условиях военного времени было невозможным, Львов захватил с собой лишь несколько связок документов. Остальные материалы с помощью члена комиссии тюремного инспектора С.К.Богдановича были перенесены в сухое помещение. По результатам отчета Львова архив Спасского полицейского управления был признан комиссией представляющим научный интерес, вследствие чего она запретила его продажу на торгах.⁶⁸ В 1916 г. в этом архиве продолжил работу священник Ф.Н.Кедрин, собиравший материал о старообрядцах. Он выявил документы подобного содержания, разобрал их и составил опись.⁶⁹

К сожалению, приходится констатировать, что ТУАК удалось сохранить далеко не все из местных архивов правительственных учреждений. По свидетельству А.А.Щеголева, буквально на глазах членов комиссии погиб значительный комплекс материалов Тамбовской городской управы. В 1902 г. управа начала работу по чистке разросшегося документального собрания. Комиссия направила в архив своего наблюдателя в лице

Щеголева, отобравшего для ГУАК большое количество дел, главным образом, по земельному вопросу.⁷⁰ Однако затем комиссия, отвлеченная другими делами, оставила отобранный материал без внимания. В результате несколько возов с документами пропали бесследно. Выяснить, куда исчезла ценнейшая часть архива, в городской управе не стали. Данную пропажу, так же как и гибель многих других местных архивов, Щеголев связывал с именем некоего торговца А.Н.Забавникова, развернувшего в период Первой мировой войны бурную деятельность по скупке архивов тамбовских учреждений. Местные чиновники, отчасти по невежеству, но в большей степени движимые жадной наживой, продавали их почти в полном составе. Особенно пострадали при этом старые, ненужные чиновникам для справок и практических целей документы, среди которых встречались дела петровской эпохи. Сознание собственной безнаказанности торговца было настолько велико, что с предложением о продаже архивных дел он обратился даже к членам Тамбовской комиссии, получив от них решительную отповедь.⁷¹

Комиссия не ограничивала свою деятельность осмотром губернских и уездных архивов, но предпринимала отдельные попытки обследования волостных архивов. Так, в 1890 г. волостной инспектор В.Н.Бондаренко разобрал архив Волостно-Гаевского волостного правления. В своем отчете о проделанной работе он известил комиссию о намерении заняться изучением архивов других волостей — Кирсановского, Моршанского и Тамбовского уездов.⁷² Однако работа ГУАК в данном направлении была не слишком плодотворной. Данное обстоятельство вызывает тем большие сожаления, что волостные архивы представляли особую ценность как хранилища старых вотчинных дел, решений волостных судов, источников по истории проведения крестьянской реформы 1861 г. К тому же данная категория архивов находилась в наиболее угрожающем положении.

Подобная ситуация была характерна для волостных архивов не только Тамбовской, но и большинства других губерний. На съезде представителей ГУАК делегаты от Рязанской, Нижегородской, Ярославской, Ставропольской и других комиссий привели значительное количество фактов их гибели. Председатель Тульской комиссии В.С.Арсеньев обрисовал положение сельских архивов того времени следующим образом: «Архивы эти находятся в ужасном положении... они мало помалу приходят в полную гибель, документы идут на всякие нужды служащих: нужно устроить новую обложку, сдирают старую, дела разваливаются и неизвестно куда исчезают».⁷³ И.И.Проходцов (Рязанская комиссия) заявил, что в Рязанской губернии наибольшая опасность грозит именно волостным архивам, находящимся в самом печальном положении, так как подавляющая часть их фондов хранится в необорудованных и непригодных помещениях — на чердаках, в чуланах, в прихожих.

Тамбовская комиссия, как и другие ГУАК, не ограничивалась источниками комплектования исторического архива, указанными в «Положении». Исходя из стремления расширить рамки собирательской деятельности, ее члены обращались к разным категориям архивов и в первую

очередь к частновладельческим. Раскрывая значение фамильных архивов для исследователей русской истории, Л.М.Савелов писал: «В то время, когда правительственные архивы дают нам, по большей части официальную, маложизненную картину прошлого, говорят нам почти исключительно только о наружной государственной или общественной деятельности того или другого лица, — семейные архивы... раскрывают весьма часто самую душу этого лица, показывают нам его внутреннее я».⁷⁴

Значение деятельности комиссий по концентрации частновладельческих собраний трудно переоценить ввиду двух обстоятельств: во-первых, данная категория архивов находилась вне сферы компетенции официальной архивной службы, и, следовательно, в значительной своей части вне пределов досягаемости исторической науки; во-вторых, судьба именно этой категории архивов была в гораздо большей степени по сравнению с другими подвержена разного рода губительным случайностям. Еще Н.В.Калачов указывал на невероятно небрежное отношение владельцев к своим фамильным бумагам, которые, по его словам, гибли не только с каждым годом, но буквально с каждым днем. Последнее в полной мере подтвердилось в период революции 1905-1907 гг., когда было утрачено значительное количество дворянских и помещичьих архивов. По свидетельству Л.М.Савелова, в результате продажи старинных дворянских усадеб на рынок была выброшена целая масса рукописей. Ему лично удалось только за один 1907 год приобрести несколько сотен столбцов.⁷⁵ На I съезде ГУАК представитель Полтавской комиссии И.Ф.Павловский привел многочисленные примеры гибели усадебных архивов Полтавской губернии, а также продажи архивов вместе с усадьбами.⁷⁶ Все это требовало принятия срочных мер по спасению погибающих дворянских архивов. Некоторые комиссии предложили организовать специальные дворянские музеи и архивы. К примеру, подобные хранилища было решено создать в Смоленске и Казани. Положение с сохранностью частновладельческих архивов значительно ухудшилось после Февральской революции 1917 г. В этой связи Союз российских архивных деятелей выступил с инициативой сосредоточения частных архивов в помещениях местных научных обществ, с тем чтобы возложить на ГУАК заботу по охране «дорогих для науки исторических материалов, в течение многих лет накапливавшихся в усадьбах и других частных хранилищах».⁷⁷

Повышенный интерес ученых комиссий к частновладельческим собраниям, преимущественно дворянским, во многом определялся составом их членов, для которых данная категория архивов представляла, помимо научного, еще и практическое значение. Внимание ГУАК привлекали в первую очередь хранившиеся в составе частных собраний документы на право владения землей, а также источники по истории дворянских родов (переписка, дневники, мемуары, записки). В то же время этот интерес объективно совпадал с тенденциями развития русской исторической науки, уделявшей все большее внимание проблемам экономической истории. Работы В.И.Семевского, Н.А.Рожкова, П.Б.Струве выявили недостаточность источниковой базы по проблемам хозяйственной жизни страны. Материалы вотчинных архивов, отражавшие уклад

экономики в разные периоды истории, должны были способствовать разрешению многих спорных вопросов. В этой связи Московское археологическое общество в 1897 г. настоятельно рекомендовало членам ГУАК обратить свое внимание именно на эту категорию архивов, «имея в виду громадное значение для русской истории вообще, как внутренней, так и внешней, старинных фамильных документов, хранящихся в семейных архивах и почти совершенно неизвестных и мало доступных ученым». ⁷⁸ При упомянутом обществе была учреждена Археографическая комиссия, одной из задач которой стало выяснение содержания и объема частных архивов и документов. Неизменно присутствовал данный вопрос и в повестке дня всероссийских археологических съездов. Так, Д.П. Миллер на XII археологическом съезде в 1902 г. в докладе, посвященном архивам Харьковской губернии, особо остановился на значении материалов фамильных архивов для исторической науки. ⁷⁹ На XIV археологическом съезде в Чернигове вопрос о значении для науки фамильных архивов поднял Л.М. Савелов, отметивший случаи небрежного отношения к ним владельцев и указавший на необходимость большего внимания к данной категории архивов со стороны научных обществ. ⁸⁰ Он также сделал доклад о семейных архивах на III областном историко-археологическом съезде (1906 г., Владимир), в котором раскрыл значение данной категории источников для изучения бытовой и семейной истории. «Где нет истории городов и учреждений, — сказал Савелов, — там — говорят нам — не может быть и общей истории, где нет частных, семейных архивов, там, прибавлю я, не может быть восстановлена и общая картина быта наших предков». ⁸¹

Видную роль в организации работ по изучению вотчинных архивов сыграл известный историк и археограф, бывший сотрудник МАМЮ, член ряда ученых архивных комиссий, в том числе и Тамбовской, В.Н. Сторожев. На заседании Московского археологического общества 24 января 1903 г. он выступил с докладом «К вопросу об охране материалов по истории крепостного права в России», в котором предложил незамедлительно приступить к сбору и описанию документов по истории крепостного помещичьего хозяйства в России XVIII — первой половины XIX вв. ⁸² Главную роль в собирании дворянских архивов он отводил ГУАК, что особо подчеркнул в другом своем докладе, сделанном на XIII археологическом съезде (1905 г., Екатеринбург). Сторожева поддержал М.В. Довнар-Запольский, указавший, что основная причина недостаточной изученности истории крепостного права в России заключается в неразобранности вотчинных и помещичьих архивов. ⁸³ Другой известный отечественный историк Н.А. Рожков с целью привлечения внимания местных архивистов к материалам помещичьих усадеб XVIII-XIX вв. выступил на Тверском областном археологическом съезде в 1903 г. В докладе под названием «О подборе и изучении материала к истории крепостного хозяйства в России» он указал на первостепенную значимость данной категории источников.

Большое значение работе по концентрации частновладельческих архивов придавала Особая комиссия при Русском историческом обществе,

осуществлявшая координацию деятельности ГУАК. Перед началом Первой мировой войны она обратилась к управляющему дворянским земельным и крестьянским поземельным банками А.Н. Карцову с просьбой содействовать передаче архивов из дворянских имений в местные ученые архивные комиссии. ⁸⁴ Последний, в свою очередь, с разрешения министерства финансов предписал губернским отделениям дворянского и крестьянского банков доставлять обнаруживаемые в имениях материалы в ГУАК. Особая комиссия рекомендовала расширить хронологические рамки собиравшихся комиссиями документов вотчинных архивов вплоть до 1881 г. (года издания указа о ликвидации временнообязанного положения крестьян).

Между тем при всей значимости частновладельческих архивов их выявление было связано со значительными трудностями. Если сведения о содержании архивных фондов правительственных учреждений ГУАК черпали из более или менее регулярно присылавшихся описей, то возможности получения точной информации о частных архивах были ограничены. Большая часть последних поступала в губернские исторические архивы случайным путем — в результате сообщений членов комиссий, либо в качестве пожертвований. В ответе на запрос Русского исторического общества от 28 февраля 1912 г. по поводу взаимоотношений Тамбовской комиссии с ведомственными и частными архивами она указывала: «Об архивах частных комиссия не имеет подробных и точных сведений. Бумаги этих архивов попадают в архивную комиссию совершенно случайно и редко, когда кто-либо из членов архивной комиссии сообщит ей об историческом материале, находящемся в частных руках и если сами владельцы пожертвуют архивной комиссии хранящиеся у них материалы». ⁸⁵ Работа по выявлению частных архивов существенно тормозилась отсутствием необходимых для этого средств. В упомянутом выше ответе комиссия была вынуждена сообщить, что недостаток финансов препятствует проведению планомерных поездок в пределах губернии, в ходе которых можно было бы приобрести много ценного исторического материала, бесследно погибающего в уездных захолустьях.

Тем не менее деятельность комиссии в данном направлении оказалась достаточно продуктивной. Активизации этой работы немало способствовал И.И. Дубасов, неоднократно обращавший внимание архивистов на этот важный источник комплектования исторического архива. ⁸⁶ «Если бы земляки-тамбовцы, — сказал он на заседании 2 февраля 1899 г., — тщательно откликнулись на мой давний научный призыв, то из семейных архивов, по преимуществу, дворянских, появились бы массы ценных исторических материалов». ⁸⁷ Наибольшей активностью в поиске дворянских и помещичьих собраний, а также отдельных частных документов отличались П.И. Пискарев, М.Г. Розанов, А.Л. Лебедев, Д.Н. Астров, М.Ф. Николаевский, А.П. Муравьев, П.А. Дьяконов. Так, в 1885 г. Пискареву удалось получить информацию о хранящихся у елатомского землевладельца К.Н. Ломоносова старинных столбцах, среди которых были челобитные грамоты, меновые крепости, выписи из писцовых книг, царские указы, рядные, договоры о сдаче земли в аренду XVI-XVII вв. Им же

было обнаружено значительное собрание исторических материалов в селе Семеновка Кирсановского уезда — в имении, принадлежавшем служащему таможи Г.М.Севостьянову. Оно включало в себя самые разнообразные документы, начиная с XVI в. (дела Шацкой приказной избы, источники по истории крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева, в том числе грамоты с его личной подписью).⁸⁸ Дубасов в начале 1885 г. сообщил членам комиссии о хранившейся у некоего Н.И.Раева переписке Александра I с М.И.Кутузовым, А.А.Аракчеевым и другими лицами, а П.А.Дьяконов — о богатом фамильном архиве помещиков Герасимовых.

Ввиду большого количества поступавших в ТУАК сведений о частных документальных собраниях, было принято решение о помещении в архиве окружного суда обращения к их владельцам с просьбой о передаче материалов в губернский исторический архив на постоянное хранение или для снятия копий.⁸⁹ Результаты принятой меры не замедлили сказаться: в скором времени в комиссию поступило 15 документов, предоставленных упомянутым выше Н.И.Раевым, 8 документов от А.Е.Григорьева, 37 столбцов от К.Н.Ломоносова, 23 дела (челобитные, кабальные записи, рядные, царские жалованные грамоты XVII-XVIII вв.) от дворянки Е.А.Давыдовой.⁹⁰ На протяжении своей истории ТУАК не раз практиковала публикацию подобных обращений к владельцам документов, что зачастую приносило результаты. Так, в 1886 г. от П.И.Грекова поступило 13 столбцов (жалованные грамоты, купчие, рядные, поступные и т.п.) из семейного архива Н.И.Сумарокова. В 1890 г. во временное пользование для извлечения наиболее важных материалов комиссия получила обширный фамильный архив А.Б.Болдырева, включавший в себя документы XVI-XVIII вв. И.И.Дубасову удалось получить переписку участника борьбы с пугачевским движением генерал-майора Смирнова, бумаги князей Гагариных, Кашаевых, Маматказиных. А.П.Муравьев представил в 1889 г. документы из собрания своего отца П.М.Муравьева (рапорт воеводской канцелярии в Сенат о пожаре 1697 г., рапорт в военную коллегию от 1701 г. и др.).⁹¹ Г.П.Петерсон в 1887 г. прислал в комиссию ряд фамильных документов XVII в. (ввозные и поступные грамоты на рыбные ловли и бортовые ухажья в Кадомском уезде и поместье в Темниковском уезде стольнику Кашаеву; поступные грамоты князьям Кугушевым, Тияшевым на поместья в Кадомском и Темниковском уездах; акт на спорную землю, состоящую во владении мордвы, крепостной акт на крестьян; выписи на поместьную и меновую землю в Кадомском и Темниковском уездах; о недозволении поташного производства в Кадомских лесных дачах Кашаева).⁹² В результате подобных поступлений в архиве комиссии сложились значительные подборки документов ряда тамбовских фамилий — Сатиных, Зиновьевых, Малеевых, Акчериных, Кудашевых, Ознобишиных.

Часть материалов поступила в архив ТУАК в результате предпринимавшихся ее сотрудниками специальных поездок с целью выявления частновладельческих собраний. Так, в июле 1891 г. М.Ф.Николаевский обнаружил ценные источники в бывшем доме помещиков Романовичей в селе Малая Липовка Моршанского уезда. Отец владельца архива

генерал Романович имел некоторое отношение к следствию по делу декабристов. После его смерти некоторые материалы следствия, в том числе письма декабристов, а также документы, имевшие отношение к подготовке восстания, попали в руки его сына, не придавшего им особого значения. Часть архива при продаже с аукциона в декабре 1891 г. перешла к другим лицам, само же имение было продано. Оставшиеся нетронутыми материалы хранились в имении вплоть до новых торгов. Родственники Романовича обратились в ТУАК с просьбой приобрести на аукционе уцелевшие документы. Ввиду отсутствия необходимых средств, комиссия приняла решение просить владельцев о безвозмездной передаче дел в ее архив на постоянное хранение либо для снятия копий.⁹³ В результате переговоров некоторая часть материалов попала в архив комиссии.

Исторический архив пополнялся также фамильными собраниями членов самой ТУАК. Так, в 1887 г. при отъезде из Тамбова на место нового служебного назначения помощник классного наставника гимназии А.И.Сатин передал в дар комиссии богатое семейное собрание документов, в состав которого входили имущественные и крепостные акты XVII — начала XIX вв., копии царских указов, записные книги, служебная и частная переписка рода Сатиных и т.д.⁹⁴ Ряд царских жалованных грамот XVII-XVIII вв. на вотчины в Московском, Шацком и Темниковском уездах роду Вышеславцевых комиссия получила в 1887 г. в дар от Ф.М.Вышеславцева.⁹⁵

Наиболее значительным приобретением ТУАК из числа частновладельческих собраний стал фамильный архив графов Сухтеленов. Заслуга его открытия принадлежала М.Г.Розанову, обнаружившему архив в июле 1884 г. в имении тамбовской помещицы Н.К.Сухтелен в селе Большом Шереметеве Моршанского уезда. Ознакомившись с фамильными бумагами, архивист тотчас же оценил их значение и предпринял ряд мер по их передаче в собственность ТУАК. Благодаря усилиям своего сотрудника комиссия в середине 80-х годов получила часть документов из имения Сухтеленов, в том числе рукопись секретаря Екатерины II А.А.Безбородко «Хронологическое показание установлений Екатерины II и знаменитых событий ее царствования». В 1888 г. графиня Н.К.Сухтелен решила пожертвовать в губернский исторический архив все имевшиеся у нее рукописи и бумаги ее деда Петра Корниловича и дяди Павла Петровича. По мере поступления архива Розанов знакомил с его материалами членов комиссии. Так, на заседании 17 февраля 1886 г. он сделал сообщение о характере архива и биографиях его владельцев,⁹⁶ а 1 марта 1887 г. — о рукописи французского инженера Боабадера «О важном значении Моршанской пристани для Российской империи».⁹⁷

Важность приобретения Тамбовской комиссией документального собрания Сухтеленов, а, следовательно, и его сохранения для науки, трудно переоценить. Его историческая ценность определяется той немаловажной ролью, которую играли представители этого рода в военной и политической истории России. Основатель русской ветви старинного голландского рода инженер-подполковник Жан-Пьер Сухтелен перешел

на русскую службу под именем Петра Корниловича в 1783 г., снискав впоследствии немало наград на военном поприще.⁹⁸ Служению России была также посвящена жизнь его сына Павла Петровича Сухтелена.⁹⁹ В звании генерал-майора он принимал участие в Отечественной войне 1812 г., являлся участником русско-иранской 1826-1828 гг. и русско-турецкой 1828-1829 гг. войн. П.П.Сухтелен занимал должность начальника штаба Отдельного кавказского корпуса, а в 1829 г. состоял при персидском посольстве внука шаха Хозрев-Мурзы, прибывшего в Петербург в связи с гибелью А.С.Грибоедова. В 1830 г. он был назначен военным губернатором в Оренбург, где и скончался в 1833 г. Младший сын П.К.Сухтелена — Константин Петрович — также принимал участие в многочисленных военных кампаниях начала XIX в.¹⁰⁰ С 1817 г. он поселился в Моршанском уезде Тамбовской губернии. Именно сюда он перевез часть оставшихся после смерти отца библиотеки, коллекций и архива, переданного впоследствии в дар ТУАК его дочерью Натальей Константиновной.

Состав фамильного архива Сухтеленов был необычайно богат и разнообразен. В него входили мемуары, заметки, проекты фортификационных и других инженерных сооружений, военные карты и планы, частная и официальная переписка на русском, французском, немецком, испанском, шведском, голландском языках за период с 1722 г. по 1862 г., документы с автографами русских императоров от Екатерины II до Николая I. Материалы архива представляли собой ценные источники по истории политической, экономической, военной, дипломатической, административной и других областей жизни России конца XVIII — первой половины XIX вв. Помимо фамильных бумаг в его состав входили автограф А.-Л.Шлецера «Трактат о мерах к увеличению народонаселения России» и рукописи с коллекцией древних надписей, принадлежавшие шведскому ориенталисту Я.И.Бьернсталю. Наиболее полно были представлены документы, освещавшие военные кампании (русско-шведскую войну 1788-1790 гг., финляндскую 1808-1809 г., наполеоновские 1805-1807 гг., турецкие 1806-1812 гг. и 1828-1829 гг.), а также дипломатическую историю (материалы китайского посольства 1805 г. графа Ю.А.Головкина, персидской миссии 1829 г., документы по истории отношений России со Средней Азией и т.д.).

С целью привлечения внимания членов комиссии к разбору документов архива Сухтеленов И.И.Дубасов практиковал знакомство с ними на заседаниях ТУАК. Так, 1 июня 1890 г. он продемонстрировал своим сотрудникам две большие связки бумаг из состава архива, заключающие дипломатическую переписку начала XIX в. (письма А.В.Суворова, Л.В.Дубельта, С.Р.Воронцова и других государственных деятелей). Собрание решило незамедлительно начать разбор и описание архива и прежде всего приступить к переводу документов с французского и немецкого языков для опубликования их в «Известиях». А.А.Чоглоков обязался в кратчайшие сроки представить их перевод.¹⁰¹ Однако, несмотря на принятое решение, на протяжении первого периода деятельности комиссии архив Сухтеленов так и не был разобран и систематизирован. Вероятно, сказались отсутствие необходимых для этого средств и сил. Среди членов ко-

миссии не нашлось желающих заняться рискованным и трудоемким делом разбора огромного (по косвенным данным, более тысячи дел) и сложного по составу документального комплекса, включавшего в себя к тому же множество документов на иностранных языках. Можно предположить, что не последнюю роль сыграло также то обстоятельство, что материалы архива в подавляющем большинстве не имели отношения к местной истории, в то время как Дубасов направлял деятельность своих сотрудников прежде всего на разработку источников по истории родного края.

Для того чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, необходим был приход в комиссию нового, более честолюбивого председателя. А.Н.Норцов по достоинству оценил значение собрания и не без основания предположил, что его публикация привлечет к тамбовской архивной комиссии внимание высших кругов. Он лично занялся разбором, систематизацией и описанием архива Сухтеленов, информация о котором уже давно циркулировала в столице. Еще в 1888 г. в адрес комиссии пришло предписание заведующего архивом министерства иностранных дел барона Д.Ф.Стурта о передаче в Петербург секретной инструкции за подписью Александра I, полученной П.К.Сухтеленом в 1809 г. при его назначении послом в Швецию. При этом Стурт заявил, что ценность данного документа настолько высока, что если бы даже деятельность ТУАК ограничилась одной лишь его находкой, то и тогда она была бы вправе считать себя оказавшей правительству значительную услугу.¹⁰²

Благодаря усилиям А.Н.Норцова в 1906 г. комиссия получила в свое распоряжение еще два фамильных архива, не уступавших по своему значению собранию Сухтеленов. Это были документальные комплексы, принадлежавшие графам Канкриным и Ламбертам. Они были переданы ТУАК кирсановским помещиком Н.Л.Марковым, в свою очередь приобретшим их у уездного предводителя дворянства С.С.Башмакова — племянника жены А.Е.Канкринина.¹⁰³ Документальное собрание Канкриных включало в себя бумаги представителей нескольких поколений этого рода: Франца Людвиг Канкринуса, приглашенного на русскую службу П.А.Румянцевым-Задунайским и принявшим участие в Отечественной войне 1812 г.; его сына министра финансов Е.Ф.Канкринина,¹⁰⁴ родственников жены министра, приходившейся сестрой декабристу А.З.Муравьеву. Материалы архива состояли из многочисленной переписки (в том числе писем декабристов, российских послов, банкиров дома Ротшильдов и т.д.) и заключали в себе ценные сведения о финансовой, экономической, политической и военной истории России конца XVIII — первой половины XIX вв.

Не меньший интерес представляли документы архива породненного с Канкриными рода Ламбертов.¹⁰⁵ Один из его представителей — Я.О.Ламберт — являлся директором департамента внешней торговли министерства финансов.¹⁰⁶ В состав архива входили письма, дневники, заметки, официальные бумаги, содержавшие сведения о политической истории России конца XVIII — начала XIX вв., дипломатических и торговых отношениях с Испанией; заметки этнографического характера (о народах Сибири) и социально-политического (о декабристах, тайных обществах,

административной власти); проекты, отчеты, доклады министерства финансов, в том числе департамента внешней торговли (описание русской миссии в Бухару в 1820 г., проекты торговых операций России с Китаем, Японией, Филиппинами, реестр делам Российско-Американской компании 1819-1824 гг.); дела комитета по преподаванию наук 1826 г. (программы, уставы университетов, положения об учебных заведениях). Значительный комплекс документов отражал историю китайской миссии графа Ю.А.Головкина.

Материалы архивов Сухтеленев, Канкриных, Ламбертов были разобраны и систематизированы А.Н.Норцовым к 1910 г. На заседании комиссии 15 сентября 1910 г. он познакомил сотрудников с результатами своей работы, зачитав общий обзор документов архивов. В том же году обзор был напечатан отдельной брошюрой.¹⁰⁷ Документы были систематизированы Норцовым по хронологическому принципу в соответствии с основными вехами биографии их владельцев.

Одной из категорий архивов, которая пользовалась самым пристальным вниманием ГУАК, являлись церковные и монастырские хранилища. Интерес комиссий к подобного рода собраниям был обусловлен, во-первых, характерным для провинциальных историков повышенным вниманием к церковно-исторической проблематике в целом; во-вторых, пониманием научной значимости материалов подобных хранилищ для разработки политической и социально-экономической истории государства; в-третьих, стремлением содействовать, по мере возможности, сохранности документов одной из наименее обеспеченных условиями хранения разновидностей архивов. К концу XIX в. богатые прежде монастырские собрания в значительной степени оскудели. Во многом это было связано с начавшимся в XVIII в. процессом секуляризации церковных земель, когда у монастырей отбирались для передачи в Коллегию экономии грамоты, подтверждавшие их земельные права. Не последнюю роль сыграло также получившее в начале XIX в. бурное развитие собирательство письменных памятников старины. В ходе археографических экспедиций научные общества и отдельные лица становились владельцами легально и нелегально приобретенных монастырских актов.¹⁰⁸ В результате нередкими были случаи полной утраты монастырями своих документальных собраний. К примеру, члены Ярославской комиссии, возглавлявшие большие надежды на обследование хранилищ старейшего Спасского и Толгского монастырей (XIII и XIV вв.), пережили немалое разочарование, не обнаружив в них ни одного старинного документа.¹⁰⁹

Для тамбовских историков данная категория архивов представляла особую ценность в том отношении, что монастыри на территории края являлись одним из двигателей его колонизации и, следовательно, хранили материалы по раннему периоду истории Тамбовщины. Они содержали сведения о распространении христианства на территории края и его влиянии на жизнь местных обитателей, о хозяйственном укладе монастырской жизни, церковных древностях и памятниках церковной архитектуры, о распространении просвещения, устройстве учебных и благотворительных учреждений, составе и повинностях монастырских

крестьян. Среди документов, хранившихся в монастырских архивах, были такие категории источников, как вкладные, поступные, купчие грамоты, царские жалованные акты, выписи из отказных и писцовых книг, приходно-расходные и инвентарные книги и пр. Член ТУАК Н.И.Орлов в предисловии к опубликованным им документам по истории епархии утверждал, что «несмотря на бесконечные опустошения, которые в разное время произведены были в массе местных документов не только пожарами, но и еще в большей степени невежеством лиц, еще не сознающих важного значения актов — все-таки во многих местах епархии сохранились богатые вклады в сокровищницу местной церковной истории».¹¹⁰ В то же время церковные и монастырские архивы являлись одной из наименее разработанных разновидностей местных архивов. Тамбовские историки были слабо осведомлены о составе, объеме, условиях хранения епархиальных архивов, хотя имели представление о том, что многие из них находились в состоянии, близком к критическому. Наиболее упорядоченным был архив духовной консистории.

Между тем взаимоотношения ГУАК и архивов культовых учреждений не регламентировались официальными инструкциями или актами. В результате доступ членов комиссий в подобные хранилища всецело зависел от позиции местных епархиальных властей. Вследствие подобного положения представляется вполне объяснимым тот факт, что лишь немногим из ГУАК удалось получить на хранение в свои архивы монастырские фонды. К их числу принадлежали, к примеру, Рязанская комиссия, получившая документальный комплекс в две тысячи единиц хранения XVI-XVII вв. из Солотчинского монастыря, и Тверская, в архив и музей которой по распоряжению епархиального начальства было передано значительное количество документальных и вещественных памятников старины. Однако большинство комиссий, в том числе и Тамбовская, были вынуждены ограничиваться либо описанием монастырских собраний (в том случае, если удавалось получить к ним доступ), либо эпизодическим приемом отдельных документов церковно-исторического характера, поступивших случайными путями. В этой связи на VIII археологическом съезде А.В.Селиванов предложил ходатайствовать о предоставлении ГУАК права беспрепятственного осмотра монастырских и церковных архивов.¹¹¹ Однако этот вопрос так и остался неурегулированным.

Тамбовская комиссия стремилась поставить работу с церковно-монастырскими собраниями на долговременную и прочную основу. С этой целью 1 декабря 1887 г. ее руководство направило в духовную консисторию на имя епископа Тамбовского и Шацкого Виталия ходатайство о высылке в губернский исторический архив на постоянное хранение или для снятия копий старинных рукописей и документов.¹¹² В прошении указывалось, что монастырские и церковные собрания представляют значительный исторический интерес, и отмечалось, что в современном их состоянии они остаются недоступными для научных исследований. Однако просьба комиссии не увенчалась успехом. В ответном послании от 16 января 1888 г. епископ Виталий сообщил, что согласно указу Синода от 31 мая 1853 г. письменные памятники старины церковно-историчес-

кого характера должны сохраняться при церквях, вследствие чего он не может выполнить просьбу комиссии. Виталий признал возможным снятие копий лишь на месте хранения документов, и то с разрешения настоятелей и под их личным наблюдением.

Позиция епархии в значительной мере осложнила деятельность комиссии по выявлению и сохранению церковных собраний. Она была вынуждена ограничиться просьбой о высылке в адрес комиссии сведений о составе монастырских архивов, которые поступали, главным образом, от священнослужителей-сотрудников ТУАК. По получении подобной информации предпринимались попытки обследования монастырских и церковных архивов. Так, смотритель Шацкого уездного училища Д.В.Ильченко предложил на заседании 7 мая 1885 г. ходатайствовать перед консисторией о разрешении осмотреть Шацкий Чернеев монастырь. 13 июля того же года был получен положительный ответ консистории, давшей соответствующее распоряжение настоятелю монастыря. Ильченко также сделал ряд копий документов из архива Нижнеломовского уездного суда и Краснослободского мужского Спасо-Преображенского монастыря, освещавших обстоятельства основания монастыря и процесс закрепления за ним земельных угодий в середине XVIII в. В 1885 г. М.Г.Розанов обследовал архив соборной Преображенской церкви Темникова и снял копию с хранившейся здесь грамоты царей Ивана и Петра Алексеевичей на земельные владения 1685 г. Ряд архивов монастырей Пензенской губернии, ранее относившихся к Тамбовской епархии, осмотрел в 1888 г. член ТУАК уездный врач Г.П.Петерсон. В 1890 г. П.А.Дьяконов скопировал в архиве Козловского Троицкого монастыря его описание от 1706 г. Тогда же П.И.Пискарев снял копии с описания Вознесенского женского монастыря середины XVIII в. и Казанского монастыря 1715 г., хранившегося в МАМАЮ. В этом же хранилище были сделаны копии документов по истории Успенской Проломной и Вышенской пустынь с описанием их хозяйственной деятельности в XVIII в. и церковно-археологических древностей, а также описание десяти монастырей Шацкой провинции 1738 г.

Ряд выявленных материалов комиссии удавалось получить в собственное распоряжение. Например, в 1885 г. протоиерей соборной Преображенской церкви В.Курганский доставил в архив столбец, представлявший собой несколько грамот царей Ивана и Петра Алексеевичей от 1685 г. на земельные владения в Темникове.¹¹³ В том же году настоятель соборной Крестовоздвиженской церкви Козлова протоиерей И.М.Сладкопцев передал 24 документа XVIII в. Наибольший интерес среди них представляли копия указа Синода о снятии сана с архимандрита Нижнеломовского Богородично-Казанского монастыря отца Исаакия за организацию почетной встречи сподвижников Е.И.Пугачева. В конце 1880-х годов И.И.Дубасову удалось получить от наследников одного из священников Рассказовского благочиния 47 документов 1800-1847 годов. Они представляли собой административные акты высшей (синодальной) и местной (епархиальной) властей, отражавшие порядок церковного управления в начале XIX в., состояние богослужения и внутренней церковной

жизни.¹¹⁴ В 80-е гг. комиссии удалось получить материалы Вышенской пустыни второй половины XVIII в., Темниковского Пурдышевского монастыря (грамоты конца XVII в. об отводе монастырю земли, бортных ухожий, рыбных и бобровых ловлей местными землевладельцами; списки царских грамот, налагающих на местное мордовское население оброк для прокормления монастыря, об охране его земель и т.д.), а также документы Козловского уездного полицейского управления о молоканах села Новогоритова. В конце 90-х годов был получен ряд документов Трегуляевской Предтеченской пустыни Тамбовского уезда. В архиве комиссии отложился также значительный комплекс материалов по истории Чернеева монастыря. Самым древним из его документов являлась грамота об отводе земель монастырю в 1583 г. Достаточно представительным было собрание документов по истории Козловского Троицкого монастыря (выписи из козловских строильных книг, грамоты об отводе рыбных ловель и бобровых гонов на р. Лесной Воронеж, описание состояния монастыря в 1653 г. и принадлежавшего ему недвижимого имущества, грамоты о недозволении вступать в монастырские угодья атаманам, казакам и др., выписи из межевых книг игумену монастыря с братией 1664 г., описание пашенных земель и сенных покосов, спорные дела на землю с жителями местных сел), а также материалы по истории упразднения Троицкого монастыря Тамбовского уезда.

Интересное открытие удалось сделать А.А.Щеголеву, обнаружившему в 1909 г. при разборе книг библиотеки комиссии рукописи знаменитого церковного композитора протоиерея П.И.Турчанинова. Она содержала неизвестные ранее воскресные ирмосы восьмью гласов, переложенные с древних распевов. Исследование рукописи было поручено члену комиссии, специалисту в области духовной музыки священнику В.В.Лебедеву.¹¹⁵ Сравнив рукопись с другими автографами Турчанинова, он пришел к заключению об их действительной принадлежности композитору. На вопрос о том, каким образом неопубликованные ирмосы оказались в Тамбове, священник высказал предположение, что они могли быть получены от автора известными тамбовскими знатоками и ценителями церковной музыки Нарышкиными или Голицыными. Рукопись была отправлена в Придворную певческую капеллу, подтвердившую ее принадлежность Турчанинову.

Некоторые документы поступали в комиссию из церковных архивов. Так, в 1892 г. А.И.Архангельский сообщил о хранившихся при храме св. Николая-Чудотворца в селе Никольском Моршанского уезда исторических материалах и выслал копии некоторых из них.¹¹⁶ В 1902 г. исторический архив пополнился материалами из церкви села Гумны того же уезда, основанной в конце 70-х годов XVII в. Документы освещали историю строительства церкви священником В.Даниловым, давшим обет выстроить новую церковь в случае его освобождения из разинского плена. П.И.Астров представил в ТУАК материалы XVII в. из церковного архива села Ивинья Моршанского уезда (договорные грамоты, память, выпись из межевых книг), которые отражали имущественные отношения между причтом и крестьянами. В архиве Знаменской церкви П.А.Дьяконов ско-

пировал межевую запись 1782 г. на землю, пожалованную причту Остро-го-Тамбовской церкви Пресвятой Богородицы.

В архиве ГУАК хранились также многочисленные материалы по истории иногороднего монастырского землевладения: грамоты 1700 и 1702 гг. рязанскому Солотчинскому монастырю об отводе земли в Тамбовском уезде и за р. Лесной Тамбов, выпись с отводных книг 1704 г. земли по челобитью митрополита Рязанского и Муромского, выпись московскому Благовещенскому собору от 1712 г., материалы рязанских Спасского, Николаевского Радовицкого монастырей, документы Кирилло-Белозерского и московского Новоспасского монастырей.

При формировании исторических архивов большинство ГУАК не ограничивалось только местными источниками комплектования. В своем стремлении создать цельные документальные комплексы, в полной мере отражающие историю отдельных регионов, они предпринимали попытки выявления документов по истории края и за его пределами. Так, в 1888 г. А.Ф.Селиванов, будучи в Тифлисе, узнал от членов Кавказской археографической комиссии о наличии в военно-историческом отделе штаба военного округа материалов конца XVIII в. по истории Тамбовского наместничества. На собрании ГУАК 8 марта 1889 г. было принято решение о ходатайстве перед штабом о высылке в адрес комиссии описи, а по возможности и самих документов.¹¹⁷ К сожалению, источники умалчивают о дальнейшей судьбе этого запроса.

Провинциальные архивисты придавали большое значение установлению связей с центральными архивами. В свою очередь последние, понимая всю важность работы по созданию местных хранилищ, старались, по возможности, оказывать им необходимую помощь. Управляющий Московским архивом министерства юстиции Д.В.Цветаев на встрече с деятелями ГУАК особо подчеркнул, что полнота научных исследований местных историков возможна только при параллельной разработке столичных и провинциальных архивов.¹¹⁸

Тамбовская комиссия, наряду с Рязанской, Орловской и некоторыми другими, принадлежала к числу ГУАК, установивших наиболее регулярные и плодотворные отношения со столичными архивами. С момента своего возникновения комиссия поставила своей задачей собрать как можно больше копий документов по истории края из центральных хранилищ. На заседании 8 января 1885 г. И.И.Дубасов сделал сообщение о результатах проведенной им в 1884 г. работы с фондами Московского архива министерства юстиции, Московского Главного архива министерства иностранных дел, Румянцевского музея. В первом из них его внимание привлекло значительное количество столбцов, относящихся ко времени основания Тамбова, в том числе отписки первых тамбовских воевод Р.Ф.Боборыкина и И.В.Биркина; во втором — статейные списки, составленные елатомским наместником князем С.Шаховским; в третьем — документы об обращении мордовского населения в христианство. В заключение председатель призвал своих сотрудников как можно более широко использовать материалы центральных хранилищ. «Местная архивная комиссия, — сказал он, — совершила бы весьма важный научный подвиг,

если бы нашла возможным систематически и в обширных размерах снимать копии с важнейших наших исторических памятников».¹¹⁹ Комиссия предоставила председателю выбор документов, копии которых было бы желательно получить. Для начала было принято решение заказать копии дел о наместничестве воевод Тамбова 1659 г. из МАМЮ. Спустя непродолжительное время в адрес ГУАК поступили копии дел о принятии в 1659 г. стольником и воеводой И.А.Полевым Тамбова у стольника и воеводы Ф.И.Леонтьева и отписки козловского воеводы И.Вельяминова царю Алексею Михайловичу о возобновлении строительства козловских укреплений. Общее собрание от 4 октября 1885 г. констатировало: «Полученные копии представляют серьезный интерес для местной истории. Поэтому было бы плодотворным дальнейшее поддержание постоянных отношений с Московским архивом министерства юстиции».¹²⁰ МАМЮ принадлежал к числу центральных хранилищ, в которых материалы по региональной истории были представлены особенно широко. Наибольшую ценность для местных историков представляли фонды Разрядного приказа. В них хранились списки служилых и посадских людей, перечни церквей и монастырей, сметные книги (ежегодные отчеты воевод о состоянии крепостей, городов, казенных зданий), оброчные книги с описанием торговых и промышленных заведений и обозначением их оброка, составлявшиеся при смене воевод росписные списки и т.д. Материалы отдела являлись незаменимыми источниками по социально-экономической, бытовой, культурной истории областей, характеризовали развитие административного управления, судопроизводства и т.п. Отдельные группы документов отражали историю древнейших городов Тамбовского края — Елатьмы, Кадома, Козлова, Лебедяни, Тамбова, Усмани, Темникова, Шацка. Немало сведений об истории Тамбовщины имелось также в материалах Сената и коллегий. О количественном составе источников по истории края, находившихся на хранении в МАМЮ в 80-е годы XIX в., дают представление следующие данные: 294 жалованные монастырские грамоты 1542-1763 гг., 102 тома переписных, писцовых, дозорных и межевых книг 1614-1716 гг., 171 столбец 1627-1701 гг. Поместного приказа, 28 отказных книг 1619-1752 гг., 167 единиц хранения 1700-1786 гг. и восемь связок разрозненных дел Вотчинной коллегии, 176 дел ревизских сказок 1716-1763 гг., 36443 единицы хранения 1703-1799 гг. упраздненных в 1864 г. судебных учреждений.¹²¹ Разработка столь обширного массива документальных источников требовала от тамбовских архивистов значительных усилий и вряд ли была бы возможна без действенной помощи московских членов комиссии, сотрудников МАМЮ. Их участие в работе ГУАК проявлялось в двух направлениях. Во-первых, они информировали тамбовских коллег о составе фондов, относящихся к истории края, и, во-вторых, высылали копии наиболее важных дел. Присылаемые описи обыкновенно зачитывались на заседаниях комиссии с целью ознакомления заинтересованных лиц с содержанием дел, а копии публиковались на страницах «Известий». Одним из наиболее деятельных членов комиссии являлся начальник отделения МАМЮ И.Н.Николев. На протяжении ряда лет, еще до открытия в Тамбове ученой архивной ко-

миссии, он занимался извлечением из фондов архива и изданием документов по истории Тамбовского края. Николев оказал существенную помощь И.И.Дубасову в поиске необходимых источников при написании «Очерков из истории Тамбовского края». С открытием в городе ученой архивной комиссии он установил с ней тесные и регулярные связи. Уже в 1885 г. ТУАК получила от Николева опись документов, касающихся ранней истории Козлова. Среди материалов, обнаруженных им в фондах Приказного стола архива, были такие источники, как дело «О сооружении городков, земляного вала и башень от р. Польного Воронежа до р. Челнавой» (описание сторожевой черты), документы о размещении находившихся на караулах в Тамбове стрельцов, их челобитные о тяготах службы, именные списки бояр, дворовых, городских, поместных казаков, прибывших в Козлов из Переяславля Рязанского, дела о розыске беглых казаков, о посылке на службу в Козлов сторожевых казаков из Рязьска, отчеты об израсходованных на строительство черты деньгах и т.д.¹²² В 1886-1888 гг. Николев прислал в адрес комиссии копии нескольких важных комплексов документов, относящихся к строительству Тамбовской черты, крестьянским волнениям в Шацкой провинции в 1756 г., истории Козлова. Плодотворное сотрудничество ТУАК с московским архивистом продолжалось вплоть до его смерти в 1888 г.

На протяжении многих лет комиссия поддерживала связи с управляющим МАМЮ Н.А.Поповым и двумя его сотрудниками А.А.Гоздаво-Голумбиевским и В.И.Холмогоровым. Особенно результативным было взаимодействие с Холмогоровым, избранным почетным членом за оказанную ТУАК в выявлении источников помощь. В числе предоставленных им материалов были писцовые книги вотчин великой княгини Марфы Ивановны, документы о тамбовских валовых крепостях, выписи из переписных книг, относящиеся ко времени крестьянской войны под предводительством С.Т.Разина (с указанием сведений обо всех селениях края, затронутых восстанием), описание сел Верхоценской волости, послужившее дополнением к одноименному изданию, подготовленному П.И.Пискаревым, борисоглебские переписные книги 1717 г., перепись жителей Козлова для перевода их в тягло, дозорные росписи городовому и крепостному строению в Козлове и др.

Достаточно стабильные связи сложились у ТУАК с другим центральным хранилищем — Московским Главным архивом министерства иностранных дел. Из числа его сотрудников наиболее активное содействие выполнению задач комиссии оказывал библиотекарь архива И.Ф.Токмаков, регулярно сообщавший ей сведения о документах, относящихся к самым разным сторонам исторического прошлого Тамбовщины. В 1885 г. в губернский архив поступила присланная Токмаковым в свое время в редакцию «Тамбовских губернских ведомостей» копия записной книги 1646-1647 гг. с перечнем вотчин, душ и крестьянских дворов, принадлежавших тамбовским дворянам. Документ, представлявший собой один из старейших актов государственного описания земель, содержал богатые сведения об экономической и бытовой истории края. Кроме того, он имел немалое практическое значение, так как служил обоснованием права

на земельную собственность и дворянское звание более чем 200 тамбовским фамилиям. Обладание подобного рода материалами повышало престиж комиссии в глазах местного дворянства, что позволяло в свою очередь рассчитывать на определенные денежные пожертвования с его стороны.

Важно отметить, что центральные архивы предоставляли ТУАК не только копии интересовавших их дел, но и подлинные документы. Оригинальные дела поступали в губернские архивы, главным образом из Московского архива министерства юстиции и архива Сената в Санкт-Петербурге. Первый из них высылал в адрес комиссии материалы из числа копий и дубликатов вплоть до начала 90-х годов. К примеру, Орловская комиссия в 1891 г. получила пять переписных книг по городам Орлу и Болхову, а также Севскому и Ливенскому уездам; Рязанская в 1887 г. — списки с дозорных книг 1613 г. и писцовой 1621-1623 гг.¹²³ В 1892 г. по распоряжению нового управляющего подобная передача дел была запрещена. В 1880-х годах в архиве Сената начала работу комиссия по разбору переполненных архивных фондов. В 1887 г. в ее адрес поступила просьба Рязанской комиссии о высылке дел, имеющих отношение к истории Рязанского края. Представитель министерства юстиции Г.К.Репинский возбудил соответствующее ходатайство, после удовлетворения которого ряд ТУАК, в том числе и Тамбовская, стали получать подлинные документы из архива. Так, в 1888 г. ТУАК получила 14 документов департаментов общих дел и межевого за 1804 г.; в 1889 г. — 54 межевых дела с выдержками из писцовых книг XVII в., дающих представление об условиях и размерах вотчинного инородческого и русского землевладения в крае, а также семь дел межевого департамента начала XIX в.;¹²⁴ в 1890 г. — 40 дел межевого департамента, отражавших спорные вопросы землевладения и имевшие место в связи с ними случаи столкновения; в 1902 г. — были получены документы, относящиеся к периоду с 1802 по 1833 гг.; в 1903 — с 1826 по 1830 гг.¹²⁵

Значительное количество материалов по истории края было выявлено и скопировано сотрудниками ТУАК в процессе непосредственной работы в столичных архивах. Ведущая роль в этой деятельности принадлежала И.И.Дубасову, регулярно совершавшему поездки для занятий в московских архивах. Из числа других членов комиссии в центральных хранилищах достаточно регулярно работали П.И.Пискарев и М.Г.Розанов. Внимание тамбовских историков привлекали строильные и переписные книги, отписки воевод, царские грамоты на их имя, церковно-исторические материалы. Так, в 1886 г. Дубасов скопировал в МАМЮ ряд дел о строительстве тамбовских земляных крепостей, о тамбовских копейщиках в период крестьянской войны под предводительством С.Т.Разина; в МГАМИД — документы о местных раскольниках, тамбовских сторожевых казаках, отписки воевод времен разинского движения. Пискарев, работавший в 1889-1890 гг. в МАМЮ, подготовил копии дел о Тамбовском женском Воскресенском монастыре, описи Казанского монастыря. М.Г.Розанов в середине 80-х годов изучал каталоги МГАМИД, относящиеся к первой половине XVII в. Он намеревался также подготовить

указатель, при помощи которого тамбовские историки могли бы без лишних затрат времени разыскивать интересующие их материалы. Одновременно Розанов копировал выписи из писцовых книг.

С приходом в комиссию нового председателя был поставлен вопрос о расширении работы членов ТУАК в центральных архивах. На заседании 18 ноября 1902 г. А.Н.Норцов предложил организовать планомерную и систематическую работу по выявлению и опубликованию документов по местной истории из фондов столичных архивов.¹²⁶ Однако это предложение не было реализовано, поскольку в дальнейшем деятельность комиссии получила иное приоритетное направление.

В результате практической деятельности по формированию губернских исторических архивов ГУАК (в т.ч. и Тамбовская) значительно расширили круг источников их комплектования, определенный «Положением» 1884 г. Полагая недостаточным для создания полноценных архивохранилищ выделенных к уничтожению документов правительственных учреждений, комиссии привлекали другие, разнообразные по составу и происхождению материалы из частновладельческих, церковно-монастырских и других архивов. Таким образом, источники комплектования Тамбовского губернского исторического архива были обширны и многообразны, что непосредственным образом отразилось на характере отложившихся в его составе документов.

2. Практика отбора документов на хранение, ее развитие. Организация использования документов исторического архива

В конце XIX — начале XX вв. отечественное архивоведение еще не разработало теоретических положений о категориях подлежащих выявлению и хранению документальных памятников. По словам С.В.Чиркова, «субъективные представления археографов об объекте собирания отражали объективную совокупность сохранившихся памятников через зеркало потребностей науки, выделяя в этой совокупности некоторый круг «источников»».¹²⁷ Архивисты того времени при сборе документов ориентировались на широкий круг памятников, подпадавших под расплывчатую категорию «древностей», «старины». В результате, приступив к формированию исторического архива, Тамбовская комиссия вплотную столкнулась с многочисленными проблемами, связанными с практикой отбора дел и устройства их на хранение. Между тем, как уже отмечалось выше, какими-либо специальными инструкциями на этот счет губернские ученые архивные комиссии не располагали. Единственными правилами, которыми они могли руководствоваться, являлись подготовленные в 1887 г. Археологическим институтом «Главнейшие начала, которых было бы необходимо держаться при создании архивными комиссиями губернских исторических архивов».¹²⁸ Этот документ содержал набор элементарных требований: соблюдение пожарной опасности и поддержание чистоты в архивных помещениях; оборудование их шкафами и полками; необходимость цифровой и литерной нумерации комнат, шкафов и полок; шифрацию вновь поступающих архивных дел и обозначение их по-

рядковых номеров на ребрах связок; описание единиц хранения в конце каждого дела; составление предметного, именного и географического каталогов; комплектование справочной библиотеки. Исходя из вышеперечисленного, можно заключить, что инструкция Археологического института касалась лишь внешней стороны организации архива и совершенно не затрагивала тех вопросов, которые больше всего волновали местных архивистов: порядок разбора и описания дел, определение критериев выделения их к уничтожению. Перед членами ТУАК, не имевшими достаточного опыта архивной работы, встали трудноразрешимые для них вопросы. Многие из них были сформулированы Н.В.Калачовым еще на I археологическом съезде, но и впоследствии не получили своего разрешения: «Какие должны быть постановлены правила при разборе документов с целью признания одних подлежащими хранению, а других уничтожению? Какие должны быть приняты способы хранения документов в архивах для предохранения от сырости, огня и порчи? На какие отделы должны быть распределены и как должны быть размещаемы документы для занятия ими в архиве возможно меньшего пространства и для удобнейшего пользования ими? Какие реестры или другого рода описания должны быть им составляемы? Что из этих описаний подлежит изданию в свет и что должно быть предметом секретных отделов архива?»¹²⁹

Ввиду того, что в утвержденных правилах не предлагались критерии выделения дел, решение вопроса о научной ценности документов целиком зависело от компетентности архивных работников. В ведомственных архивах экспертиза ценности документов («разбор старых дел») проводилась по мере их переполнения ненужными для практических целей бумагами, причем каждый архив располагал собственными правилами хранения и уничтожения решенных дел. Равным образом каждая архивная комиссия руководствовалась при отборе документов исключительно собственными соображениями. Как справедливо отмечал хранитель архива Саратовской УАК А.А.Гераклитов, «решение наиболее существенного вопроса деятельности архивных комиссий, в котором ближайшим образом заинтересованы и наука, и даже самая жизнь, решается почти исключительно по личному усмотрению отдельных лиц, в зависимости от их личных взглядов, вкусов, степени образования и развития».¹³⁰ В этой связи вопрос об устранении субъективности в выборе архивных дел и его критериях поднимался на частных совещаниях представителей ГУАК, участвовавших в VIII (1890 г.) и X (1896 г.) археологических съездах.¹³¹ Решение этого вопроса вызвало у делегатов значительные затруднения. Единственное, к чему они смогли прийти в результате его обсуждения, — это необходимость оставлять на хранение как можно большее количество дел.

Отсутствие официальных инструкций по порядку отбора предназначенных к уничтожению документов ГУАК пытались восполнить разработкой собственных методических указаний. Сотрудники Калужской комиссии, например, составили в 1896 г. проект инструкции под названием «О видах документов, оставляемых на хранение». В нем, в частности, указывалось, что отбор дел на основании описей представляет за-

труднение, так как заглавия дел в описях дают часто слишком поверхностное и порой неверное понятие об их содержании. Кроме того, в делах могут иметься ценные документы, о существовании которых без непосредственного ознакомления с ними догадаться невозможно. «Поэтому, — говорилось в проекте, — Калужская архивная комиссия имеет в виду отбирать все дела, могущие представить какой-либо интерес в историко-бытовом отношении, с тем, чтобы при подробном ознакомлении с ними уже решать окончательно вопрос о том, желательна или нет сохранение каждого из них. Вообще же весьма желательно сохранять как можно большее количество дел и уничтожать таковые только по ознакомлении со стороны членов архивной комиссии с их содержанием непосредственно, а не через описи».¹³²

Нижегородская комиссия составила в 1898 г. собственный проект инструкции «О хранении и уничтожении старых дел», в котором выделялись две стадии работы по экспертизе ценности документов. Первая предполагала просмотр кратких описей старых дел того или иного учреждения с целью определения наиболее ценных в историческом отношении для передачи в исторический архив комиссии; вторая — непосредственное знакомство с содержанием документов собственного архива, их описание и уже после этого вынесение соответствующего решения. С тем чтобы избежать возможной в обоих случаях «личной окраски», т.е. проявления субъективизма, комиссия намеревалась проводить подобные работы коллективно. При этом предполагались два условия: во-первых, лица, занимающиеся просмотром и описанием дел, должны были хорошо знать общероссийскую и местную историю; во-вторых, предлагалось выбраковывать только те дела, которые в принципе по своему содержанию не могут иметь исторического значения и относятся к недавнему прошлому (квитанционные, разносные и талонные книги, однородные дела полицейских управлений и казенных палат и т.д.). По мнению комиссии, старые дела следовало сохранять в полном составе без разделения на категории «интересных» и «неинтересных» в научном плане.¹³³

Председатель Саратовской комиссии Л.П.Голицын предложил в разработанной им инструкции следующие принципы организации работы с описями правительственных учреждений: коллективный просмотр специально избираемой подкомиссией в составе пяти-шести сотрудников, обсуждение рассмотренных ими дел на общих собраниях, вынесение окончательного решения о научной ценности всех отмеченных в описях документов после непосредственного знакомства с подлинниками.¹³⁴ Оренбургская комиссия производила разбор дел сообща всеми членами, после чего каждый из них докладывал собранию свое мнение относительно ценности того или иного документа. Несколько иной точки зрения на порядок разбора дел придерживался правитель дел Нижегородской комиссии В.И.Снежневский. Не сомневаясь в эффективности коллективного труда, он тем не менее находил его трудноосуществимым в силу занятости членов комиссий. Нижегородский архивист полагал вполне достаточным обсуждение этого вопроса на общих собраниях комиссии, которые предоставляли возможность сотрудникам высказать собствен-

ное мнение относительно того или иного дела и установить общие критерии отбора документов. Опасения некоторых ГУАК на тот счет, что в случае индивидуального разбора дел могут возобладать субъективные точки зрения, Снежневский считал преувеличенными. Он полагал, что любой член комиссии, знакомый с историей своего края, способен в достаточной степени ориентироваться в массе архивных материалов и извлекать из них все наиболее ценное. По его мнению, опасаться следовало как раз обратного — излишней регламентации деятельности, способной вызвать охлаждение энтузиазма отдельных работников.¹³⁵

Тамбовская комиссия каких-либо специальных инструкций и указаний по вопросам отбора дел, предназначенных учреждениями к уничтожению, не выработала. В одном из ее отчетов, направленном в Московское археологическое общество, указывалось, что на хранение в Тамбовский исторический архив отбираются «наиболее интересные дела». В годовом отчете за 1901 г. отмечалось, что комиссия оставляет только те документы, которые, по мнению ее сотрудников, могут служить ее научным целям.¹³⁶ В подобном подходе проявилась определенная узость взглядов членов ГУАК, так как в этом случае не учитывалось возможное в будущем расширение научных целей и проблематики исследований как самой комиссии, так и исторической науки в целом. Прямые указания на то, какими критериями руководствовались члены комиссии при экспертизе ценности документов, в источниках, к сожалению, отсутствуют. Однако более или менее точное представление о том, какие категории дел привлекали их внимание, можно составить на основе анализа опубликованных в «Известиях» ГУАК описей, а также непосредственно самих публикаций документов. При этом становится очевидным, что тамбовские историки, руководствуясь не только научными, но и практически соображениями в первую очередь, обращали внимание на дела, содержавшие, по их словам, «драгоценные указания на поземельные владения», т.е. материалы по истории помещичьего землевладения. Не меньшее значение придавалось материалам по истории колонизации края, распространения христианства на его территории, крещению мордвы и татар, взаимоотношениям русских с инородческим населением, разделе земель, развитию промыслов, торговли, промышленности. Обязательно хранению подлежали источники по социально-политической истории: о взаимоотношениях сословий, положении крестьянства и духовенства, крестьянских волнениях и восстаниях. В этой связи представляется бесспорным утверждение Н.В.Бржостовской о том, что члены ГУАК уделяли мало внимания документальным материалам о положении угнетенных классов и их борьбе.¹³⁷ Она указывает на интерес к данной теме лишь со стороны Рязанской комиссии. Между тем деятели Тамбовской комиссии выявили и напечатали немалое количество источников по истории крестьянских движений и войн.

Особое внимание ГУАК обращала на материалы, имевшие отношение к истории церкви и бытовой истории: основанию и росту монастырей и церквей, их хозяйственной деятельности, распространению сектантства, обычаям и верованиям местных жителей, устройству их

повседневной жизни, делам, воссоздающим нравственный образ местных жителей. Значительный комплекс документов составляли материалы судопроизводства, отражавшие злоупотребления тамбовской администрации, мздоимство и казнокрадство, бытовую распущенность населения и т.д. П.А.Дьяконов в одном из своих выступлений на заседании комиссии отметил, что для ее членов особое значение представляют писцовые книги, жалованные грамоты, челобитные, ценные для «установки правовых отношений в вопросах землевладения, криминальных столкновений, в назначении и увольнении служащих в учреждениях».¹³⁸ О категориях документов, отбиравшихся на хранение в архив, можно также судить, исходя из анализа сохранившейся в составе фонда Тамбовской ученой архивной комиссии (ГАТО) коллекции документов, собранных членами комиссии. Она насчитывает 59 дел, относящихся к 1609–1832 гг. (выписи из писцовых, отказных и стрелецких книг, царские жалованные грамоты, сотенные книги, межевые, купчие, рядные грамоты, челобитные, долговые записи, квитанции и расписки о взимании налогов и т.д.), в которых получили отражение вопросы социально-экономической, политической, церковной истории края.

Приходится признать, что протоколы и отчеты ГУАК почти не содержат конкретных примеров отбора документов по присылаемым описям. Выявлено лишь незначительное число подобных случаев. Так, в 1885 г. М.Г.Розанов из описи Кирсановского уездного полицейского управления за период с 1846 по 1864 гг. и губернского правления за время с 1864 по 1870 гг. признал подлежащими передаче в исторический архив документы о сектантстве, крестьянских волнениях, злоупотреблениях чиновников, благоустройстве Тамбова, пожертвованиях на устройство женских школ и проектируемый памятник тысячелетию России.¹³⁹ В том же году Ф.П.Пацюков, работавший с описями дел Козловского уездного полицейского управления и Козловской городской думы, отметил для передачи в архив сведения о раскольниках, бытовые дела, документы о самовольном захвате земли, о крестьянских волнениях, материалы о взыскании с купцов денег на устройство народного училища в 1738 г., учительском жаловании, о наборе рекрутов, источники по эпохе Отечественной войны 1812 г. (об ополчении, иностранцах, расселении военнопленных французов, административном произволе, обязательствах тамбовских купцов организовать производство армейского сукна, документы бытового характера). В 1916 г. по описи дел казенной палаты за 1890–1906 гг. комиссия затребовала дела о праздновании столетнего юбилея министерства финансов в 1902 г. и отчеты о деятельности податных инспекторов за 1901–1902 гг.¹⁴⁰

Относительно хронологических рамок отбиравшихся на хранение материалов следует заметить, что источники, относившиеся к периоду до XVIII в., оставались в полном составе. Однако подобные дела в присылавшихся учреждениями описях встречались крайне редко. Документы, датируемые второй половиной XIX в., подвергались существенной выбраковке: хранению подлежали главным образом материалы о развитии народного образования и здравоохранения, благоустройстве городов губернии, истории церкви, статистические сведения.

В целом критерии отбора дел, использовавшиеся ГУАК, были идентичны приемам других комиссий. Подобные категории источников считались подлежащими хранению в большинстве создававшихся ими губернских исторических архивов. Так, Нижегородская комиссия отбирала материал, «имеющий интерес в этнографическом, статистическом, юридическом отношениях, рисующий нравственное состояние жителей, их верования, обычаи, правовые отношения, промыслы, торговлю, вообще всю хозяйственную, и в особенности, бытовую сторону жизни».¹⁴¹ Симбирская комиссия при отборе документов исходила из стремления сохранить те документы, «на которых в данное время основываются владельческие права и которые в будущем могут пригодиться в случае каких-либо споров, ученых разысканий, исследований и т.п.».¹⁴² Воронежская комиссия считала подлежащими хранению такие категории дел из фондов, к примеру, Приказа общественного призрения, как приходно-расходные книги, краткие годовые отчеты, дела по выдаче землевладельцам ссуд под залог крепостных крестьян, о суммах, жертвованных дворянством на открытие военных училищ, о рекрутских окладных суммах, о средствах, собранных на покупку лошадей в эпоху Отечественной войны 1812 г.¹⁴³ Костромская комиссия полагала наиболее важными следственные делопроизводства окружного суда и прокурорского надзора.

Одним из наиболее болезненных для архивистов того времени, в том числе и провинциальных, являлся вопрос об уничтожении дел и о критериях выделения документов к выбраковке. Еще на I археологическом съезде в 1869 г. Н.В.Калачов охарактеризовал проблему уничтожения дел как чрезвычайно трудноразрешимую, но которую ни в коем случае нельзя отдавать на произвол чиновников. Существовавшие в то время ведомственные правила на этот счет он признал скорее «отрицательного, нежели положительного свойства».¹⁴⁴

Согласно разработанным Временной комиссией об устройстве архивов в 70-х годах XIX в. инструкциям, документы архивов подразделялись на три разряда (постоянного, временного сроков хранения и подлежащие уничтожению). Этот порядок был признан многими ГУАК не выдерживающим критики, так как на практике в делах третьего разряда зачастую оказывались документы, безусловно, подлежащие постоянному хранению. К примеру, в третий разряд зачислялись порой книги входящей и исходящей корреспонденции, содержащие значительное количество различных фактов, а во второй попадали такие дела, которые можно было бы без всякого ущерба фондам уничтожить (повестки, квитанции и т.д.). В этой связи на научных форумах отечественных историков и архивистов не раз поднимался вопрос об изменении порядка уничтожения дел. Так, А.Н.Львов заявил на XI археологическом съезде (1899 г.), что если признать принцип уничтожения документов имеющим право на существование, то следует производить отбор дел не по категориям, а после непосредственного знакомства с каждым документом, так как вполне возможно, что из десятка дел известной категории найдется единичное, заключающее в себе важный исторический материал.¹⁴⁵ Представитель Ставропольской комиссии Г.Н.Прозелитов потребовал на I съезде ГУАК

ликвидировать порядок деления документов на три разряда и установить новые критерии разбора архивных дел.¹⁴⁶ Тогда же хранитель архива Саратовской комиссии А.А.Гераклитов выразил точку зрения многих губернских архивистов, заявив, что «нет документов более или менее важных, документы важны постольку, поскольку они интересны для работ историков, и не дело архивных комиссий, не дело архивариусов своей властью определять ценность того или иного документа, их обязанность всякий документ хранить, который затем использует историк».¹⁴⁷

Деятели архивных комиссий всецело разделяли мнение Н.В.Калачова о том, что «следует уничтожать как можно менее и лишь при совершенной необходимости».¹⁴⁸ Этому принципу старались следовать такие комиссии, как Нижегородская, Оренбургская, Саратовская и другие. Оренбургская комиссия, по свидетельству ее отчетов, за все время существования не уничтожила ни одного дела и оставляла все дела, несмотря на явную ненужность части из них.¹⁴⁹ Тамбовская комиссия уже в начале своей деятельности (на декабрьском 1884 г. собрании) постановила не допускать уничтожения ни одного «более или менее интересного дела».¹⁵⁰ В то же время это намерение было трудноосуществимо в силу ряда объективных причин и прежде всего — отсутствия необходимых площадей. На I съезде ГУАК председатель Полтавской комиссии И.Ф.Павловский заявил, что хотя он и сочувствует предложению о передаче всех обреченных учреждениям на уничтожение дел в комиссии, но не представляет, где их в этом случае размещать.¹⁵¹ Представитель Витебской комиссии в свою очередь привел пример, когда губернское присутствие вернуло отмеченные комиссией для хранения дела из-за отсутствия помещения, и поставил перед делегатами вопрос: «Где же их хранить? Хранить в историческом архиве мы не можем, потому что места нет; заставить хранить те учреждения, которым принадлежат дела, нельзя, потому что они нам возражают, что у нас негде поместить текущих дел».¹⁵² В результате съезд ограничился принятием решения о том, что правительственные и сословные учреждения не должны уничтожать свои дела до просмотра описей, а в случае надобности и самих дел, архивными комиссиями.

Ввиду нерешенности вопроса об уничтожении дел, он неоднократно обсуждался на заседаниях Тамбовской комиссии. Ее сотрудники не всегда были единодушны в своих взглядах на эту проблему, что зачастую приводило к оживленным дискуссиям. Например, на собрании 9 октября 1890 г. И.В.Староградский, сославшись на однообразие содержания большого количества дел о беглых крестьянах (без указания на причины побегов), предложил списывать данную категорию документов. Это предложение вызвало возражения П.А.Дьяконова, полагавшего, что комиссия не имеет права признавать подлежащими уничтожению целые категории дел. Он напомнил коллегам, что «Положение» 1884 г. требует от ГУАК лишь санкционирования уничтожения документов. Исполнение же самого акта входило в компетенцию местных правительственных учреждений, в ведении которых находились ведомственные архивы. В целях выяснения этого запутанного вопроса И.И.Дубасов обратился к представителю окружного суда, члену ГУАК А.Г.Чайковскому. Однако

последний не смог дать ни утвердительного, ни отрицательного ответа. В итоге мнения членов комиссии относительно решения данной проблемы разделились. Одни, к примеру, В.А.Заринский, высказались в пользу уничтожения не представляющих научного интереса дел. Они аргументировали свою точку зрения тем, что в противном случае, оставаясь в общей массе материалов, подобные документы будут служить препятствием для разбора других, более важных. Другие (среди них П.А.Дьяконов) занимали более взвешенную позицию, предлагая сохранять подобные категории дел, маркируя их пометкой «неважно». Третьи, в том числе и Чайковский, полагали, что любое индивидуальное решение является не более чем субъективной оценкой, поэтому необходимо списки всех признанных необязательными для хранения дел утверждать на общих собраниях. В дальнейшем Тамбовская комиссия старалась следовать двум последним предложениям, хотя вопрос об уничтожении дел так и остался открытым.

Источники достаточно скупы на сведения о том, какого рода дела выбраковывались ГУАК. Данные об этом приводятся в составе небольшого числа протоколов и отчетов комиссии. Так, в 1885 г. Н.В.Быстров, просматривавший опись дел губернского по крестьянским делам присутствия, пришел к заключению, что упомянутые в ней документы интереса для комиссии не представляют. Однако наряду с такими действительно малозначительными материалами, как документы о выдаче жалованья, представлении должностным лицам отпусков, в эту же категорию он занес переписку мировых посредников с губернским присутствием по поводу «недоразумений», возникших при введении в действие «Положения» 19 февраля 1861 г. В результате выбраковывались ценные источники по истории проведения крестьянской реформы на территории Тамбовской губернии. Упомянутый эпизод позволяет предположить, что ГУАК допускала, особенно в начальный период своей деятельности, отдельные случаи некачественной экспертизы ценности документов. Причиной тому была недостаточная компетентность части ее сотрудников. Имели место и такие факты, когда по описям списывались все дела без исключения. Так, в 1886 г. фронтальной выбраковке подверглись дела по описям Тамбовского уездного полицейского управления, в 1911 г. — Липецкого полицейского управления. В 1912-1915 гг. комиссия не сочла нужным препятствовать уничтожению дел Тамбовского губернского правления, казенной палаты, губернского статистического комитета, Тамбовского уездного полицейского управления, Московской казенной палаты.¹⁵³ Местные учреждения получали от комиссии санкцию на уничтожение таких документов, как канцелярская цифровая переписка, книги исходящей и входящей корреспонденции, документы о награждениях, производстве в чины, личном составе служащих, ведомости окладных сборов, платежей, дела о квартирном налоге, взносах крестьян в казначейство, квитанционные книги и т.д.

Приблизительно такие же категории дел выбраковывались другими ГУАК: к примеру, Нижегородской (разносные книги, казначейские ассигновки и т.д.)¹⁵⁴ и Оренбургской (почтово-телеграфные расписки, про-

сроченные паспорта, повестки, прошения о пособиях, квитанции о взятии недоимок с переселенцев).¹⁵⁵

Члены Тамбовской комиссии неоднократно пытались совместными усилиями решить наболевшие вопросы методики организации архива. Так, на общем собрании 9 октября 1890 г. И.В.Староградский предложил приступить к разработке определенных правил разбора архивных дел. Он выразил общую точку зрения членов комиссии, отметив, что «отобрать дела, важные в том или другом отношении, и извлечь из них все ценное и необходимое — это задача весьма трудная, а без должного опыта и указания — почти невозможная». ¹⁵⁶ В затруднительных случаях сотрудники комиссии имели обыкновение обращаться за помощью к «почтенному знатоку-архивисту» П.И.Пискареву, однако в большинстве случаев они были вынуждены согласиться с мнением Староградского, что сложившаяся практика представляет собой далеко не лучший выход из положения, и без специально разработанной методики вряд ли удастся в скором времени извлечь из пыльных связок все ценные для истории края источники. Деятельность комиссии в данном направлении могла стать достаточно эффективной лишь в случае установления строго определенного научного порядка разбора архивных дел, четких критериев экспертизы ценности документов. В этой связи А.Н.Норцов направил в 1902 г. обращение в Академию наук и ряд ГУАК о необходимости скорейшей разработки общей, обязательной для всех комиссий инструкции по разбору и описанию дел.¹⁵⁷ Предложение председателя ГУАК обсуждалось на заседаниях Таврической и других комиссий, но каких-либо последствий не имело.

Необходимость разработки единых правил организации архивов для всех ведомств осознавалась отечественными историками и архивистами, обсуждавшими эту проблему на археологических съездах. По инициативе директора архива Синода А.Н.Львова VIII съезд (1890 г.) вынес постановление возбудить ходатайство об утверждении правительством общих правил устройства архивов всех ведомств, в том числе и ГУАК.¹⁵⁸ Археологический институт, в свою очередь, представил в министерство народного просвещения ходатайство о пересмотре существующих положений о местных архивах, с тем чтобы в текущих ведомственных архивах хранились дела не более чем пятидесятилетней давности, а старейшие выделялись в губернские исторические архивы.¹⁵⁹ Дело сдвинулось с мертвой точки только после проведения I съезда представителей ГУАК в 1914 г. Особая комиссия при Русском историческом обществе на основе проектов Тамбовской, Тульской, Тверской, Ставропольской, Воронежской, Нижегородской, Вятской комиссий начала составление сводного варианта общей инструкции о разборе и хранении дел.¹⁶⁰ В соответствии с постановлением съезда представителей ГУАК Тамбовская комиссия решением общего собрания от 3 апреля 1915 г. поручила А.Е.Андриевскому и И.И.Маркелову составить инструкцию «О привозе и хранении старых дел».¹⁶¹ Правила были подготовлены и утверждены на одном из майских 1915 г. заседаний комиссии. Они предусматривали строительство для исторического архива нового, соответствующим образом оборудованного

помещения, учреждение платной должности архивариуса, командировки сотрудников на места в случаях реальной опасности уничтожения архивных дел, передачу в компетенцию общих собраний комиссии решения вопросов о выборе описываемых архивов.¹⁶²

В целом, организацию исторического архива ГУАК нельзя было считать удовлетворительной, что признавали и сами ее члены. Немногочисленный актив комиссии не успевал справляться со все прибывающей в архив лавиной документов. С 1892 г. по 1900 г. описанные дела не систематизировались и размещались в стопках на столах и полу. Источники фиксируют следующее положение архива к 1900 г.: «До сего времени большая часть дел не только не описана, но и не разобрана, хотя бы по годам, поэтому они связаны в пачки и положены на полках, а большинство свалено на полу в кучи».¹⁶³

На заседании 22 января 1896 г. П.А.Дьяконов поднял вопрос о хаотическом состоянии архива и предложил принять незамедлительные меры по его упорядочению. Собрание постановило обязать помощника заведующего архивом А.А.Курбатова принять на себя обязанности наблюдения за порядком в архиве, а также запретило извлекать дела из папок в отсутствие заведующего.¹⁶⁴ К 1900 г. П.И.Пискареву удалось разобрать, зашифровать и сложить в папки описанные дела. При этом следует иметь в виду, что они составляли весьма незначительный процент от общего числа неразобранных дел. В направленном в Московское археологическое общество отчете комиссии за 1899–1902 гг. констатировалось, что в отношении разбора неописанных дел ничего особенного не сделано, так как материал все прибавляется, а желающих разобрать его немного.¹⁶⁵ Для привлечения сил к этому виду работ комиссия одно время предполагала сделать его оплачиваемым, однако из-за отсутствия средств от этой мысли пришлось отказаться.

Следует отметить недостаточную степень разработанности проблемы классификации архивных документов в теоретическом аспекте и фактическое отсутствие единообразия в организации порядка хранения архивных дел на практике. В дореволюционном архивоведении существовало два подхода к проблеме классификации дел — провениенц-принцип (принцип происхождения), и пертиненц-принцип (принцип принадлежности). Первый из них оформился в начале XIX в. во Франции и впоследствии был развит архивоведением Германии и Нидерландов. Он предполагал сохранение архивного фонда как целостного, исторически сложившегося комплекса документов и исключал возможность его дробления на части. Внутри фонда материалы группировались по территориальному, хронологическому и другим принципам. Пертиненц-принцип предусматривал систематизацию документов по их содержанию, то есть по логическим признакам.

Приверженцем пертинентной классификационной схемы являлся Н.В.Калачов. Он полагал, что «подвергнуть документы какого-либо архива надлежащему разбору — значит рассмотреть каждый из них настолько, чтобы определить его значение и отношение к другим документам, все же вообще документы этого архива распределить на отделы или раз-

ряды по различию их содержания».¹⁶⁶ Историк права Калачов предлагал классифицировать материалы по «теоретическим распределениям различных частей права», т.е. по тематическим группам или разрядам, критерием выделения которых являлась определенная неизменная для всех периодов времени «сумма общих юридических понятий». В числе неюридических разрядов он выделял топографический, статистический и ряд других. По мнению В.Н.Автокротова, пертиненция не только вытекала из традиционных искусственных формально-логических классификаций, но и соответствовала научным представлениям юридической школы.¹⁶⁷ Однако уже в это время многие видные ученые отдавали отчет в необходимости сохранения исторически сложившихся комплексов материалов в виде архивных фондов. В их числе следует назвать прежде всего Д.Я.Самоковасова, выступавшего за сохранение внутренней структуры и недробимости фондов. Среди других ученых-архивистов в пользу сохранения целостных фондов выступал А.П.Воронов, писавший, что «истинный признак архивного порядка есть историческое распределение архивного материала», и что «исторические сложившиеся составные части должны быть обязательно сохранены».¹⁶⁸ Последовательным приверженцем генетического подхода являлся А.С.Лаппо-Данилевский. В то же время, дефиниция фонда в дореволюционной архивоведческой теории выработана не была, и сама природа фонда во многом оставалась невыясненной и нераскрытой.¹⁶⁹ Наряду с указанными выше принципами классификации архивных дел были и другие подходы к этой проблеме. К примеру, директор Археологического института И.Е.Андреевский являлся сторонником примитивной бесструктурной системы с единой для всего архива валовой нумерацией дел.¹⁷⁰

На практике многие центральные архивы, например, МГАМИД, придерживались тематической классификации. В то же время ведомственные архивы предпочитали сохранять порядок организации дел, сложившийся в процессе делопроизводства в учреждениях. Документы в таких архивах систематизировались по структурным подразделениям, а затем — в хронологическом порядке. Помимо структурно-хронологической использовалась также хронологически-структурная схема, согласно которой дела группировались по годам, а затем — по подразделениям. В пределах каждой группы документы систематизировались по алфавиту наименований учреждений.¹⁷¹ Подобный порядок организации архивных документов представлял собой первичную форму провениенции — регистратур-принцип — и впоследствии был подвергнут критике за формальное сохранение в неприкосновенности канцелярского порядка расположения дел.¹⁷² Абсолютизация сложившейся при делопроизводстве группировки дел имела своим следствием в ряде случаев закрепление допущенных при формировании дел ошибок.

ГУАК в силу объективных условий своей деятельности не могли следовать принципу пофондовой классификации. Практика комплектования создававшихся ими исторических архивов делами, предназначенными к уничтожению, неизменно приводила к преобладанию коллекционного принципа над фондовым. Именно это обстоятельство

послужило причиной резкой критики ГУАК со стороны Д.Я.Самоковасова, обвинившего провинциальных архивистов в разрушении исторически сложившихся фондов. Однако создание полноценных архивных фондов на основе выбраковывавшихся учреждениями дел было в принципе невозможно. В то же время, исходя из анализа архивной практики ГУАК, можно заключить, что провинциальные архивисты с сочувствием относились к идее сохранения исторически сложившихся фондов. В том случае, когда им удавалось получить фонды в полном или почти полном составе (как Тамбовской комиссии фонд Шацкой провинциальной канцелярии), они стремились сохранить их в неизменном виде. Бессарабская комиссия, к примеру, указывала в своем отчете за 1902-1903 гг., что «в принципе всегда была против разрушения архивных фондов присутственных мест».¹⁷³

Тамбовская комиссия на разных этапах своей истории решала вопрос о систематизации архивных дел по-разному. На заседании 27 января 1900 г. новый председатель предложил начать систематизацию дел по уездам в хронологическом порядке, составляя их краткое описание. При этом А.Н.Норцов исходил из принципа группировки источников по содержанию: родословные грамоты, земельные дела, криминальные и т.д. Именно такой порядок он считал наиболее приемлемым для удовлетворения как справочных, так и научных целей.¹⁷⁴ В отличие от ГУАК другие комиссии использовали иные критерии для систематизации материалов своих архивов. Так, например, Саратовская комиссия распределяла документы по сериям в соответствии с признаком происхождения (городские, губернские, посреднические, полицейские, волостные, акцизные, казенные, сенатские, донские — присылаемые из области Войска Донского, калачовские — из вотчинного архива Н.В.Калачова), внутри которых дела размещались под порядковыми номерами.¹⁷⁵

В дальнейшем Тамбовская комиссия приняла решение систематизировать описанные дела по отделам в хронологическом порядке в соответствии с рубриками разработанной ею программы по изучению истории Тамбовского края.¹⁷⁶ В 1901 г. С.К.Платонова, следуя этому решению, разобрала одну тысячу дел, разбив их на четыре категории: ревизские сказки, челобитные, докладные реестры, сенатские дела. Однако это работа не была доведена ею до конца — разобранные дела не были систематизированы в хронологическом порядке и описаны.

Несмотря на принятое с приходом нового председателя решение незамедлительно приступить к упорядочению архива, радикальных изменений в его организации во второй период деятельности комиссии не произошло. Изучившая в 1911 г. состояние архива ревизионная комиссия была вынуждена признать, что большая часть дел все еще не разобрана и не описана.¹⁷⁷ Причины этого заключались как в изменениях в составе ядра комиссии, так и в неблагоприятных условиях ее деятельности. Со смертью П.И.Пискарева и отъездом И.И.Дубасова, выполнивших большую часть работ по формированию исторического архива, приоритеты в деятельности ГУАК сместились в сторону археологии. Отчеты комиссии за этот период констатируют: «Уделив так много внимания архе-

ологии, комиссия уже не могла с прежним успехом вести архивное дело, хотя деятельность ее в этом направлении и выразилась во всех обычных формах». ¹⁷⁸ Плодотворной работе препятствовало также отсутствие необходимых средств и окончательно пришедшее в аварийное состояние помещение архива. Большую часть дел комиссия была вынуждена переместить в не приспособленный для хранения документов подвал. Вследствие постоянной сырости материалы, периодически заливаемые водой, начали портиться, а часть из них пришла в совершенную негодность. Отдавая отчет в возможных катастрофических последствиях сложившейся ситуации, комиссия тем не менее была вынуждена признать, что «бессильна своими средствами предпринять что-либо существенное в целях улучшить настоящее положение своего архива, а поэтому данный вопрос остается открытым впредь до решения дела о собственном помещении». ¹⁷⁹ Для наблюдения за состоянием архива была избрана специальная подкомиссия, в состав которой вошли А.И. Самоцветов, И.И. Львов и В.И. Конобецкий. В конце 1915 г. они обнаружили подвал залитым водой, вследствие чего значительная часть документов оказалась погибшей. Направленная в адрес губернатора просьба о принятии срочных мер по переводу архивных материалов в другое помещение последствий не имела.

На протяжении второй половины XIX в. в отечественном архивоведении все большее признание завоевывал принцип публичности архивов. Старые казенные представления об архивах как «складах оконченного канцелярского делопроизводства» в этот период были в значительной мере изжиты. ¹⁸⁰ В этой связи большое значение приобретали вопросы надлежащей организации использования архивных материалов. С момента официального открытия губернского исторического архива Тамбовская комиссия работала со своими фондами в трех основных направлениях: удовлетворение запросов, поступавших от учреждений и частных лиц (выдача справок, копий и выписок из документов); предоставление документов во временное пользование учреждениям и частным лицам; решение научно-исследовательских задач.

Сразу после открытия исторического архива в комиссию поступил ряд запросов от заинтересованных лиц и учреждений. Таким образом, перед ней встал вопрос, ответа на который «Положение» 1884 г. не предусматривало: имеют ли ГУАК право на выдачу справок и копий документов на основе своих архивных фондов. Впервые этот вопрос был поднят М.Г. Розановым и К.К. Вольским на заседании Тамбовской комиссии 23 февраля 1894 г. Основываясь на статье 453-й Установлений гражданского делопроизводства, общее собрание пришло к заключению, что комиссия в принципе правомочна выдавать справки. Однако во избежание недоразумений было решено обратиться за разъяснениями в Археологический институт. ¹⁸¹ Из полученного ответа следовало, что ГУАК обладают такими же полномочиями, как и все правительственные учреждения, следовательно, выдача справок входит в их компетенцию.

Положительное решение вопроса о реализации справочных функций архива комиссии вызвало затруднения у ее членов, так как материалы архива в большинстве своем не были упорядочены и описаны. Отсутствие

четкой системы научно-справочного аппарата превращало отыскание запрашиваемых документов в непосильную задачу. В целях стимуляции деятельности сотрудников в данном направлении А.А. Курбатов предложил на заседании 10 октября 1900 г. сделать работу по выдаче справок оплачиваемой. Отметив то обстоятельство, что в комиссию все чаще стали поступать запросы от разного рода учреждений и частных лиц, он признал, что многим из них приходится отказывать, так как обнаружить дела в несистематизированной части архива практически невозможно. Тем не менее, как указал Курбатов, некоторые из членов комиссии за определенное вознаграждение брали на себя труд по розыску документов, и их попытки зачастую увенчивались успехом. Предложение об оплате подобного рода деятельности было воспринято сотрудниками ТУАК неоднозначно. Одни высказались безоговорочно против, другие нашли его вполне приемлемым. Не придя к окончательному решению по данному вопросу, ТУАК обратилась за консультацией в другие комиссии. ¹⁸²

Поступавшие запросы касались главным образом вопросов землепользования и судопроизводства. В 1888 г., например, была получена просьба от общества однодворцев с. Шабрея Борисоглебского уезда разыскать в историческом архиве книги актов на земельные владения, что и было сделано. В 1915 г. был удовлетворен запрос Тамбовской городской управы по поводу документов, фиксирующих права города на определенные земельные участки. ¹⁸³ Нередки были также просьбы о снятии копий с документов архива для внесения того или иного рода в дворянские родословные книги. Губернские и уездные органы обращались в архив с целью наведения исторических справок. К примеру, в 1912 г. Лебедянская городская управа проявила интерес к дате и обстоятельствам основания Лебедяни.

Документальные материалы архива комиссии достаточно широко использовались в научных целях. Они служили источниковой базой для исследований не только членов ТУАК, но и ряда иногородних историков. Так, в 1891 г. в архиве работал профессор Казанского университета И.Н. Смирнов, специалист по истории финно-угорских народов. Этот факт был отмечен в отчете комиссии как «первая проба служения архива на поприще научно-исторических исследований». В 1910 г. с фамильным архивом Сухтеленев работал исследователь жизни и деятельности А.В. Суворова В.А. Алексеев. ¹⁸⁴ В 1911 г. с хранившимися в губернском архиве сенатскими делами знакомился чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел Бондарь. ¹⁸⁵ Однако в большинстве случаев запросы иногородних исследователей удовлетворялись путем высылки копий интересующих их документов. Так, в 1893 г. комиссия получила письмо от почетного члена Казанского общества археологии, истории и этнографии А.Н. Островского. Занимаясь сбором материала о развитии отечественной библиографии в XVIII в., он просил выслать ему копию перечня книг, упомянутых в соглашении 1801 г. издателя И.Г. Рахманинова с купцами-книгопродавцами. Просьба Островского была удовлетворена. ¹⁸⁶ Фамильными бумагами И.Г. Рахманинова интересовался также профессор Университета св. Владимира (Киев) И.И. Рахманинов, просивший об

их высылке сроком на три месяца. В 1897 г. в адрес комиссии пришел запрос от командира Петербургского кавалергардского полка А. Николаева и поручика того же полка А. Волконского с приложением плана подготавливаемого к столетию полка научного издания «Сборник биографий кавалергардов». Их интересовали сведения о роде Шатиловых, многие из представителей которого несли службу в полку.¹⁸⁷ В 1898 г. в комиссию обратился член Таврической УАК и Одесского общества истории и древностей начальник артиллерийского арсенала в Екатеринодаре есаул И. И. Дмитренко. Он занимался публикацией документальных материалов по истории Хоперского казачьего полка. Адресован на имя А. Н. Норцова четыре тома изданных им документов, он просил сообщить, какими материалами по интересующей его теме располагает Тамбовская комиссия. По просьбе Дмитренко П. А. Дьяконов скопировал и выслал значительное количество дел об участии полка в движениях под предводительством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева, его службе на сторожевых укрепленных постах, о положении казачьих станиц, политике провинциальных властей по отношению к укрывающимся в них беглым крестьянам, участии казаков в посольстве к крымскому хану и т. д.¹⁸⁸

Материалы Тамбовского исторического архива привлекали внимание и иностранных исследователей. Так, в марте 1914 г. комиссия получила отношение Академии наук с просьбой высылать в адрес рукописного отдела ее библиотеки документы Российско-Американской компании из фамильного архива Сухтеленев. Они заинтересовали представителя Института Карнеги Ф. А. Голдера, занимавшегося составлением научного обзора материалов по истории США в российских архивах. Документы при посредничестве А. С. Лаппо-Данилевского были доставлены в Академию наук, где Голдер изучил их. Описание бумаг Российско-Американской компании за 1819-1825 гг. из архива ТУАК было включено исследователем в обзор материалов, опубликованный Институтом Карнеги в 1917 г.¹⁸⁹

Резюмируя сказанное выше, следует признать, что темпы работы тамбовских архивистов по разбору и систематизации дел архива в значительной степени отставали от их деятельности по его комплектованию. Причины этого заключались как в не зависящих от них обстоятельствах, так и в факторах субъективного характера. К числу первых относится прежде всего отсутствие необходимой материально-технической базы. Работа членов комиссии по разбору дел в период до предоставления ей собственного помещения и в последующие годы из-за необходимости его ремонта, была достаточно затруднена. Значительно осложняло проведение систематизации документов отсутствие соответствующих, регламентирующих порядок организации архивов, инструкций. Вследствие этого не наблюдалось единообразия не только при группировке дел губернских архивов в целом, но даже в пределах одного хранилища. К числу субъективных факторов относится недостаточная квалификация большинства деятелей комиссии, их неподготовленность к проведению подобных работ, что сказывалось на объемах принимаемых на хранение дел и порядке их разбора.

Несмотря на приверженность провинциальных архивистов принципу Н. В. Калачова о необходимости уничтожать как можно меньшее коли-

чество дел, им невольно приходилось санкционировать уничтожение «старых дел» и оставлять на хранение в своих архивах лишь определенный процент по присылаемым учреждениями описям. Причины этого крылись в целом ряде обстоятельств. Во-первых, в распоряжение ГУАК поступали уже выбракованные учреждениями документы, наиболее значительные из которых оставались в ведомственных архивах; во-вторых, большинство комиссий не обладало возможностями и финансами для непосредственного знакомства с документами, ограничиваясь краткими заголовками канцелярских описей; в-третьих, одной из главнейших причин являлось отсутствие необходимых для хранения вновь прибывавших материалов площадей, вследствие чего количество отбираемых в исторические архивы документов находилось в прямой зависимости от размеров занимаемых комиссиями помещений. «Положение» 1884 г., обязывавшее ГУАК принимать в свои архивы все подлежащие постоянному хранению дела, ставило многих из них в отчаянную ситуацию. Не имея возможности оставлять у себя выделенные дела в полном объеме, комиссии обращались с соответствующей просьбой в ведомственные архивы, но получали в большинстве случаев ответ, что площадей не хватает для хранения даже текущих дел. В отчете за 1915 г. Тамбовская комиссия была вынуждена признать, что списывает все дела по описи казенной палаты, так как крайне стеснена в помещении.¹⁹⁰ Подобное положение не было исключительным — оно являлось характерным для Витебской, Полтавской и многих других УАК. Неупорядоченное положение архивных дел препятствовало их использованию в научных и справочных целях. Хотя тамбовские историки и архивисты и проявляли видимое стремление к разработке своих документальных материалов, их усилия в значительной степени тормозились невозможностью планомерной работы в условиях отсутствия системы в организации хранения дел.

3. Деятельность комиссии по описанию материалов исторического архива

Одной из своих первоочередных задач губернские ученые архивные комиссии считали работу по описанию материалов формируемых ими исторических архивов. Параграф пятый «Положения» обязывал комиссию составлять «документам и делам надлежащие описи и указания».¹⁹¹ Известный писатель В. Г. Короленко, бывший весьма деятельным членом Нижегородской комиссии, внесшим большой вклад в описание местных архивов, писал о значении этого вида деятельности: «<...> непосредственное, по возможности полное, хотя и краткое восстановление архивного материала в таком виде, чтобы он мог быть легко обозреваем, чтобы мелкие факты могли быть легко выстраиваемы в однородные по содержанию ряды, чтобы каждое отраженное в нем явление было видно от начала до конца, чтобы каждое встречающееся имя могло быть легко разыскано, так же как и каждая упоминаемая местность, чтобы можно было по возможности полно оперировать над этим материалом, производить из него извлечения, сравнения и подсчеты, такое именно восста-

новление этого материала составляет нашу первую задачу, основание наших дальнейших работ, то, что мы и называем описью, т.е. описанием прежних лет архивы в современном значении».¹⁹²

Описи являлись наиболее распространенным видом справочников в архивах конца XIX — начала XX вв., занимая в объеме всего научно-справочного аппарата архивов около 80%. Сотрудник МАМЮ А.А.Гоздаво-Голомбиевский на VIII археологическом съезде (1890 г.) указал на пять разновидностей применявшихся в архивах описей.¹⁹³ Однако в начале XX в., когда объем описательных работ резко возрос, их число достигало уже 17 видов.¹⁹⁴ Практиковалось составление описей по таким принципам, как хронологический, хронологическо-структурный, структурно-хронологический, хронологическо-тематический, номинальный и др. В МАМЮ в начале 90-х годов из-за многочисленности фондов преимущество отдавали реестрам и алфавитам. В то же время проведенное Археографической комиссией Московского археологического общества анкетирование архивов (приуроченное к XI археологическому съезду 1899 г.), выявило, что в ряде их дела вообще не описываются. Ими составлялись лишь алфавитные перечни. В других архивах к алфавитам добавлялись канцелярские описи, удовлетворяющие справочному назначению, но малопригодные для научных целей.

Среди отечественных историков и архивистов конца XIX в. не сложилось единого мнения о том, какие виды архивного научно-справочного аппарата наиболее отвечают потребностям исследователей и должны в силу этого получить приоритетное положение. В этой связи на VIII археологическом съезде состоялась дискуссия, заинтересованное участие в которой принял целый ряд видных русских ученых.¹⁹⁵ Так, профессор Д.И.Багалей заявил, что для исследователей, впервые приходящих в тот или иной архив, наиболее важны обозрения, представляющие собой нечто среднее между описями и краткими реестрами. При этом он подчеркнул, что подобные справочники достаточны только при выполнении начального этапа научных работ. На взгляд члена Общества истории и древностей российских В.А.Уляницкого удовлетворить запросы ученых в полной мере возможно только с помощью каталогов. В качестве примера он привел практиковавшуюся в каталогах Петербургского архива министерства иностранных дел карточную систему с подразделением на три рубрики: личные имена, географические названия, предметная. Подобное разделение представлялось ему наиболее приемлемым для наведения быстрых справок. П.Н.Милюков, в свою очередь, предположил, что выскажет общее пожелание русских историков, если обратит внимание архивистов на составление номенклатурных индексов (указателей, из каких именно городов и учреждений поступили те или иные дела; а также именного и хронологического указателей). С точки зрения В.Б.Антоновича все выше названные виды научно-справочного аппарата (краткое описание дел, каталоги и номенклатурные индексы) не вполне отвечают потребностям исследователей и отличаются неудобством при использовании и составлении. Он заявил, что на основании личного опыта пришел к убеждению в том, что единственно целесообразной разно-

видностью описей является опись «ученая», т.е. систематическая и подробная. Необходимые при ее составлении более значительные усилия архивистов, по мнению ученого, сторицей окупятся в будущем ускорением темпов научных разработок.

При подобной разногласии мнений губернские ученые архивные комиссии, не обладавшие необходимым опытом в деле описания архивных документов, были поставлены в довольно затруднительное положение, усугублявшееся полным отсутствием должных инструкций. Разработанные Археологическим институтом в 1887 г. «Главнейшие начала, которых было бы необходимо держаться при создании архивными комиссиями губернских исторических архивов» касались лишь методики составления кратких описаний, помещаемых непосредственно в начале или конце каждой единицы хранения, но не давали каких-либо рекомендаций относительно разработки подготавливаемых для публикаций научных описей. Между тем именно эта задача осознавалась в то время многими историками и архивистами как первоочередная. Еще в 1870 г. в работе, посвященной актуальным вопросам развития отечественной исторической науки, председатель Археографической комиссии П.А.Муханов писал, что «для пользы истории не следует ограничиваться сохранением и описанием архивов, необходимо приступить к напечатанию описей».¹⁹⁶ Неоднократно этот вопрос поднимался на заседаниях Археографической комиссии известными историками Н.И.Костомаровым и М.О.Кояловичем. Первой и главной обязанностью архивистов называл составление описаний и указателей Н.В.Калачов.¹⁹⁷

ГУАК в своей деятельности по описанию фондов исходила из понимания важности данного вида работы. С этой целью некоторые из них, например, Нижегородская и Костромская, разрабатывали собственные методики описания архивных материалов. Один из деятельных членов Нижегородской комиссии, В.Г.Короленко, предложил следующий план организации работ по описанию дел: создание специальной подкомиссии по выработке приемов разбора дел и их описания, составление редактором общего плана описей, сведение описей однородных материалов по отдельным учреждениям или за определенный период в единое целое, выделение дел к уничтожению только после обработки описей, заслушивание на общих собраниях не реже одного раза в месяц отчетов подкомиссии по описанию дел.¹⁹⁸ Программа Короленко была одобрена директором Археологического института А.Н.Труворовым. Методика составления описей, по мнению нижегородского архивиста, была следующей: чем больше фактов из дела будет занесено в опись, тем «лучше исполнит она свое назначение». В этом он расходился с руководителем комиссии А.С.Гацисским, считавшим возможным помещать для неинтересных дел одни лишь заголовки. Короленко настаивал на возможно более полном изложении содержания дела в его описании. «Насколько это удастся, — писал он, — мы должны стремиться восстановить в кратких, но точных чертах, все те факты прошлой жизни, которые заключены в архиве во всей их полноте. Для этого каждое дело должно быть изложено по содержанию, должно быть отмечено всякое, промелькнувшее в нем

лицо, подчеркнуто всякое явление, местность, обычай, в том виде, в каком оно являлось в то время».¹⁹⁹ Таким образом, метод Короленко предполагал систематизацию документов по тематическим группам и подробное их описание с приведением наиболее значимых цитат.

Указанный выше принцип лег в основу описей Московского архива министерства юстиции и архива Синода, которые послужили образцом для многих ГУАК. Описание документов Синода было начато в 1865 г. с учреждением по докладу обер-прокурора Д.А.Толстого специальной комиссии для приведения архива в порядок. Из всех возможных способов составления описей комиссия избрала путь подробного, систематического описания. Документы в описях располагались в хронологическом порядке, снабжались новым и старым номерами, заголовком, после чего следовало достаточно подробное изложение содержания дела с приведением цитат.²⁰⁰ Правила по описанию документов МАМЮ были разработаны Н.В.Калачовым в конце 1860-х годов и опубликованы в качестве предисловия к первому тому «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции».²⁰¹ Из трех основных практиковавшихся в то время систем описей — краткие реестры документов, более подробные описания с включением важных фрагментов дел и наиболее подробные с подразделением документов на группы в зависимости от категорий — Калачов считал более близкой к цели, преследуемой при описании дел, первую, дающую «хотя краткое, но точное понятие о предмете». В то же время он полагал недостаточным наличие в архивах одних лишь кратких описей и выступал за сочетание первой и третьей систем. Именно такое сочетание, на его взгляд, должно дать «вполне удовлетворительные результаты, как для целей практических, так и для ученых разысканий».²⁰² В силу этого правила, разработанные видным отечественным архивным деятелем, предусматривали составление в первую очередь инвентарных описей, а затем на их основе и с привлечением документов разработку подробных систематических описей. Инвентарные описи должны были служить справочным целям и храниться в архиве, а систематические, «ученые», — удовлетворять запросы науки и в обязательном порядке публиковаться. Основная задача архивистов, на взгляд Калачова, заключается в том, чтобы избрать такую систему описания, которая соответствовала бы как «требованиям практическим, так и ученому интересу». Что касается собственно методики описания, то Калачов предлагал распределять документы по отделам в соответствии с предметным и хронологическим принципами, а также включать более или менее подробные извлечения из дел в зависимости от степени их научного интереса.

Рекомендованные Н.В.Калачовым приемы легли в основу описей, составленных председателем Костромской комиссии Н.Н.Селифонтовым. Изданные им в начале 1890-х годов описания Линевского архива²⁰³ были рекомендованы Археологическим институтом как образец для всех ГУАК. Согласно этой системе, наиболее важные документы вносились в опись под номерами самого дела. По мнению членов ряда комиссий, в том числе и Тамбовской, это способствовало лучшему ознакомлению с их содержанием и исключало копирование целых фрагментов источни-

ка, как это практиковала первоначально ТУАК. Однако следует признать, что при подобном подходе стиралась грань между описью и документальной публикацией, что является неприемлемым с точки зрения современных научных требований. Селифонтов систематизировал документы по категориям в тринадцати отделах (рядные и сговорные грамоты, заемные памяти, служилые кабалы, купчие крепости, выписи из писцовых и переписных книг, исковые и явочные челобитные и т.д.) и в каждом отделе систематизировал их по хронологическому принципу. Описи были снабжены алфавитными указателями личных имен и географических названий. В качестве приложения Селифонтов поместил списки приказных дьяков и воевод, упоминаемых в делах, а также родословные росписи костромских дворян. Описательные статьи включали в себя номер дела, дату его появления, заголовок, пересказ содержания документа (краткий или подробный — в зависимости от степени его важности) с привлечением цитат, заключенных в кавычки и приведенных в соответствие с правилами современной автору орфографии. Описи Селифонтова были признаны директором Археологического института «верными подлинникам и тщательно исполненными в археографическом отношении».²⁰⁴

Костромская комиссия практиковала применение трех типов описаний: инвентарные, справочные, научные. В инвентарных описях содержание обозначалось только тогда, когда сотрудники знакомились с ним непосредственно, в противном случае помечалось лишь число листов, столбцов, вязок, а также сведения о том, когда и кем они присланы. Инвентарные описи хранились в одной общей книге с подразделением на отделы книг, рукописей, сборников и т.д. Справочные описи составлялись по карточной системе. В научных описях содержание дел излагалось настолько подробно, чтобы исследователь мог составить о них полное представление. Обычно они печатались в издаваемой комиссией «Костромской старине». При составлении подробных описей члены Костромской комиссии руководствовались определенными правилами: наиболее древние документы передавались целиком с полным соблюдением орфографии подлинника; остальные только описывались с указанием порядкового номера, даты написания, заголовка. Отмечались также внешние признаки документа: наличие печати, гербовых знаков, помет, проколов или прорезов и т.д. Составление подробных описей с классификацией дел по отделам и строгим хронологическим порядком было признано членами комиссии возможным только применительно к монастырским и семейным архивам количеством не более тысячи дел. Хронологические описи фондов в десять тысяч актов (например, Великосольской приказной избы) подразделялись на отделы. После опубликования 15-20 описей фонда на их основе составлялась одна сводная систематическая опись с подразделением актов по их содержанию на отделы, с соблюдением в каждом хронологического порядка и приобщением географического, именного и предметного указателей.²⁰⁵

Рязанская комиссия для документов XIX в. (Сенатского архива, канцелярии губернатора, гимназии, городской управы, дворянского депутатского собрания) составляла инвентарные описи. Более подробно опи-

сывались частные архивы (Селивановых, С.Н.Волкова) и монастырские собрания (архив Солотчинского монастыря). Воронежская комиссия опубликовала описи древних актов из собрания так называемых «Второвских коробов».²⁰⁶ Наиболее интересные по содержанию или форме дела воспроизводились целиком с соблюдением орфографии подлинника и точным следованием тексту. Не представлявшие особого интереса или часто повторявшиеся категории документов излагались вкратце. Описание актов располагалось в хронологическом порядке и сопровождалось указанием личных имен и географических названий.

Тамбовская комиссия старалась учесть опыт по описанию дел, накопленный другими ГУАК. На заседании 19 марта 1892 г. была подробно рассмотрена и принята к сведению и руководству методика описания архивных дел, используемая Костромской комиссией.²⁰⁷ В то же время следует отметить, что применявшаяся тамбовскими архивистами практика описания материалов архива порой существенно отличалась от рекомендованных методов. Это объяснялось отчасти объективными условиями (описание производилось не на основе упорядоченных и систематизированных фондов, а одновременно с разбором дел), отчасти субъективным фактором — недостаточной компетентностью отдельных членов ТУАК. Используемые комиссией приемы заключались в том, что из общей массы неразобранных дел сотрудники выбирали наиболее на их взгляд интересные и подготавливали их описания к публикации в очередном выпуске «Известий». При этом они не заботились о систематизации дел не только по предметному или фондовому признакам, но даже по элементарному хронологическому. Следствием подобной практики стала крайне неудобная и на редкость запутанная система описания, когда документы за один и тот же период или относящиеся к одному и тому же событию приходилось разыскивать по всем изданным выпускам «Известий». К примеру, описи дел Шацкого архива печатались следующим образом: в первом выпуске — описывались документы с 1502 по 1797 гг.; в третьем — с 1528 по 1799 гг.; в пятом — с 1692 по 1800 гг.; одиннадцатом — с 1625 по 1766 гг.; двенадцатом — с 1737 по 1798; тринадцатом — с 1583 по 1690; четырнадцатом — с 1739 по 1799 гг.; пятнадцатом — с 1624 по 1649 гг. и т.д.

Более того, в результате несогласованности работ сотрудников, занимавшихся описанием Шацкого архива, возникла путаница в нумерации дел: разные документы получили одинаковые порядковые номера, а некоторые остались и вовсе без номера. Случались и пропуски порядковых номеров. К примеру, в описи пропущены №№ 1923-1928; 2140-2235; 2267-2273; 2483-2487; за номером 2109 следовал 2075 и т.п. Неверная нумерация дел в описях не сходилась с шифрами документов, что вызывало значительные затруднения при их разыскании. Справедливость требует признать, что вышеуказанные недостатки осознавались членами ТУАК, и они неоднократно ставили вопрос о принятии мер к их исправлению. Так, по предложению П.А.Дьяконова, во избежание путаницы в нумерации было решено напечатать отдельное издание описи исторического архива с исправлением допущенных ошибок. Эта проблема поднималась на общих собраниях комиссии 31 января 1890 г., 28 декабря 1897 г. и 21

февраля 1899 г.²⁰⁸ На последнем из указанных заседаний архивисты обсудили вопрос о переходе к составлению тематических (предметных) описей, в которых документы должны были группироваться по следующим отделам: статистическому, родословному, земельному, криминальному и т.д. На собрании было высказано предложение описывать дела по группам в соответствии с разделами подготавливаемой комиссией программы по изучению Тамбовского края. Подобный порядок описания был признан большинством сотрудников более целесообразным по сравнению с практиковавшимся ранее. Тем не менее общее собрание постановило оставить в силе прежнюю систему, ввиду трудоемкости работы по переизданию составленных прежде описей.²⁰⁹

В последующие годы были продолжены поиски наиболее целесообразных способов описания дел Тамбовского исторического архива. Наибольшее внимание вопросам методики составления описей уделял А.И.Самоцветов, находивший существовавшую практику неудовлетворительной. В числе ее недостатков он отмечал несовершенные алфавитные указатели, в которых номера дел обозначались без ссылок на выпуски «Известий», а также отсутствие единой сводной описи. В результате исследователям в поисках нужного дела приходилось фронтально просматривать все номера «Известий», начиная с первого по последний. На заседании 10 января 1901 г. Самоцветов предложил составить отдельную опись, в которую должны были вноситься все вновь поступающие документы, а уже затем на ее основе подготавливать хронологические, предметные и алфавитные указатели. В первом из них дела должны были следовать в хронологическом порядке с обозначением краткого содержания и указанием номера, занимаемого ими в алфавитной описи; во втором — в алфавитном порядке с указанием времени написания дела и его номера в главной описи; в третьем — фамилии упоминаемых лиц с обозначением даты и номера по главной описи. Собрание признало подобный порядок целесообразным и постановило ввести его в употребление.²¹⁰

На заседаниях комиссии обсуждались также вопросы о том, какие документы следует описывать подробно, а какие лишь в самых общих чертах. К первой категории были отнесены книги явочных челобитных, текст которых рекомендовалось помещать целиком (как публикацию документа в составе описи), либо в подробном пересказе, отказные и писцовые книги, грамоты. Значительные затруднения вызвало у членов комиссии решение вопроса об описании дел бытового характера (драки, убийства, ссоры на бытовой почве) с упоминанием скандальных подробностей, касающихся отдельных представителей тамбовского дворянства и духовенства, и, соответственно, определение критериев не подлежащих оглашению фактов. На заседании 21 февраля 1899 г. некоторые архивисты высказали спорное утверждение, что подобные дела не представляют ценности для науки. С тем, чтобы не компрометировать потомков упоминающихся в документах родов, было предложено изъять эти дела из состава архива. Однако, несмотря на личную заинтересованность некоторых членов, собрание проявило здравомыслие, придя к выводу, что раз «такие дела ярко рисуют нравы прежнего времени, свидетельствуют о степени

развития и быте населения, совершенно изъять их нельзя, но можно печатать фамилии под инициалами».²¹¹ Подобный подход к описанию и изданию криминальных дел, «позорящих сословие или род», был характерен также для других ГУАК. Так, Саратовская комиссия, рассмотрев на заседании 10 марта 1890 г. вопрос о том, имеет ли она право упоминать в описях и исследованиях фамилии лиц, скомпрометировавших себя в прошлом, решила, что по «нравственным побуждениям» и в соответствии с требованиями закона о печати, упоминание лиц, которые еще живы, в подобном контексте является неуместным. В результате было решено в подобных случаях обозначать имена и местности звездочками.²¹²

В 1902 г. в связи с запросом Археологического института А.И. Самоцветов разработал специальную инструкцию о приеме, хранении и описании дел в историческом архиве Тамбовской комиссии. Особое внимание в ней было уделено порядку описания документов.²¹³ Согласно инструкции члены комиссии, изъявившие желание приступить к составлению описей, должны были получить устное или письменное разрешение председателя, выбирающего для этого вида работ наиболее квалифицированных сотрудников. В соответствии с научным значением все предназначенные для описания материалы подразделялись на две группы. Документы первой подлежали подробному рассмотрению и описанию; делам второй составлялась одна общая опись на основе предметного и хронологического принципов. Инструкция предписывала обращать особое внимание на причины появления документа, время его создания, изложенные в нем обстоятельства и сохранять в описании наиболее важных дел дословную орфографию. Готовые описи должны были заслушиваться на общих собраниях, полномочных определять дела, предназначенные к вечному или временному хранению, либо к уничтожению. Составление главной описи должно было находиться в компетенции заведующего архивом, который обязывался хранить ее постоянно в помещении архива. Инструкция предписывала составлять, по мере внесения в нее документов первой группы, указатели: хронологический, географический, именной. Самоцветов предложил использовать при этом карточную систему (с указанием на бланках крайних дат, времени написания дела, содержания и общего порядкового номера). Подготовленная Самоцветовым инструкция была одобрена и принята к руководству членами комиссии на общем собрании 8 ноября 1902 г.²¹⁴ На нем же А.Н. Норцов предложил поставить перед Археологическим институтом вопрос о разработке общих для всех ГУАК правил, содержащих единообразные и обязательные приемы описания архивных дел.

Непосредственно описанием исторического архива ТУАК занимался определенный, достаточно узкий круг ее сотрудников. В него входили П.И. Пискарев, М.Г. Розанов, П.А. Дьяконов, И.В. Знаменский, И.В. Староградский, А.А. Курбатов, А.И. Самоцветов, М.Г. Попов, С.К. Платонова. Выбор дел для описания и фрагментов для буквального цитирования, равно как и степень подробности изложения содержания целиком предоставлялись на усмотрение составителей описей. К лицам, пожелавшим заняться описанием архива, предъявлялось лишь одно требование —

«уменьше сжато и выразительно сгруппировать важнейшие черты документа, а также извлекать из него интересные цитаты».²¹⁵ По свидетельству А.А. Щеголева, подготовившего в 1902 г. в связи с запросом Археологического института записку об историческом архиве комиссии, ее члены ставили перед собой задачу избежать тенденциозности в подборе фактов и их освещении при описании.²¹⁶ Готовые описи, по установленному порядку, просматривались председателем, а затем с ними знакомились общее собрание комиссии.

Подготавливаемые сотрудниками комиссии описи печатались практически в каждом очередном выпуске «Известий». Основное внимание ТУАК сосредоточила на описании дел Шацкого архива, как наиболее ценного в собрании комиссии фонда. С первого по двадцать седьмой выпуски описания помещались под заголовком «Опись Шацкого архива»,²¹⁷ затем, начиная с двадцать восьмого, они печатались под рубрикой «Опись делам, поступившим в Тамбовский исторический архив».²¹⁸ В описании полностью отсутствовала группировка по фондовому, либо какому-то иному принципу, что свидетельствует о недооценке тамбовскими архивистами важности принципа систематизации архивных материалов.

В своей практике ТУАК использовала два типа описей: краткие инвентарные (впоследствии они применялись только для внутреннего пользования — учета и при наведении справок) и научные систематические. Первоначально комиссия публиковала краткие описи инвентарного типа. Однако, начиная с 1886 г. (с девятого выпуска «Известий») П.И. Пискарев и М.Г. Розанов приступили к составлению более подробных аннотаций. Используемая ими схема заключалась в следующем: после обозначения предмета дела, места действия и главных участников событий с различной степенью подробности излагалось содержание документа с буквальным цитированием характерных выражений, либо важных для понимания его сути фрагментов. Документы, представлявшие с точки зрения составителей описей наибольший научный интерес (в основном это были грамоты, статистические таблицы, выдержки из писцовых книг, книги явочных челобитных), приводились здесь же в подлиннике целиком. В 18-м выпуске «Известий», например, напечатана книга явочных челобитных, поданных в Шацкую канцелярию в 1776 г., которая содержит многочисленные примеры травли скотом и распашки сенных покосов, разметывания крестьянского хлеба, описание случаев посылки крестьян на чужие поля для вывоза снопов, а также эпизодов, характеризующих самоуправство помещиков и угнетение крестьян.

Начиная с одиннадцатого выпуска, единообразие формы публикуемых описаний нарушается. Это произошло в результате того, что П.И. Пискарев перестал включать тексты документов в саму опись, и перенес его в специальные приложения. М.Г. Розанов же предпочел придерживаться прежней системы. При этом он использовал метод буквальной передачи текста — соблюдал орфографию подлинника и не считал необходимым помещать пространные фрагменты дел в кавычки. Использование составленных Розановым описей представляет значительные затруднения, ввиду невозможности определить, где заканчивается текст источника и начи-

нается его описание. В отличие от малоквалифицированных описей Розанова, описи, подготовленные Пискаревым и П.А.Дьяконовым, в большей степени отвечают научным требованиям.

В 1890 г. ТУАК приняла решение создать в структуре своего печатного органа специальный раздел для публикации документов. Таким образом, с двадцать шестого выпуска «Известий» дела печатались не в составе описи или приложениях к ней, а в третьем отделе под названием «Исторические материалы: копии рукописей, писем, жалованных грамот, писцовых и отказных выписей, указов и челобитных». Однако, спустя три года (с 36-го выпуска) произошел возврат к прежней системе, когда текст документа или его фрагментов помещался непосредственно под номером описываемого дела. Комиссия сочла этот способ более целесообразным, так как он исключал лишние затраты времени на поиски нужных дел. Третий отдел предназначался отныне только для тех материалов исторического архива, которые из-за большого объема были неудобны для внесения в текст описи, либо для документов других архивов. Тамбовская комиссия практиковала составление отдельных описей для дел церковно-исторического характера. Так, Д.Ф.Богданов поместил в 28-м выпуске «Описание документов и дел церковно-исторического характера, принадлежащих Тамбовской ученой архивной комиссии». В него вошли документы Чернеева монастыря и Вышенской пустыни за период 1742-1792 гг.²¹⁹ И.В.Знаменский составил описание поступивших в архив комиссии документов Рассказовского благочиния.²²⁰ Описи были предпосланы предисловие, в котором указывалось на происхождение дел. Сами же документы описаны Знаменским подробно, в хронологической последовательности, с указанием дат и заголовков, а также приведением обширных цитат из текста.

В 46–50-м выпусках «Известий» (1902-1906 гг.) описи не публиковались. Прекращение публикаций было связано с болезнью и последовавшей за ней смертью П.И.Пискарева, игравшего ведущую роль в описании архива ТУАК. Ему принадлежало авторство примерно 4/5 всех опубликованных комиссией описаний. В последние годы существования Тамбовской комиссии данным видом работы занимались М.Г.Попов и С.К.Платонова. В 51 и 52-м выпусках «Известий» ТУАК помещены описи Попова под общей рубрикой «О крестьянах, ищущих себе вольности». Внимание архивиста привлекли документы, поступившие в комиссию из архива Сената. Они представляли собой ценный в историческом отношении материал, характеризовавший положение тамбовского крестьянства в XVIII – начале XIX вв. По сравнению с целым рядом более ранних публикаций, описи Попова отличаются достаточно высоким научным уровнем. Они выполнены в двух вариантах – кратком и систематическом и содержат довольно обстоятельно написанную преамбулу (историческую справку) о методах закрепощения крестьян в XVIII в., сопровождавшуюся характеристикой описываемых источников.

В отличие от вышеуказанных описи С.К.Платоновой нельзя признать удовлетворительными. Ее описание купчих крепостей, жалованных грамот и других документов XVIII в. выполнено недостаточно квалифици-

рованно, так что в ряде случаев остается неясным, какую цель преследовал автор: описание дела или его публикации. В составленных ею описях полностью отсутствует научно-справочный аппарат – заголовки текстов, даты, примечания. При передаче текста Платонова использовала буквальный способ, подавая материал в неадаптированном виде.

К числу бесспорно положительных моментов в деятельности ТУАК в области архивного дела следует отнести составление указателей к описям исторического архива. В 1888 и 1890 гг. М.Г.Розанов и П.А.Дьяконов составили «Указатель к описи Тамбовского исторического архива» в двух частях.²²¹ Первая часть включала в себя сведения по 2109 делам архива, опись которых была напечатана в семнадцати начальных выпусках «Известий». Во вторую часть вошли дела с № 2109 по № 3144. Указатель состоял из трех отделов: предметного, географического и именного. Помимо этого, вторая часть была дополнена отделом «Канцелярские архаизмы в речениях и синтаксических построениях речи». Дьяконов исправил запутанную нумерацию дел в описях и ввел с № 2109 правильный порядковый номер. В 1900-1901 гг. эта работа была продолжена А.И.Самоцветовым, подготовившим рукописный систематический указатель части дел исторического архива.

Выполнение задачи по описанию материалов губернских исторических архивов было сопряжено со значительными трудностями, и в силу этого далеко не все ГУАК смогли достичь в этой области значительных результатов. В ответе на вопросы анкеты 1897 г. Рязанская комиссия указала на причины недостаточно высокого уровня своих описаний: «Разумеется, имеющиеся описи не удовлетворяют научным требованиям архивоведения, но этого возможно достигнуть только тогда, когда губернский исторический архив будет обеспечен материальными средствами и будет в заведовании не случайных лиц, а особых ученых архивариев».²²² К 1915 г. лишь две комиссии смогли составить полное описание своих архивов – Тверская и Пензенская. Плодотворной деятельности комиссий по составлению научных описей препятствовали, во-первых, недостаточная подготовка их членов к выполнению столь трудоемких и требующих высокой квалификации работ, во-вторых, отсутствие необходимых условий и средств, и в-третьих, неразработанность самой методики описания дел в архивоведческой теории того времени. В результате этого имел место очевидный разрыв в применяемых при описании приемах, что приводило к существованию одновременно самых разных форм и типов описаний. Губернские комиссии отдавали приоритет систематическим, подробным описям. Практиковавшаяся ими система подробного описания приводила к тому, что разница между описанием и публикацией дела фактически исчезала. Подобная практика не выдерживает критики с точки зрения современных научных требований и даже в то время определялась как неудовлетворительная. Так, Археологическая комиссия указывала, что «само описание дел не должно бы было переходить в издание сплошных текстов и частичное исследование», и деятельность ГУАК должна заключаться в кратком, но точном описании исторических памятников.²²³ XI археологический съезд признал описи ГУАК

научными, но излишне подробными.²²⁴ Данные положения можно всецело отнести на счет описей Тамбовской комиссии.

Результативность работ ТУАК по описанию архива в различные периоды ее истории была неодинакова и находилась в прямой зависимости от степени компетентности и численности лиц, привлекавшихся к данному виду деятельности. Первоначально количество описываемых дел составляло в среднем четыреста единиц хранения в год. Со второй половины 90-х годов в связи с резким спадом активности ТУАК в целом темпы описания значительно снизились. С 1898 г. по 1901 г. составление описей всецело лежало на одном лишь П.И.Пискареве. Со смертью этого поистине энтузиаста-подвижника комиссия была поставлена перед фактом отсутствия желающих заняться трудоемким и сложным видом деятельности. По предложению Ф.С.Соколова и М.Г.Попова, с 1904 г. комиссия ввела практику вознаграждения за составление описей (15 рублей за печатный лист описания дел XVII-XVIII вв., 10 – XIX в.). Однако данная мера не привела к радикальному улучшению положения. Таким образом, второй период деятельности ТУАК в плане описания документов ее архива был заметно менее плодотворным, чем во время председательства И.И.Дубова.

4. Археографическая деятельность комиссии

Рубеж XIX – XX вв. отмечен интенсивной публикаторской деятельностью различных научно-исторических учреждений. В этот период выходят в свет многочисленные документальные сборники, подготовленные Русским историческим обществом, Археографической комиссией, Обществом любителей древней письменности, Русским военно-историческим обществом и др. В то же время единых правил публикации исторических материалов отечественная дореволюционная археография не выработала. История ее развития проходила под знаком борьбы между сторонниками критического и буквального способов передачи текста, начало противостоянию которых было положено еще в XVIII в. В.Н.Татищевым и А.-Л.Шлецером. Предложенные впоследствии приверженцами первого метода (И.С.Барковым, Н.И.Новиковым, П.М.Строевым) приемы легли в основу изданий Археографической комиссии, игравшей ведущую роль в разработке методики публикаций в конце XIX – начале XX вв. В связи с переизданием собрания русских летописей в 1869–1870 гг. Археографическая комиссия провела дискуссию, имевшую немаловажное значение для развития отечественной археографии. В ней приняли участие видные ученые – М.О.Коялович, М.П.Погодин, С.М.Соловьев, И.И.Срезневский, К.Н.Бестужев-Рюмин, И.Д.Беляев, И.Е.Забелин, П.М.Строев и др. В итоге дискуссии возобладала точка зрения председателя комиссии П.А.Муханова, предложившего устроившее всех компромиссное решение проблемы: публиковать оригинальные тексты фотолитографическим способом, а критически переработанные – типографским путем.²²⁵ Сам же Муханов полагал, что «при печатании грамот, и вообще исторических памятников, необходимо иметь в виду, чтобы издание их...

было доступным для всех занимающихся русской историей и вместе с тем сподручным при употреблении».²²⁶ С этой целью он предлагал составлять подробные примечания, в которых должны указываться все особенности источников (является он подлинником или копией, в какой связи написан и на каком материале, есть ли водяные знаки, печати, изображения и надписи), а также по возможности датировать недатированные документы и разъяснять неясные места. В 1905 г. Археографическая комиссия разработала проект правил для издания документальных материалов.²²⁷ Они предполагали расположение документов в хронологическом или систематическом порядке, описание дел, предваряющееся датой создания и заголовком, приведение данных о количестве листов и склеек. При передаче текста места, не поддающиеся восстановлению, должны были обозначаться многоточиями, истлевшие – курсивом, пробылы – точками, зачеркнутые – в прямых скобках. Описки подлежали исправлению в тексте, а неправильно написанные слова – в примечаниях. Согласно правилам, акты должны были издаваться гражданским шрифтом с сохранением фонетических особенностей подлинников, но без передачи точного начертания отдельных букв. Графические особенности текста предполагалось оговаривать в примечаниях, титлы и взметы раскрывать применительно к правилам современной издателям орфографии, расставлять знаки препинания. Разрабатывая эдиционные нормы в целом, Археографическая комиссия неоднократно публиковала правила, не имевшие общеобязательного характера и предназначенные для конкретных изданий и частных случаев.²²⁸

Разработкой текстологических правил и приемов публикаций в конце XIX – начале XX вв. занимались многие видные ученые, такие как А.А.Шахматов, В.Г.Дружинин, С.Б.Веселовский, Н.П.Павлов-Сильванский, А.С.Лаппо-Данилевский. Основное внимание разработчиков было сосредоточено на определении принципов воспроизведения текста источников. Так, Веселовский полагал, что приемы издания актов XV–XVI вв. должны отличаться от более поздних по времени возникновения. Для последних он предполагал приближение правописания к современному при сохранении фонетических особенностей текста.²²⁹ Лаппо-Данилевский, под руководством которого в начале 1900-х годов были подготовлены «Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии»,²³⁰ также предлагал устанавливать принципы издания документов в зависимости от их хронологической принадлежности. Для актов XIV–XV вв. предполагалось применение буквального метода (точное воспроизведение текста с сохранением титл, придыханий, знаков препинания, явные ошибки и описки, использование церковнославянского шрифта); первой половины XVI в. – сочетание гражданского и «новоцерковнославянского» шрифтов; второй половины XVI–XVIII вв. – употребление критического метода (введение прописных букв, раскрытие титл, вязи, исключение надстрочных букв, исправление ошибок, употребление гражданского шрифта).²³¹

Собственные правила публикации документов разрабатывались и крупнейшими отечественными архивами. Так, МАМЮ издал в 1912 г.

«Правила для переписки и издания документов», в которых оговаривались приемы передачи текста (раскрытие лигатур, титл, замена древнеславянских букв современным алфавитом, расстановка знаков препинания в соответствии с принципами современной пунктуации, исправление явных опечаток с вынесением подлинного написания в примечания).²³² «Правила» отражали общий уровень развития методики публикации источников начала XX в. и носили отпечаток традиций Археографической комиссии.²³³

Следует отметить, что археографическая практика конца XIX – начала XX вв. неоднократно подвергалась критике современниками. С резкими, но во многом справедливыми упреками в ее адрес выступил на XIII археологическом съезде (1905 г., Екатеринбург) Д.Я.Самоковасов. «Все наши ученые учреждения, – заявил он, – от Академии Наук и Археографических комиссий до губернских архивных комиссий... не имея в своей среде лиц, специально преданных археографическому делу и способных разбирать древние архивные материалы, для издания поручали выбор и печатание архивных материалов архивистам, ограничивая в нем свое участие уплатою вознаграждения за выборку, переписку и корректуру издаваемых актов».²³⁴ Следствием этого стало опубликование всех архивных материалов без разбора, что вело, по мнению ученого, к «малополезному превращению массы рукописного материала в библиотечный».

Губернские ученые архивные комиссии входили в число научных учреждений, занимавшихся преимущественно публикацией актов и материалов. Из-за отсутствия единой методики они руководствовались в своей деятельности опытом собственной практики, либо опирались на определенные, устоявшиеся в ходе развития археографии эдиционные нормы. Тамбовская комиссия начала публиковать документы формирующегося исторического архива с первого выпуска своего печатного органа. Среди ее членов работой по подготовке источников к изданию с разной степенью активности занимались И.И.Дубасов, П.И.Пискарев, Д.В.Ильченко, М.Г.Розанов, Р.П.Ситовский, М.П.Григоровский, П.И.Астров, П.А.Дьяконов, о. Курганский, Н.И.Орлов, И.А.Аносов, П.В.Покровский, В.А.Сысоев, Н.Серповский, П.Н.Черменский, В.В.Лебедев, Н.А.Попов, Г.П.Петерсон, А.А.Полторацкая, С.Н.Введенский, И.Ф.Токмаков, Л.Б.Вейнберг, И.В.Добролюбов, И.Н.Николев, А.А.Гоздаво-Голомбиевский, В.И.Холмогоров.

Как уже указывалось выше, в выпусках «Известий» с 1 по 25-й документы печатались в качестве приложений к протоколам заседаний комиссии. Дела Шацкого архива помещались также в приложениях, но уже к описи архива. С изменением структуры «Известий» в 1890 г. для публикации источников был выделен специальный третий отдел. Он предназначался для издания документов по истории края из центральных архивов, а также наиболее объемных дел губернского исторического архива. Остальные источники из архива комиссии публиковались в составе описи под своими порядковыми номерами. Подобный порядок значительно облегчал работу с источниками, так как ранее дела помещались без заголовков и указания на их номер в описи, что затрудняло понимание их содержания.

В выборе объекта публикаций члены комиссии руководствовались прежде всего значимостью документа в качестве исторического источника для освещения истории края. Однако приоритетное место в общем объеме документальных публикаций ТУАК принадлежало источникам по истории церкви. Их количество составило около 250 единиц хранения. Сведения о церковной истории края заключались в таких категориях документов, как царские и патриаршие грамоты, челобитные, уставные, послушные и вотчинные жалованные грамоты, памяти, выписи из межвыходных, отводных, писцовых и строильных книг, описи монастырей, росписные списки монастырских вотчин, окладные книги. В опубликованных комиссиями материалах нашли отражение вопросы основания монастырей на территории края, закрепления за ними земельных угодий и их последующего роста, проблемы земельных споров монастырей друг с другом, имущественных отношений. Особое внимание уделялось истории распространения христианства среди местного языческого населения. В этой связи были напечатаны материалы об убийстве архиепископа Рязанского и Муромского Мисаила в 1665 г.²³⁵ Значительная подборка документов рисовала картину морально-нравственного состояния местного духовенства и его взаимоотношений с другими сословиями. В их числе – опубликованный М.Г.Розановым список с грамот 1699 г. патриарха Адриана архимандриту Арзамасского Спасского монастыря Павлу о неблагоприятных поступках духовенства Темникова и его окрестных деревень,²³⁶ уставная грамота 1652 г. протопопу Темниковского собора о способах и мерах наказания духовенства за проступки (П.И.Пискарев),²³⁷ документы, рисующие нравственный облик местных священнослужителей середины XVIII в. и особенности их отношений с помещиками (И.А.Аносов),²³⁸ подготовленная А.А.Гоздаво-Голомбиевским подборка материалов (челобитных) из МАМЮ под общим заголовком «Несколько документов, относящихся к характеристике морально-нравственного состояния тамбовского духовенства конца XVII в.».²³⁹ Публиковались также материалы о распространенных среди местных жителей суевериях и о сектантстве. Так, на страницах «Известий» увидела свет «Книга записная Тамбовской губернии в Совестном суде определением»,²⁴⁰ 42 дела которой повествуют о крестьянах Борисоглебского уезда, будто бы «испорченных» знахарями в 1781 г.; дела о духоборах и других сектах.²⁴¹

Подавляющее большинство публикаций историко-церковной проблематики было посвящено истории и хозяйственной деятельности отдельных монастырей и церковей. Тамбовские архивисты опубликовали источники по истории Спасо-Преображенского монастыря Краснослободского уезда, Успенской Проломной, Вышенской, Мамонтовой, Старо-Кадомской пустынь; Темниковского Пурдышевского, Трегуляевского, Добренского, Вознесенского, Казанского, Чернеева, Троицкого Тамбовского уезда; Козловского Троицкого монастыря,²⁴² а также владевших вотчинами в Тамбовском крае монастырей других регионов – Кирилло-Белозерского, московского Новоспасского, рязанских Николаевского Радовицкого, Спасского и Солотчинского, звенигородского Саввина Сторожевского.²⁴³ Издавались также документы, отражавшие историю

развития отдельных церквей — Острога-Тамбовской церкви Пресвятой Богородицы, темниковской Преображенской церкви, тамбовского кафедрального собора, тамбовской церкви Преображения, церквей сел Ивинья и Гумны Моршанского уезда и др. Немалый интерес представляют опубликованные в «Известиях» описи монастырей: Вознесенского женского монастыря 1764 г. из собрания МАМЮ; Козловского Троицкого монастыря 1706 г.; Казанского монастыря 1715 г., Шацкой Вышенской пустыни 1792 г.

Наиболее значительные собрания документов по церковной истории были подготовлены И.В.Добролюбовым и П.И.Пискаревым. Первый из них опубликовал «Священную книгу окладную монастырям, церквям и часовням Шацкого города и Кадома 184 г.», «Книги окладные Тамбовского города и Козлова Тамбовской и Козловской десятины» 1676-1684 гг., «Книги окладные новоселебным селам Тамбовского и Козловского городов нынешнего 1702 г.» (ропись церквей и часовень).²⁴⁴ П.И.Пискарев напечатал «Описание монастырей Шацкой провинции 738 г.» из фондов МАМЮ, содержащее сведения о десяти монастырях края.²⁴⁵ В подготовленных к печати И.Ф.Токмаковым «Материалах для исторического и церковно-археологического описания Шацкого уезда», помимо публиковавшихся ранее в «Тамбовских губернских ведомостях» источников по истории уезда XVII-XVIII вв., впервые увидел свет ряд документов по истории Успенской Проломной и Вышенской пустыни (рапорты от 1763 г. подпоручика А.Жидкова с описанием монастырских вотчин).²⁴⁶

Со временем комиссия пришла к заключению о необходимости сосредоточить разбросанные по страницам различных выпусков «Известий» публикации по церковно-монастырской истории в специальном периодическом сборнике. Обосновывая необходимость учреждения подобного издания, Н.И.Орлов писал: «Что касается обнаружения местных исторических материалов, то хотя местные Епархиальные, а отчасти Губернские Ведомости, Известия Тамбовской архивной комиссии и некоторые исторические журналы на своих страницах поместили, и не мало, более или менее важные документы, доставленные в редакции местными любителями старины, но все это ничтожно сравнительно с тем, что основательно забыто, заброшено, доселе не разобрано, не прочитано, даже по заглавиям не приведено, как следует, в известность, и что в то же время часто очень ценно в историческом отношении».²⁴⁷ Выпускать в свет подобные тематические сборники предполагалось по мере открытия новых материалов. Решение о подготовке издания под названием «Материалы для истории Тамбовской епархии» было принято комиссией в 1904 г. Однако на деле ТУАК удалось реализовать свою программу серийного издания в виде всего лишь одного сборника. Он был подготовлен Н.И.Орловым в связи с двухсотлетним юбилеем Саровской пустыни (ИТУАК. Вып.49). В сборник вошли рукописные материалы из архива пустыни. В их числе сказание о первом жительстве монахов и о построении церкви Пресвятой Богородицы, принадлежавшее перу основателя пустыни Исаакия; записки послушника конца XVIII в. Афанасия Илларионовича о строительстве пустыни; келейные записи отца Ефрема; описание собы-

тий времен крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева неизвестного автора; записки иеромонаха Нифонта о житии Исаакия; описание событий монастырской жизни с 1790 по 1810 гг. иеромонаха Евгения. Рукописи были помещены составителем под заголовками, но без указания на даты их написания. Изданные тексты сопровождалась почти исчерпывающим научно-справочным аппаратом: предисловием, текстуральными примечаниями, указателем собственных имен.

На втором месте по объему в составе публикаций Тамбовской комиссии находятся материалы по истории заселения края. Это подборки документов, относящиеся к обстоятельствам основания и первоначальной истории городов Тамбова, Козлова, Доброго, Нижнего Ломова и других.²⁴⁸ Значительное количество данных социально-экономического характера по истории отдельных районов края в XVII-XVIII вв. содержат опубликованные на страницах «Известий» ведомости Тамбовского и Козловского уездов,²⁴⁹ Липецка,²⁵⁰ Тамбова, Козлова, Моршанска, Хоперской крепости,²⁵¹ росписные списки Шацкого уезда 1656 г. (из собрания бумаг директора МГАМИД Ф.А.Бюлера),²⁵² Тамбова 1745 г. из фондов МАМЮ,²⁵³ Шацка 1785 г.,²⁵⁴ Темникова.²⁵⁵ Они включают в себе статистические сведения о количестве городов, сел, дворов, казенных и общественных зданий, питейных заведений, каменных и деревянных строений, заводов и фабрик, мужского и женского населения, земельных владений, численности различных сословий.

Большое значение комиссия придавала публикации документов по истории организации обороны края от набегов неприятеля. Значительная их часть освещала обстоятельства строительства укрепленных линий — Тамбовской и Козловской черты. В основной своей массе это источники из фондов МАМЮ. В их число вошли такие материалы, как «Выписка в разряд о построении новых городов и черты» 1681 г., описывающая Тамбовскую черту и Козловский участок Белгородской;²⁵⁶ рукопись об экспедиции князя М.Шейдякова, обследовавшего и описавшего Козловскую черту;²⁵⁷ грамота в Козлов воеводам И.В.Биркину и М.Спешневу о построении вала между реками Польшный Воронеж и Челновая 1636 г. и память козловскому воеводе И.Ляпунову 1643 г. о строительстве укреплений на татарских перелазах по р. Польшный Воронеж (МАМЮ),²⁵⁸ росписи сторожам 1571, 1577, 1623 гг.²⁵⁹; отписка о валовом деле И.Головина, изучавшего в 1662 г. состояние укреплений Тамбовской черты.²⁶⁰ В 1892 г. В.И.Холмогоров опубликовал «Материалы для истории г. Козлова» из собраний МАМЮ, в число которых вошли статейная запись 1650 г. с обозначением записанных в тягло посадских людей, дозорная роспись 1666 г. городскому и крепостному строению, сдаточная ведомость 1686 г. Козловского острога и приписанных к нему Бельского и Челнавского городков.²⁶¹ Опубликованные архивистом источники освещают историю строительства черты от Козлова до Воронежа и от Тамбова до Симбирска на протяжении 579 верст и раскрывают участие в нем местных воевод. Благодаря этим материалам удалось установить время завершения строительства черты. Холмогоровым также были опубликованы «Материалы для истории города Тамбова»,²⁶² представлявшие собой выдержки из книг

тамбовским земляным и деревянным крепостям 1662 г., которые хранились в МАМЮ. Источники содержат описание укреплений города, указания на их протяженность, количество проезжих и глухих башен. Ценность опубликованных документов значительно возрастает ввиду того, что целый ряд их не сохранился до настоящего времени.

В «Известиях» публиковались и материалы о многочисленных сражениях, имевших место на территории края: о приходе на Усмань татар в 1645 г.; о появлении воинских людей, идущих в направлении городов Тамбов и Козлов в 1681 г.; переписка 1737–1738 гг. о возможном приходе кубанских татар и крымского хана на казацкие городки и связанных с этим мероприятиях; наказ Ивана и Петра Алексеевичей 1686 г. К. Головину держать караулы в крепостях Новосила от татарского прихода и т.д.²⁶³

В отдельных случаях, когда комиссия находила важными для истории края те или иные уже опубликованные источники, она прибегала к практике их перепечатывания на страницах «Известий». Так, в 46-м выпуске была напечатана окружная грамота 1637 г. царя Михаила Федоровича в Пермь воеводе Б. Кумынину о сборе денег на строительство по Крымской Украине новых городов и острогов для защиты от неприятельских набегов (из «Собрания государственных грамот и договоров»),²⁶⁴ две жалованные грамоты 1439 г. князю Янгальчу (из «Древней Российской Вивлиофики»)²⁶⁵ и др.

Определенное число материалов, опубликованных на страницах «Известий», освещало эпизоды истории местного финно-угорского населения. К числу подобных документов принадлежит, например, грамота 1682 г. с упоминанием племени буртасы.²⁶⁶ Однако в связи с малочисленностью таких источников количество подобных публикаций невелико. Более значительными по объему являются подборки документов, освещающие политику властей по отношению к татарскому населению. Комиссия опубликовала целый ряд царских грамот XVII в., адресованных представителям татарской знати: о предоставлении права князю Кугушеву осуществлять суд над татарами в Темникове, о записи темниковского мурзы князя Колунчакова в десятню, приказ от 1694 г. о записи на воинскую службу наиболее родовитых темниковских татар, грамота Е. Тенишеву на владение в Темникове кабаком,²⁶⁷ указ царей Ивана и Петра Алексеевичей 1687 г. о записи в роту воеводы Ромадановского шацких мурз и татар; память ротмистру Енгальчеву 1687 г. держать караулы на татарских озерах²⁶⁸ и т.д.

Следующую группу опубликованных комиссией источников составляют материалы по социально-экономической истории края. Большое число осуществленных комиссией документальных публикаций посвящено истории помещичьего землевладения. Среди них царские грамоты середины XVI в. о пожаловании Тактыковых, Жуковых, Мосоловых поместьями в Рязанском и Кадомском уездах, сенными покосами и рыбными ловлями боярина А. Голицына в 1588 г.; царские жалованные грамоты XVII в. В. А. Давыдову на земли в Рязанском уезде, генерал-майору Кулешову в Тамбовском уезде, И. С. Вышеславцеву на вотчины в Московском и Темниковском уездах, память 1683 г. о даче земли И. И. Сотенскому, выписи из писцовых и межевых книг на поместье и вотчину А. А. Нес-

терову в Кадомском уезде,²⁶⁹ копии отказных книг 1667 г. и 1679 г. на недвижимое имущество В. Вышеславцева и выписи из писцовых, переписных и отказных книг на поместья и вотчины Вышеславцевых; жалованные грамоты на вотчины темниковского, шацкого и тамбовского дворянства XVII в.,²⁷⁰ владенные выписи темниковским и кадомским мурзам, описание 1779 г. вотчин графа Разумовского в Шацком уезде,²⁷¹ ввозная грамота Т. Губину на Ольховское поместье 1683 г., многочисленные выписи из писцовых и отказных книг, а также купчие и духовные завешания. Значительную долю среди документов по истории местного землевладения составляли материалы об инородческом землевладении. В их числе жалованная грамота князю Тенишеву на владение селом и деревней, пожалованье Тенишевых детей мурз Емаша и Исяша ясаком, челобитная темниковского служилого татарина мурзы Анчурина о пожаловании ему поместья, челобитные мордвы Темниковского уезда, владенные выписи темниковским и кадомским мурзам, царские грамоты о пожаловании вотчинами князей Кудашевых и Ишеевых в Темниковском уезде, жалованная стольнику И. Ф. Тарбееву 1682 г., поступная запись служилых татар Малышева и Ижбулатова, данная князю Кугушеву на поместную землю в Кадомском уезде, дело о спорной земле, находившейся во владении мордвы Темниковского уезда.²⁷²

Целый ряд документальных публикаций касался разного рода спорных земельных дел. Большая их часть поступила в комиссию из архива Сената. Среди них апелляционные дела по спорным вопросам межевания земель в Козловском уезде начала XVIII в. с опровержением или подтверждением исков на землю,²⁷³ спорные дела владельцев поместных земель, жалобы помещиков и однодворцев Борисоглебского и Липецкого уездов XVIII в.,²⁷⁴ росписи помещичьих земель по генеральному межеванию 1774 г., апелляционное дело 1835 г. по жалобам помещиков Тамбовского и Усманского уездов об отчужденных Межевой канцелярией в казенное ведомство землях в Борисоглебском уезде с приложением выписей из строильных и отказных книг 1651 и 1762 гг.,²⁷⁵ апелляционные дела по земельным спорам, внесенным в Сенат землевладельцами Шацкого уезда 1794–1820 гг.,²⁷⁶ челобитные 1763 г. в Поташную контору выборных Пичкиреевского майдана Я. Глушенкова и С. Киселева о насильственном завладении землей, расчищенной их предками во время изготовления казенного поташа с приложением царских грамот и выписей из отказных книг, пятнадцать спорных земельных дел XVIII в. Вотчинной коллегии из фондов МАМЮ.²⁷⁷

Ряд опубликованных комиссией документов относится к земельным владениям на территории края царской семьи. К ним принадлежат копия Шацкой писцовой книги 1623 г. о владениях матери Михаила Федоровича Романова Марфы Ивановны в Верхоценской волости²⁷⁸ (МАМЮ) с росписью принадлежавших ей деревень; жалованная грамота 1628 г. Михаила Федоровича на вотчину в Мещерском уезде его матери; выдержки из писцовой книги 1627–1628 гг. и переписной книги 1646 г. о вотчинах бояр Ивана Никитича и Никиты Ивановича Романовых в Лебедянском уезде.²⁷⁹

Большое внимание члены ТУАК уделяли документам, освещавшим бытовую историю населения края. Эти материалы отражали уровень его культуры и нравов, указывали на различного рода злоупотребления тамбовской администрации. Так, в одном из первых выпусков своего печатного органа комиссия опубликовала дело о местнической ссоре тамбовских воевод Полева и Лихарева в 1659 г. из собрания МАМЮ.²⁸⁰ Публиковались также такие дела, как память 1626 г. из Разбойного приказа в Шацк по делу о тюремных сидельцах,²⁸¹ являвшая собой свидетельство судебно-административного произвола местных подьячих, обрашавших заключенных в своих холопов; указ Петра I 1704 г. тамниковскому воеводе Ахматову по поводу жалобы кадомских помещиков на злоупотребления подьячих;²⁸² указ Екатерины II по поводу жалоб жителей Воронежской губернии на обиды и разорения от городских и земских начальников при взимании подушных налогов, рекрутских наборах, судебном производстве и т.д.²⁸³

Одним из наиболее ценных источников по социальной истории тамбовские архивисты считали акты феодального суда. Особое внимание они обращали на книги явочных челобитных, которые ввиду их важности печатались в полном составе. В «Известиях» опубликованы книги записные явочным челобитным 1692 г.;²⁸⁴ книга 1764 г. (о самовольной распашке вооруженными крестьянами земли других крестьян Керенского уезда);²⁸⁵ книга явочных челобитных 1776 г. из Шацкой канцелярии (с указаниями на случаи самоуправства помещиков и «вообще людей сильных и угнетения ими бессильных», воровства, порубки заповедных лесов, разбоев, побегов крестьян);²⁸⁶ книги конца XVIII в., содержавшие подробное описание дел по поводу бытовых ссор дьячков, притеснений населения со стороны различных государственных чинов, нападений крестьян друг на друга, появлении разбойников в Елатомском уезде в 1769 г. и их действиях²⁸⁷ и ряд других.

История развития местного образования и просвещения отражена в опубликованной комиссией немногочисленной подборке документов: выписке из указа Сената от 8 ноября 1774 г. о посылке лиц мужского пола в цифирные школы Адмиралтейской коллегии; документах об открытии Шацкого народного училища²⁸⁸ и развитии училищ в Тамбовской губернии в 20-30-х годах XIX в. (МАМЮ);²⁸⁹ материалах бригадира И.Г.Рахманинова, организовавшего в селе Казинка Козловского уезда в 1791 г. вольную типографию.

Определенное количество документов, напечатанных в «Известиях», освещает развитие местной промышленности, промыслов, торговли. В их числе ведомость цен Шацкого уезда 1756 г., сведения о количестве заводов, фабрик, пильных и мукомольных мельниц в губернии за 1788 г., грамота царя Петра Алексеевича А.Палеологу о заготовлении тамбовцами лесных припасов и сгонке их по Хопру и Дону к Азову, грамота 1714 г. о сборе в Тамбовской провинции кормщиков и гребцов для посылки их с провиантом из Доброго к войску Донскому, отписки 1702 г. и челобитные о доставке в Азов леса, дело 1700 г. об отбытии думного дворянина и воеводы С.Ловчинова в Азов после заготовления им лесных припасов на

Хопре и Медведице, описание дворов на Липских и Козминских железных заводах, указ Екатерины II 1764 г. о строительстве железодельного завода в селах Вознесенском и Архангельском Шацкого уезда.²⁹⁰ Кроме того, комиссия напечатала достаточно большое количество документов статистического характера: реестры доходов с помещичьих крестьян, ведомости урожаев и цен на хлеб и т.д. Публиковались также документы об изменениях административно-территориального устройства края: дело Шацкой провинциальной канцелярии об открытии Тамбовского наместничества, рапорт Сенату от 1797 г. о делении губернии на уезды, материалы демографического характера (ведомости населения).²⁹¹

Необходимым тамбовские архивисты полагали издание источников по истории крестьянских движений и восстаний на территории края. Всего на страницах «Известий» опубликовано свыше шестидесяти подобных документов. В их числе царские грамоты и отписки воевод (тамбовского Я.Хитрово, шацкого А.Астафьева, козловского С.Хрушова),²⁹² относящиеся к событиям на территории края времен крестьянской войны под предводительством С.Т.Разина. Они освещают действия восставших и правительственные меры по борьбе с ними. К материалам по истории разинского движения относятся также росписи тамбовского полка, указывающие на количество дворян, казаков, пушкарей, и челобитные присланного на Тамбовщину для умирения восставших князя Ю.Долгорукого с описанием его действий.²⁹³ В.И.Холмогоров подготовил к изданию важный источник одновременно по истории крестьянского движения на территории края и церковного землевладения — переписную книгу 1671 г. сел и деревень Верхоценской волости, Рыбной пустоши, а также монастырских вотчин Тамбовского уезда (из фондов МАМЮ).²⁹⁴ Она содержит сведения о 28 селах и 18 деревнях губернии, подвергшихся разорению в ходе крестьянской войны. Населенные пункты распределены в источнике по семи десяткам: Кулеватовский, Питерский, Корельский, Моршанский, Алукуженский, Новосельский, Пенковский. Из церковных вотчин указаны владения Мамонтовой пустыни и Троицкого монастыря. В книге приводятся статистические данные о каждом селении и каждой десятке: количество убитых и пленных, размеры тягла, число лиц церковного клира, количество крестьянских земель и дворов.

Из материалов по истории пугачевского движения комиссия опубликовала указ Синода от 1774 г. о снятии сана с архимандрита Нижнелоговского Богородично-Казанского монастыря отца Исаакия за встречу сподвижников Е.И.Пугачева с царскими почестями;²⁹⁵ роспись государственной казне в Козлове в 1774 г. (описание количества вооружения);²⁹⁶ дело 1785 г. о разграблении пугачевцами дома и пожитков поручика в отставке Б.Рогожина и др. Кроме того, были изданы документы об отдельных крестьянских выступлениях на территории края: о сопротивлении монастырских крестьян сел Спасского, Введенского и Козмодемьянского Шацкой провинции в 1756 г. руководству Новоспасского монастыря (крестьянские челобитные, указы императрицы Елизаветы Петровны по делу, реестр участвовавших в выступлении крестьян);²⁹⁷ отписка шацкого воеводы Ф.Волкова об отправке войск в деревню Святоозеро и село

Аладыно для подавления выступивших крестьян,²⁹⁸ многочисленные челобитные о побегах дворовых крестьян.

Во второй период своего существования ТУАК приступила к опубликованию генеалогических материалов. Наиболее значительная подборка документов генеалогического характера содержится в работе А.Н.Норцова по истории тамбовского, саратовского и пензенского дворянства.²⁹⁹ В приложениях к родословным росписям автор поместил многочисленные источники из московских архивов, хранилищ Тамбовской, Саратовской, Пензенской губерний, частных архивов. Среди них сорок актов XVII в. Слепцовых из фондов МАМЮ (челобитные, выписи из писцовых, переписных, межевых, отказных книг), значительное количество жалованных грамот на имя Ишеевых, Ждановых, Корольковых из архива Тамбовского дворянского депутатского собрания, царские жалованные грамоты XVII-XVIII вв. дворянам Чичериным. Несколько документов в составе фундаментального труда Норцова напечатаны факсимильным способом: данная запись 1656 г., грамота Слепцовым на поместье 1511 г., письмо генерала Слепцова 1848 г.

А.Н.Норцов предоставлял место на страницах печатного органа комиссии для публикаций, подготовленных известными русскими генеалогами, являвшимися членами ТУАК. Так, Л.М.Савелов поместил в одном из выпусков «Известий» 21 документ XVII-XVIII вв. из личного собрания Савеловых.³⁰⁰ Документы освещают историю рода (главным образом, вопросы земельной собственности) и снабжены подробными историческими справками. В.С.Арсеньев опубликовал ряд документов в качестве приложений к поколенным росписям русской ветви французского рода де ла Губле (дворянскую грамоту 1832 г., свидетельство 1793 г. о принадлежности Губле к титулованному французскому дворянству на французском языке, паспорт 1797 г. подпоручика Каргопольского драгунского полка де ла Губле), 14 документов по истории рода Волжиных XVII-XVIII вв. (челобитные, отказные грамоты, выписи из писцовых книг), четыре документа о роде Кенсон (царские грамоты и рескрипты XVIII-XIX вв. о награждении орденами с пенсиями за военные заслуги),³⁰¹ два — о касимовских помещиках Санти (грамота 1591 г. герцога Савойского о пожаловании братьям Санти герба, грамота герцогини Курляндской Софии-Шарлотты графу фон Санти на немецком языке),³⁰² один — Арсеньевых (челобитная 168 г. рейтара И.Арсеньева царю Алексею Михайловичу с просьбой о предоставлении поместного и денежного оклада за ранения и плен, из фондов МАМЮ).³⁰³ В отличие от публикации Л.М.Савелова изданные В.С.Арсеньевым документы не сопровождаются комментариями и контрольно-справочными сведениями. В описи документов исторического архива ТУАК были напечатаны также родословные XVII в. Талтыковых, Кологривовых, Довговых, Веселовских, Кудашевых, Ишеевых, Нестеровых, Болдыревых и др.³⁰⁴

К числу наиболее фундаментальных, но, к сожалению, не осуществленных, планов в археографической области относится решение комиссии о публикации фамильных архивов Сухтеленов, Ламбертов и Канкриных. Их издание предполагалось начать весной 1911 г. В связи с отказом

местной администрации финансировать начинание комиссии общее собрание от 27 января 1911 г. уполномочило председателя ходатайствовать о назначении субсидии перед министерствами внутренних дел и финансов. Испрашиваемая сумма составила три тысячи рублей.³⁰⁵ В апреле 1911 г. комиссия получила принципиальное согласие министерства внутренних дел, а в сентябре — извещение из департамента общих дел об ассигновании министерствами финансов и внутренних дел одной тысячи рублей.³⁰⁶ Практические вопросы, связанные с изданием, были обсуждены на собраниях ТУАК 12 декабря 1911 г. и 17 декабря 1912 г. Однако в связи с тем, что не все многочисленные документы архива на иностранных языках были подготовлены к печати, начало публикации пришлось отложить. Это решение было связано также с тем, что в адрес комиссии стали поступать новые материалы, имевшие отношение к предполагаемому изданию, к примеру, были получены бумаги Сухтеленов из архива Саратовской комиссии.³⁰⁷ Понадобилось время, чтобы подготовить к печати новые источники. В 1913 г., когда все было готово, выяснилось, что в типографии отсутствует шрифт для печатания текстов на иностранных языках. С началом войны были утрачены последние возможности для осуществления задуманного издания. Отчеты комиссии за 1914 г. констатируют, что начало издания вновь откладывается, на этот раз из-за мобилизации на фронт наиболее квалифицированных наборщиков типографии.³⁰⁸ Тем не менее ТУАК удалось напечатать более тридцати документов из фонда Сухтеленов на страницах «Известий». Среди них рукопись князя А.А.Безбородко и П.Бакунина об основных событиях царствования Екатерины II;³⁰⁹ записка французского инженера Боадера 1801 г. в департамент путей сообщения о значении Моршанской пристани для развития хлебной торговли;³¹⁰ высочайшие рескрипты и письма различных лиц на имя Сухтеленов (Екатерины II, Павла I, П.А.Зубова, Н.П.Румянцева, М.М.Сперанского, Н.И.Греча и других) и М.И.Кутузова (Александра I, А.А.Аракчеева); военные и научные заметки П.П.Сухтелена («Обзор военных событий 1811 г. в Турции», «Описание хода военных действий в сражениях под Рушукком близ д. Слобожи на левом берегу Дуная» и др.).³¹¹ Часть документов Сухтеленов была подготовлена силами комиссии для издания в центральных периодических органах. Так, М.Г.Розанов осуществил публикацию некоторых дел фонда Сухтеленов в журнале «Русский архив». В качестве приложения к его статье о персидском посольстве в Россию 1829 г. были помещены дневник состоявшего при нем П.П.Сухтелена, письма Хозрев-Мурзы и членов его свиты, персидские стихи, визитные карточки.³¹²

Тамбовская комиссия практиковала публикацию документов не только в выпусках своего печатного органа «Известиях», но и в виде отдельных сборников. Первым из них стало вышедшее в 1884 г. собрание источников по истории края из фондов МАМЮ, подготовленное московским членом комиссии И.Н.Николевым.³¹³ Он предполагал осуществить публикацию целого ряда материалов из фондов архива: Разрядного и Печатного приказов, Герольдмейстерской и Печатной контор; Коллегии экономики; учреждений, упраздненных в результате реформ 60-х годов XIX в.

Однако смерть помешала архивисту осуществить эти планы. В свет вышел всего один выпуск, включивший в себя 157 дел Коллегии экономии за период с 1636 по 1685 г. В их числе списки строильных книг Тамбова, мировые и меновые записи, царские грамоты воеводам и монастырям, отказные книги, владенные и вкладные выписи, купчие, данные и поступные записи, выписи из переписных, межевых и писцовых книг. В предисловии автор публикации поместил обзор документов по истории Тамбовского края из фондов МАМЮ, в заключении — алфавитный словарь встречающихся в тексте архаизмов.

Спустя два года И.Ф.Токмаков подготовил еще один сборник документов по истории Тамбовской губернии из фондов другого центрального архивохранилища — МГАМИД.³¹⁴ В него вошли одиннадцать документов 1625-1708 гг. (о производстве стругов в Лебедяни, кружечном дворе в Елатье, о крещении татар в христианскую веру, челобитные тамбовских сторожевых казаков о даче жалованья и выкупе пленных родственников в Азове).

В 1887 г. отдельным изданием вышли подготовленные к печати П.И.Пискаревым документы по истории Мамонтовой пустыни.³¹⁵ 64 документа XVII в. из архивов упраздненных судебных мест и других учреждений Тамбова (вкладные, данные, купчие, межевые, мировые и другие грамоты) содержат данные об обстоятельствах основания Никольской пустыни старцем Мамонтом, ее дальнейшей истории, о количестве земель, церквей, частных и казенных зданий, о численности иноков, монастырских крестьян и составе насельников села Мамонтова. Издание снабжено предисловием, в котором описана история пустыни и ее роль в колонизации края, оглавлением, содержащим заголовки дел, даты их создания, порядковые номера. Другие элементы научно-справочного аппарата (комментарии, послесловие) в брошюре отсутствуют. Пискаревым был также издан такой ценный источник по истории края, как писцовая книга XVII в. сел Верхоценской волости Тамбовского уезда.³¹⁶ В ней отражена история десяти основанных во второй половине XVII в. сел (Благовещенское, Архангельское, Вапятино, Ракша, Хлыстово, Ильинское, Островка, Вановье, Темешово, Алгасово). В источнике приводятся сведения о количестве крестьянских дворов, пашен и усадеб, численности крестьян и их детей, размере оброков, церквях и церковных древностях, кладбищах. Пискарев произвел палеографический анализ внешнего вида источника и привел даты написания документов.

В 1890 г. была издана подготовленная к печати московскими членами ТУАК В.И. и Г.И.Холмогоровыми Темниковская десятина.³¹⁷ Данный источник представляет собой перечень 67 церквей Темникова и его уезда, с приложением выписей из писцовых, переписных, приходных и окладных книг, памятей и жалованных грамот XVII-XVIII вв. Документы освещают историю сел уезда, церквей, их хозяйственную деятельность, содержат сведения о количестве дворов, земель, угодий, размеры податей. Авторы публикации указали даты написания источников, привели ссылки на их архивный шифр и номера листов. Всего подобным образом было опубликовано более 300 фрагментов из документов. Зна-

чение издания Холмогоровых снижается отсутствием научно-справочного аппарата.

Специальной юбилейной подборкой материалов комиссия ознаменовала столетие Отечественной войны 1812 г. В издание под названием «Тамбовская губерния в 1812-1813 гг.»³¹⁸ вошло около двухсот документов из архивов губернского правления, дворянского депутатского собрания, семейных собраний А.Н.Норцова и К.А.Военского на русском, польском и французском языках. Часть материалов была перепечатана из журналов «Русская старина», «Сын Отечества» и других. В основном они представляли собой документы о военнопленных, так как Тамбовщина являлась одним из центров их сосредоточения. В первую часть издания вошли документы как опубликованные ранее (обращение тамбовского губернатора П.А.Нилова к населению губернии, письма П.И.Чичерина, выписка из предложений губернатора в адрес тамбовского дворянского собрания и т.д.), так и впервые увидевшие свет (переписка об условиях приема военнопленных (письма М.И.Кутузова, П.П.Коновницына, Е.Б.Фукса на имя П.А.Нилова), рапорт губернатору от елатомского земского исправника о размещенных в Елатье раненых, рапорт лебедянского предводителя дворянства А.А.Салькова о препровождении пленных). Во вторую часть вошли материалы о военнопленных из архива губернского правления: личные дела и различного рода прошения. В третью — документы из семейных архивов (переписка поручика Кирасирского полка по делам военнопленных Кирсановской округи А.Т.Слепцова с губернатором П.А.Ниловым и вице-губернатором А.А.Вейсом, а также приходно-расходные книги провианта для пленных за 1812-1813 гг.). Четвертая часть издания представляла собой списки военнопленных, размещенных в Тамбове, Лебедянском и Козловском уездах и в целом по губернии. В приложении помещены два дела из архива губернского правления — о сборе рекрутов из удельного имения великой княгини Екатерины Павловны и дела по обвинению разных лиц в шпионаже.

Посвятив страницы своего печатного органа публикации преимущественно актовому материалу, комиссия напечатала также два источника повествовательного характера — «Древний Тамбовский летописец» и «Бытность архиереев Тамбовских». Первый из них, освещающий историю Тамбова с момента основания в 1636 г. по 1708 г., был подготовлен к изданию Н.И.Орловым, снабдившим его обширными примечаниями.³¹⁹ Историк проследил судьбу источника и попытался установить его авторство. Вслед за И.И.Дубасовым он утверждал, что подлинник «Летописца», хранившийся в ризнице тамбовской Троицко-Пушкарской церкви, был утрачен в середине XIX в. во время упразднения приходского храма. Однако еще в 1846 г. источник был скопирован священником Д.Вяжлинским, опубликовавшим его впоследствии в «Тамбовских губернских ведомостях» (1881 г.).³²⁰ На основе анализа текста Орлов установил, что его автором являлся один из «приказных людей» архиепископа Игнатия.

«Бытность архиереев Тамбовских» — одна из глав рукописной книги 1797 г., обнаруженной в библиотеке Тамбовской семинарии, — представляет собой источник по истории Тамбовской епархии. Он содержит пе-

речень российских, в том числе и тамбовских, архиереев. Подготовивший публикацию М.П. Григоровский снабдил ее комментариями и текстуальными примечаниями, в которых указал на неточности и ошибки в тексте.³²¹

Каждый из членов комиссии следовал собственным представлениям об археографических приемах при подготовке и издании источников. Ряд деятелей комиссии стремился к научному оформлению своих публикаций. К их числу относится упомянутый выше М.П. Григоровский, использовавший элементы научно-справочного аппарата.³²² В целом ряде случаев оснащал свои публикации предисловиями с внешней критикой источников и контрольно-справочными сведениями М.Г. Розанов, помещавший адреса и заголовки дел, текстуальные примечания. К примеру, при издании грамоты царей Ивана и Петра Алексеевичей на земельные владения Темникова он указал количество склеек и скрепов, посредством палеографического анализа подтвердил дату написания источника (1685 г.).³²³ Подобные приемы Розанов применил при издании рукописи князя А.А. Безбородко о событиях времен царствования Екатерины II³²⁴ и ряда других. П.И. Пискарев в одних случаях помещал лишь заголовки и даты написания документов (например, при публикации материалов по истории Кирилло-Белозерского монастыря), в других давал подробное палеографическое описание источников. К примеру, он описал внешнюю форму документа, указал количество склеек, утраченные места и пометы в тексте уставной грамоты 1652 г. Темниковского собора; поместил шифр архива, заголовков и примечания к тексту описания Вознесенского женского монастыря. А.А. Гоздаво-Голомбиевский указывал на архивный шифр того или иного публикуемого документа и обозначал его заголовком.

В области текстологических приемов также наблюдался значительный разнобой. Часть сотрудников комиссии являлась сторонниками научно-критического метода публикации текста источников, часть — буквального. Так, П.И. Пискарев стремился к возможно точной передаче текста, но с применением правил современной пунктуации и орфографии. П.В. Аносов также сохранял синтаксические и лексические особенности источников, но подавал их при этом в соответствии с правилами современной орфографии (исправление орфографии подлинника заключалось в устранении титл, раздельном написании союзов, замене вышедших из употребления букв, расстановке «ятей»). П.В. Никольский при публикации грамоты 1685 г. царей Ивана и Петра Алексеевичей о выдаче соборному попу с причетниками ружного жалования раскрыл титла, расставил знаки препинания, обозначил отточиями не разобранные слова, употребил строчные и прописные буквы согласно современным правилам орфографии, заменил славянское написание цифр, обозначил заголовок.³²⁵ Н.И. Орлов в предисловии к указанному выше изданию обозначил принцип, которому он следовал при подготовке источников к печати: «напечатать текст оригинала по возможности точно».³²⁶ При передаче текста он соблюдал правила современной орфографии и пунктуации: воспроизвел слова под титлами, проставил буквы «ь» и «ъ» в конце слов в случаях их отсутствия в оригинале; непо-

нятные слова и выражения обозначил знаком вопроса. В примечаниях Орлов дал пояснение отдельным архаизмам, привел исторические справки об упоминаемых монастырях, церковных деятелях, уточнил те или иные географические и хронологические данные.

Высоким научным уровнем отличались публикации, подготовленные П.Н. Черменским. На страницах «Известий» он опубликовал лицевой синодик Свято-Троицкого монастыря.³²⁷ Историк описал внешний вид памятника, проанализировал палеографические особенности, поместил его легенду и характеристику как исторического источника. На основе палеографического анализа синодика Черменский установил время его написания — вторая половина XVII в. При передаче текста историк старался придерживаться орфографии подлинника, допуская отступления от нее в таких случаях, как замена вышедших из употребления букв (омеги, больших и малых юсов), раздельное написание предлогов и союзов, раскрытие титл, употребление прописных букв для личных имен, вставки буквы «ь» перед гласной в середине слова. Пунктуацию подлинника Черменский старался воспроизводить в точности.

В.И. Холмогоров в своих публикациях указывал шифр архива, обозначал отточиями утраченные в подлиннике слова, иногда в стремлении к точной передаче текста оставлял написание цифр в буквенном обозначении. П.В. Никольский заменял славянское написание цифр арабским, делал грамматические поправки, воспроизводил слова под титлами, обозначал точками не разобранные слова, расставлял знаки препинания по смыслу.

Однако, как уже отмечалось выше, ряд членов комиссии придерживался буквального метода публикации. Они печатали документы в необработанном виде, так что в большинстве случаев публикации подобного рода не выдерживают критики с точки зрения археографических требований. К их числу относится осуществленная П.И. Астровым публикация церковно-исторических материалов из церкви села Ивинья Черкинской волости Моршанского уезда.³²⁸ Автор не считал необходимым подвергнуть их научно-критической обработке и оставил нераскрытыми титлы и сокращенные слова, сохранил пунктуацию подлинника. В публикации отсутствуют заголовки и комментарии. Методу буквальной передачи текста следовал также А. Лебедев, который не воспроизводил слова под титлами, не проставлял по смыслу знаки препинания, полностью сохранял орфографию подлинника, включая буквы «омега» и «юсы». С.К. Платонова подавала текст в одних случаях в соответствии с правилами современной орфографии, но с соблюдением пунктуации документов, в других — следуя методу буквальной передачи текста (с заголовками, но без дат и примечаний), вставляя отточия в случаях неясных слов и пропусков.

Анализируя археографические приемы, применявшиеся членами ТУАК, приходится констатировать отсутствие какого-либо, даже относительного, их единообразия. Уровень публикаций комиссии во многом отражал субъективные представления тех или иных ее сотрудников о способах подготовки источников к печати и передачи их текста. Значитель-

ным недостатком осуществленных ТУАК изданий является отсутствие соответствующего научно-справочного аппарата. В этой связи представляется оправданным вывод Н.В.Бржостовской о том, что ГУАК не внесли ничего нового в развитие археографических приемов и даже продемонстрировали известное отставание по сравнению с достижениями в этой области Археографической комиссии.³²⁹ Следствием недостаточной компетентности провинциальных историков явилось то, что многие из публиковавшихся на страницах «Известий» документальных материалов не сопровождалась даже заголовками и датами. В то же время некоторые из наиболее опытных членов комиссии стремились к оформлению своих публикаций элементами научно-справочного аппарата и демонстрировали владение научно-критическим методом.

Относительно содержательной стороны публикаций следует признать, что прежде всего ТУАК, как и большинство других комиссий, стремились опубликовать все имевшиеся в ее распоряжении древнейшие грамоты и акты. Многочисленными являлись подборки документов по истории распространения христианства, хозяйственной и просветительной деятельности церквей и монастырей. Немаловажное значение придавалось также материалам частных архивов, отражавшим историю различных категорий местного землевладения, административных и судебных учреждений и содержащим ценные сведения о политической, экономической и бытовой истории края, его административно-территориальном устройстве. Непременной публикации подлежали документы дворянских архивов, ввиду их практического значения как юридического доказательства на право земельной собственности. Содержавшиеся в межевых делах, жалованных грамотах и других категориях документов указания на степень родства, объяснения перехода владений по наследству или разделу собственности давали некоторым фамилиям возможность для восстановления дворянства. Большое значение придавалось также публикации писцовых книг, представлявших собой ценные источники по истории развития сельского хозяйства и исторической географии. Публиковались такие категории документов, как именные списки, ведомости цен и казенных сборов, платежные отписки, челобитные, царские указы, жалованные грамоты, купчие, договорные, выписи из строильных, межевых, переписных, писцовых книг, материалы, имеющие отношение к семейной и бытовой истории (рядные, сговорные, поступные грамоты). Из трех возможных способов воспроизведения текста — факсимильного, дипломатического (т.е. передачи текста средствами типографского набора с максимальным приближением к оригиналу, включая пунктуацию, сокращения и т.д.) и научно-критического (предоставление текста в наиболее пригодном для использования виде, избавляющем читателя от текстологического анализа)³³⁰ — тамбовские архивисты в подавляющем большинстве случаев использовали последний.

Подводя итог, следует отметить, что Тамбовская комиссия принадлежала к числу ГУАК, наиболее плодотворно работавших в области архивного дела. Ей удалось создать исторический архив, насчитывавший в своем составе более ста тысяч единиц хранения. Документы раннего происхождения (XVI-

XVII вв.) частично являлись копиями, оригинальные источники относились к более позднему времени — XVIII-XIX вв. В основу исторического архива комиссии был положен фонд Шацкой провинциальной канцелярии, а в дальнейшем его формирование происходило путем выбора из различных категорий архивов (правительственных учреждений, частновладельческих, церковно-монастырских) наиболее важных в историческом отношении документов. Подобный способ комплектования не подлежит однозначной оценке. С одной стороны, он обрекал комиссию на коллекционный подход к организации собраний документов. Его следствием явилось невольное разрушение исторически сложившихся фондов и создание коллекций из разнородных материалов. С другой стороны, альтернативы подобному методу не существовало, т.к. архивным комиссиям предлагалось выбирать документы из числа дел, предназначенных учреждениями к уничтожению. Требовать к себе на хранение фонды в целом виде ГУАК были неправомочны. В то же время, извлекая из недоступных для исследователей архивов материалы и включая их в состав публичных архивохранилищ, комиссии способствовали сохранению и введению в научный оборот значительного комплекса исторических источников. Объемы работы с описями дел, присылавшимися различными учреждениями, в разные периоды истории ТУАК были неодинаковы и определялись степенью готовности местных учреждений к сотрудничеству. В историческом архиве комиссии отложились преимущественно дела Тамбовского губернского правления и городского полицейского управления, губернского дворянского собрания, казенной палаты и палаты государственных имуществ, губернского статистического комитета, уездных полицейских управлений, городских дум и городских управ, волостных правлений, уездных и земских судов, окружного суда. На хранение поступали также дела упраздненных учреждений — провинциальных и воеводских канцелярий, приказа общественного призрения, ликвидированных судебных учреждений.

Несмотря на неблагоприятные условия деятельности, ТУАК удалось зарекомендовать себя, наряду с Костромской, Рязанской, Нижегородской и Калужской комиссиями, одной из наиболее плодотворно работавших в области концентрации частновладельческих архивов ГУАК. В составе выявлявшихся комиссией частных собраний преобладали документы по истории помещичьего землевладения (жалованные грамоты, выписи из переписных, писцовых, межевых книг, купчие, заемные и кабальные акты, челобитные и т.д.). Наиболее значительным приобретением комиссии стали фамильные фонды Сухтеленов, Ламбертов и Канкриных. Деятельность по выявлению и приобретению материалов церковно-исторического характера была менее плодотворной. Это объясняется позицией епархиальных властей, не считавших возможным передавать свои собрания в руки светского научного общества. Существенным подспорьем в комплектовании губернского архива стали материалы центральных архивохранилищ, получаемые комиссией в виде оригиналов и копий. Наиболее продуктивные связи сложились у ТУАК с Московским архивом министерства юстиции, Московским Главным архивом министерства иностранных дел, архивом Сената.

Создав один из крупнейших губернских архивов, Тамбовская комиссия не сумела довести до конца работу по его упорядочению и описанию. Решение вопроса об организации хранения материалов было самым тесным образом связано с проблемой помещения. Наиболее упорядоченные архивы существовали у тех комиссий, которые обладали более или менее подходящими помещениями, например, у Ярославской и Нижегородской. Тамбовская комиссия не принадлежала к числу благополучных в этом отношении ГУАК. Не имея на момент своего учреждения собственного помещения, она и после его получения испытывала значительные трудности в связи с недостаточностью площадей и их быстрым обветшанием. Определенную роль сыграло также отсутствие в архивоведческой теории того времени четких критериев экспертизы ценности документов и их систематизации. ГУАК не имели в своем распоряжении каких-либо нормативных документов, определяющих порядок организации и описания архивов. Вследствие этого тамбовские историки не придерживались единого принципа группировки архивных материалов. Они сочетали систематизацию источников по видовому признаку (челобитные, ревизские сказки и т.д.), по принципу происхождения (сенатские, монастырские дела) и содержания (криминальные, земельные и др.). Тамбовская комиссия, как и большинство ГУАК, отдавала предпочтение предназначенным для публикации подробным, систематическим описям. В то же время для внутреннего пользования составлялись краткие инвентарные описи. Всего комиссии удалось разобрать и систематизировать немногим более пяти тысяч единиц хранения, что составляло примерно двадцатую часть общего количества дел. Показательно, что это число фигурирует в отчетах на протяжении всего второго периода существования комиссии.³³¹ Из этого следует, что данный этап был наименее плодотворен в плане упорядочения архива. Во многом это было связано с потерей комиссией наиболее квалифицированных кадров, обеспечивавших проведение большей части подобных работ. В количественном отношении работа Тамбовской комиссии по описанию дел по сравнению с некоторыми другими ГУАК была относительно результативна. Ей удалось опубликовать систематические описи 5051 единицы хранения. Хотя ГУАК и уступала Оренбургской комиссии, описавшей к 1905 г. 22 тысячи дел, Нижегородской и Тверской комиссиям — к 1915 г. соответственно десять и двенадцать тысяч, по объему описательной работы она значительно опережала Орловскую и Таврическую ГУАК и находилась приблизительно на одном уровне с Саратовской и Пермской комиссиями. Отметим, что описи ГУАК, наряду с описями Нижегородской комиссии, неизменно получали положительные отзывы Археологического института. Однако подобная оценка представляется несколько завышенной. Тамбовские архивисты допустили ряд серьезных ошибок при описании дел своего архива, главнейшей из которых является отсутствие систематизации описываемых документов.

Деятели комиссии стремились к активному включению материалов исторического архива в научный оборот. С этой целью они использовали их в качестве источниковой базы для написания собственных трудов и

предоставляли возможность для работы с ними посторонним исследователям. Материалы архива служили также справочным целям при удовлетворении запросов учреждений и частных лиц. В то же время следует отметить, что работа по использованию документов архива ТУАК в значительной мере сдерживалась отсутствием их должной систематизации. Хаотичное состояние дел исключало возможность их плодотворной разработки. Этой же причиной объясняется отсутствие планомерности и систематичности в археографической деятельности комиссии. ТУАК, за редким исключением, публиковала не тематические подборки документов, а разрозненные, не объединенные единством содержания источники. Недостаточно высоким, а порой и вовсе не выдерживающим критики являлся научный уровень публикаций. В то же время введение в научный оборот значительного количества источников (более двух тысяч) следует признать бесспорной заслугой тамбовских архивистов. Тематика публикаций комиссии отражала направление их научных интересов и находилась в прямой связи со степенью репрезентативности в архиве ТУАК материалов по тем или иным вопросам истории края.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Норцов А.Н.* Записка Тамбовской ученой архивной комиссии к съезду 6 мая 1914 г. // ИТУАК. Вып.57. С.302.

² *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. М., 1994. С.17.

³ См.: *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884-1917): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. С.9.

⁴ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пгг., 1916. Т.1. С.662.

⁵ *Герасимов А.А.* Исторические архивы при ученых архивных комиссиях // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1915. Вып.32. С.62.

⁶ *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884-1917): Автореферат... С.9.

⁷ РГАДА. Дело фонда 453. Л.2.

⁸ ИТУАК. Вып.1. С.10.

⁹ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т.1, кн. 2. С.1059.

¹⁰ ИТУАК. Вып.5. С.2.

¹¹ Там же. С.11; ИТУАК. Вып.13. С.1.

¹² РГАДА. Ф.1628. Оп.1. Д.6. Л.2 об.

¹³ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т.1. С.602.

¹⁴ Там же. Пгг., 1917. Т.2. С.418.

¹⁵ Там же. С.419.

¹⁶ Там же. С.83-84.

¹⁷ ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. Д.34. Л.1.

¹⁸ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6-8 мая 1914 года. СПб., 1914. С.38.

¹⁹ *Савелов Л.М.* Об архивах дворянских депутатских собраний // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1902. Т. II. Отд. I. С.28.

²⁰ Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911. М., 1914. Т. I. Отд. III. С.164-165.

²¹ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.78. Л.1.

²² *Норцов А.Н.* Записка Тамбовской ученой архивной комиссии к съезду 6 мая 1914 г. С.310.

²³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад о деятельности губернских ученых архивных комиссий по их отчетам за 1904-1911 гг. СПб., 1913. С.77.

²⁴ РА ИИМК РАН. Ф.4. Оп.1. Д.281. Л.135-135 об.

²⁵ ГАТО. Ф.161. Оп.1. Д.2893. Л. 6/п; Ф.178. Оп.1. Д.17. Л.2.

²⁶ Журналы 91-102 заседаний Тамбовской ученой архивной комиссии (сентябрь 1901 — июль 1902 г.) и отчет о деятельности комиссии за 1901 г. Тамбов, 1902. С.24.

²⁷ *Андреевский И.Е.* О деятельности ученых архивных комиссий в 1885 г. // ВАИ. 1888. Вып. VII. С.2.

- ²⁸ ИТУАК. Вып.17. С.2.
²⁹ ИТУАК. Вып.40. С.8.
³⁰ ИТУАК. Вып.41. С.15.
³¹ ИТУАК. Вып.44. С.32.
³² ИТУАК. Вып.45. С.10.
³³ ИТУАК. Вып.54. С.39.
³⁴ ИТУАК. Вып.56. С.33.
³⁵ Там же. С.29.
³⁶ ИТУАК. Вып.58. С.96.
³⁷ ИТУАК. Вып.57. С.13.
³⁸ Там же. С.25.
³⁹ Там же. С.57,166,191,193.
⁴⁰ РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.1390. Л.2-6.
⁴¹ ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. Д.34. Л.1об.
⁴² ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.53. Л.296.
⁴³ *Преображенский И.Д.* К вопросу о составлении архивных описей // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь, 1906. С.42.
⁴⁴ См.: *Тераклитов А.А.* Указ. соч. С.62.
⁴⁵ Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1914. Вып.V. С.V.
⁴⁶ Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1902. Вып.I. С.XXXV.
⁴⁷ Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908. Вып.IV. С.LXXXVI.
⁴⁸ ИТУАК. Вып.57. С.4.
⁴⁹ *Колосов В.И.* К вопросу о преобразовании архивных комиссий // Труды второго областного Тверского археологического съезда... С.11.
⁵⁰ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.7. Л.15.
⁵¹ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.37.
⁵² См.: *Самоквасов Д.Я.* Архивное дело в России. М., 1902. Кн.1. Прил. С.21; *Тераклитов А.А.* Указ. соч. С.58.
⁵³ Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. Т.II. Отд.II. С.141.
⁵⁴ См.: *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды МГИАИ. М., 1954. Т.5. С.87.
⁵⁵ *Лашков Ф.Ф.* К вопросу о губернских исторических архивах // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890. М., 1895. Т.II. С.208.
⁵⁶ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.8.
⁵⁷ Там же. С.7,10.
⁵⁸ Там же. С.73.
⁵⁹ ИТУАК. Вып.57. С.173–176.
⁶⁰ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.99. Л.1.
⁶¹ ИТУАК. Вып.3. С.23.
⁶² Там же. С.24.
⁶³ ИТУАК. Вып.7.
⁶⁴ ИТУАК. Вып.5. С.11.
⁶⁵ ИТУАК. Вып.10. С.16–21.
⁶⁶ ГАТО. Ф.161. Оп.1. Д.8293; Ф.178. Оп.1. Д.17. Л.2.
⁶⁷ ИТУАК. Вып.23. С.2.
⁶⁸ ИТУАК. Вып.57. С.57.
⁶⁹ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.99. Л.17.
⁷⁰ ГАТО. Ф.1487. Оп.4. Д.4 а. Л.144.
⁷¹ Там же. Л.145.
⁷² ИТУАК. Вып.29. С.6.
⁷³ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.16.
⁷⁴ *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии... С.17.
⁷⁵ Там же. С.45.
⁷⁶ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.4.
⁷⁷ ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.461. Л.10.
⁷⁸ РГАДА. Ф.1628. Оп.1. Д.12. Л.1.
⁷⁹ *Миллер Д.П.* Архивы Харьковской губернии // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. М., 1905. Т.III. С.376–377.
⁸⁰ Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1908. М., 1911. Т.III. С.124.
⁸¹ *Савелов Л.М.* О семейных архивах // Труды третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 г. Владимир, 1909. С.1.
⁸² ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.254. Л.10 об. См. также: *Сторожев В.Н.* Подготовка к пятидесятилетию крестьянской реформы // РМ. 1903. № 3. С.194.
⁸³ *Сторожев В.Н.* Одна из очередных задач губернских ученых архивных комиссий. Тверь, 1903. С.234.

- ⁸⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Особая комиссия при имп. Русском историческом обществе и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов, 1911–1916. Пгт., 1916. С.8–9.
⁸⁵ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.78. Л.1.
⁸⁶ ИТУАК. Вып.31. С.2; ИТУАК. Вып.40. С.14.
⁸⁷ ИТУАК. Вып.44. С.39.
⁸⁸ ИТУАК. Вып.3. С.17.
⁸⁹ Там же.
⁹⁰ Там же. С.15.
⁹¹ ИТУАК. Вып.43. С.186–187.
⁹² ИТУАК. Вып.14. С.23–24.
⁹³ ИТУАК. Вып.35. С.7.
⁹⁴ ИТУАК. Вып.14. С.2–3.
⁹⁵ ИТУАК. Вып.18. С.3.
⁹⁶ ИТУАК. Вып.8. С.15.
⁹⁷ ИТУАК. Вып.14. С.2.
⁹⁸ П.К.Сухтелен (1751–1836) в должности начальника штаба принимал активное участие в русско-шведской войне 1788–1790 гг., получив в награду чин инженера-генерал-майора и имение в Выборгской губернии. В последующие годы он участвовал в фортификационных работах на западных и юго-западных рубежах России. В 1794 г. был направлен со специальной миссией в Польшу, однако во время начавшегося восстания был ранен и попал в плен, из которого был освобожден А.В.Суворовым. В 1800 г. Сухтелен был назначен на должность инспектора инженерного корпуса в Архангельске, в 1802 г. – инспектора инженерного департамента Военной коллегии. В 1806 г. за заслуги перед отечеством он получил российское подданство на вечные времена. Сухтелен составил получившую известность библиотеку, коллекцию географических карт и рукописей, монет и медалей, часть которых после его смерти была приобретена государством и поступила на хранение в Эрмитаж. В настоящее время личный фонд Сухтелена находится на хранении в Российском государственном военно-историческом архиве и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (См.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. М., 1962. Т.2. С.207.)
⁹⁹ Фонд П.П.Сухтелена (1788–1833) хранится в Российском государственном военно-историческом архиве.
¹⁰⁰ Фонд генерал-майора К.П.Сухтелена (1790–1858) и его сына находится в Российском государственном военно-историческом архиве.
¹⁰¹ ИТУАК. Вып.29. С.4.
¹⁰² ИТУАК. Вып.45. С.33.
¹⁰³ Сестра А.Е.Канкринна состояла в браке с О.К.Ламбертом, а дочь была замужем за троюродным братом А.Н.Норцова.
¹⁰⁴ Личный фонд министра финансов Е.Ф.Канкринна (1774–1845) находится в Российском государственном историческом архиве.
¹⁰⁵ Основатель рода Генрих Жозеф де Ламберт перешел на русскую службу в 1794 г. в звании генерал-майора и был пожалован имением в Лифляндской губернии. Его сыновья снискали себе известность на военном и дипломатическом поприщах. Карл Ламберт был участником польской кампании 1794 г., персидского похода. Во время Отечественной войны 1812 г. он командовал дивизионом в армии А.П.Тормасова, участвовал во взятии Парижа. Яков Ламберт состоял на службе в Коллегии иностранных дел, был советником российского посольства в Мадриде, вторым секретарем китайской миссии графа Ю.А.Головкина. С 1813 г. он занимал должность управляющего канцелярией министра финансов, затем директора департамента внешней торговли.
¹⁰⁶ Личный фонд директора департамента внешней торговли министерства финансов Я.О.Ламберта (1788–1849) находится в Российском государственном историческом архиве.
¹⁰⁷ *Норцов А.Н.* Архив графов Канкринных-Ламберт-Сухтелен: (Общий обзор документов). Тамбов, 1910.
¹⁰⁸ См.: *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов. С.94.
¹⁰⁹ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.17.
¹¹⁰ *Орлов Н.И.* Материалы для истории Тамбовской епархии. Т.1 // ИТУАК. Вып.49. С.I–II.
¹¹¹ Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. Т.II. С.182.
¹¹² ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.7. Л.3.
¹¹³ ИТУАК. Вып.4. С.19.
¹¹⁴ ИТУАК. Вып.22. С.52.
¹¹⁵ *Лебедев В.В.* Доклад об ирмосах Турчанинова // ИТУАК. Вып.54, ч.1. С.179–186.
¹¹⁶ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.99. Л.4.
¹¹⁷ ИТУАК. Вып.23. С.2.
¹¹⁸ *Цветаев Д.В.* Московский архив министерства юстиции и губернские ученые архивные комиссии // РС. 1916. № 4. С.413.
¹¹⁹ ИТУАК. Вып.2. С.2.

- ¹²⁰ ИТУАК. Вып.6. С.8.
¹²¹ РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.578. Л.23-27.
¹²² ИТУАК. Вып.3. С.11.
¹²³ *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов. С.99-100.
¹²⁴ ИТУАК. Вып.23. С.3.
¹²⁵ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.22. Л.1; ИТУАК. Вып.26. С.56; Вып.48. С.116; Журналы 91-102 заседаний Тамбовской ученой архивной комиссии... С.23.
¹²⁶ ИТУАК. Вып.48. С.12.
¹²⁷ *Чирков С.В.* Некоторые проблемы развития русской археографии в начале XX века // АЕ за 1983 год. М., 1985. С.14.
¹²⁸ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.12. Л.1-2.
¹²⁹ Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т.I. С.LV.
¹³⁰ *Герасимов А.А.* Указ. соч. С.61.
¹³¹ ИТУАК. Вып.42. С.2; Известия Таврической губернской ученой архивной комиссии. Симферополь. 1897. Вып.2. С.2-3.
¹³² ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.158. Л.3.
¹³³ Там же. Д.196. Л.6-6 об.
¹³⁴ *Голыцын Л.П.* Архивы и порядок их разбора // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1890. Т.III, вып.1. С.1-11.
¹³⁵ *Снежневский В.И.* Губернские ученые архивные комиссии и архивное дело в них. М., 1902. С.14-16.
¹³⁶ Журналы 91-102 заседаний Тамбовской ученой архивной комиссии... С.3.
¹³⁷ *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов. С.93.
¹³⁸ *Дьяконов П.А.* Шатчане у государева дела // ИТУАК. Вып.39. С.34.
¹³⁹ ИТУАК. Вып.2. С.6.
¹⁴⁰ РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.1390. Л.1.
¹⁴¹ *Снежневский В.И.* Указ. соч. С.22.
¹⁴² Отчет Симбирской ученой архивной комиссии за 1897 г. Симбирск, 1898. С.3.
¹⁴³ Отчет Воронежской ученой архивной комиссии за 1913 – 1 декабря 1914 г. Воронеж, 1915. С.8.
¹⁴⁴ *Калачов Н.В.* Архивы // Труды Первого археологического съезда в Москве. Т.I. С.211.
¹⁴⁵ *Львов А.Н.* Русское законодательство об архивах // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. Т.II. Отд.I. С.6.
¹⁴⁶ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.30.
¹⁴⁷ Там же. С.12-13.
¹⁴⁸ *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение, состав и устройство. СПб., 1877. С.28.
¹⁴⁹ Отзыв Оренбургской ученой архивной комиссии о книге профессора Д.Я.Самоквасова «Архивное дело в России». Оренбург, 1902. С.15.
¹⁵⁰ ИТУАК. Вып.3. С.2.
¹⁵¹ Там же. С.29.
¹⁵² Там же. С.34.
¹⁵³ ИТУАК. Вып.57. С.183-184.
¹⁵⁴ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... С.31.
¹⁵⁵ Отзыв Оренбургской ученой архивной комиссии о книге профессора Д.Я.Самоквасова «Архивное дело в России». С.11.
¹⁵⁶ ИТУАК. Вып.30. С.2.
¹⁵⁷ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.53. Л.285.
¹⁵⁸ Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т.III. С.277.
¹⁵⁹ *Андреевский И.Е.* Губернские ученые архивные комиссии в 1888 и 1889 гг. // ВАИ. 1892. Вып.IX. С.44.
¹⁶⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Особая комиссия...С.8
¹⁶¹ ИТУАК. Вып.57. С.164.
¹⁶² Там же. С.176-177.
¹⁶³ ИТУАК. Вып.44. С.129.
¹⁶⁴ ИТУАК. Вып.41. С.8.
¹⁶⁵ ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.139. Л.39 об.
¹⁶⁶ *Калачов Н.В.* Архивы. С.211.
¹⁶⁷ *Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в // АЕ за 1981 г. М., 1982. С.11.
¹⁶⁸ *Воронов А.П.* Архивоведение. СПб., 1904. С.16.
¹⁶⁹ См.: *Автократов В.Н.* Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении 1920-х годов // АЕ за 1984 г. М., 1986. С.42,54.
¹⁷⁰ Там же. С.12.

- ¹⁷¹ См.: *Шобухов М.Н.* Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. М., 1955. С.48.
¹⁷² См.: *Автократов В.Н.* Общая теория архивоведения // ВИ. 1973. № 8. С.67; *Рябов А.В.* О критике провениеиципринципа в советской архивоведческой литературе 30-х годов // АЕ за 1984 г. М., 1986. С.194.
¹⁷³ Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Кишинев, 1907. Т.3. С.535.
¹⁷⁴ ИТУАК. Вып.44. С.29.
¹⁷⁵ *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов. С.104.
¹⁷⁶ ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.139. Л.37.
¹⁷⁷ ИТУАК. Вып.54. С.29.
¹⁷⁸ Журналы 91-100 заседаний Тамбовской ученой архивной комиссии... С.3.
¹⁷⁹ ИТУАК. Вып.57. С.30.
¹⁸⁰ См.: *Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. С.9.
¹⁸¹ ИТУАК. Вып.39. С.2.
¹⁸² ИТУАК. Вып.44. С.130.
¹⁸³ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.20. Л.1.
¹⁸⁴ Не получив незамедлительно по приезде в Тамбов необходимые документы, В.А.Алексеев опубликовал в журнале «Исторический вестник» статью под показательным названием «Архивные мытарства». В ней он в весьма язвительном тоне характеризовал деятельность А.Н.Норцова: «Этот председатель, желая вплести новый лавр бессмертия в свой и без того пышный венок, вздумал заняться разбором бумаг известного Сухтелена» (*Алексеев В.А.* Архивные мытарства // ИВ. 1910. № 12. С.1034-1057).
¹⁸⁵ ИТУАК. Вып.56. С.45.
¹⁸⁶ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Л.20, 7.
¹⁸⁷ Там же. Д.25. Л.11.
¹⁸⁸ Там же. Д.103. Л.35.
¹⁸⁹ ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.355. Л.1,72; *Пивоваров Е.Г.* У истоков американской архивной России: А.В.Бабин (1866-1930) и Ф.А.Голдер (1877-1929) // Россия в США: Сб. ст. М., 2001. С.257; *Golder F.A.* Guide to Materials for American History in Russian Archives. Washington, 1917. P.IV,152. Автор благодарит П.А.Трибунского, любезно предоставившего свои выписки из книги Ф.А.Голдера.
¹⁹⁰ ИТУАК. Вып.57. С.193.
¹⁹¹ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т.I. С.602.
¹⁹² *Короленко В.Г.* «Дело об описании прежних лет архивы» сто лет назад и в наше время. Нижний Новгород, 1895. С.9.
¹⁹³ Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т.IV. С.105.
¹⁹⁴ См.: *Ефименко Р.Н., Кови Л.А.* К определению объема дел и состава справочников в архивах России (конец XIX – начало XX века) // Труды ВНИИДАД. М., 1978. Т.VII, ч.П. С.52.
¹⁹⁵ Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. Т.IV. С.107-108.
¹⁹⁶ *Муханов П.А.* Что желательно для русской истории. СПб., 1870. С.2.
¹⁹⁷ *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение, состав и устройство. С.26.
¹⁹⁸ *Короленко В.Г.* Указ. соч. С.10.
¹⁹⁹ Там же. С.9.
²⁰⁰ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т.I; 1878-1879. Т.II, ч.1-2; 1878 Т.III.
²⁰¹ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. СПб., 1869. Кн.I. С.I-VI. О системе описания документов МАМОЮ см.: *Шохин Л.И.* Московский архив министерства юстиции (1852-1917 гг.). История и методика описания документов: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
²⁰² Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.I. С.V.
²⁰³ *Селифонтов Н.Н.* Подробная опись 440 рукописей XVII, XVIII и начала XIX столетия Первого собрания «Линевского архива» с двумя приложениями. СПб., 1891; *он же.* Подробная опись 272 рукописям конца XVI до начала XIX столетия Второго (Шевлягинского) собрания «Линевского архива» с приложением. СПб., 1892.
²⁰⁴ Обзор деятельности губернских архивных комиссий за 1891 г. // РА. 1893. № 2. С.185.
²⁰⁵ *Преображенский И.Д.* Указ. соч. С.39-42.
²⁰⁶ Рукописи и древние акты Воронежского губернского музея // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908. Вып.IV; 1914. Вып.V.
²⁰⁷ ИТУАК. Вып.34. С.2.
²⁰⁸ ИТУАК. Вып.27. С.16; Вып.31. С.4; Вып.44. С.6.
²⁰⁹ ИТУАК. Вып.44. С.5.
²¹⁰ ИТУАК. Вып.45. С.14-15.

- ²¹¹ ИТУАК. Вып.44. С.7.
²¹² Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1890. Т.III, вып.1. С.XV.
²¹³ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.45. Л.1-4.
²¹⁴ ИТУАК. Вып.48. С.12.
²¹⁵ ИТУАК. Вып.38. С.19.
²¹⁶ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.99. Л.11.
²¹⁷ Описи дел Шацкого архива /Сост. П.И.Пискарев // ИТУАК. Вып.3. С.33-56; Вып.4. С.31-61; Вып.5. С.43-76; Вып.6. С.39-63; Вып.7. С.1-36; Вып.10. С.22-72; Вып.11. С.13-48; Вып.13. С.14-59; Вып.15. С.9-51; Вып.18. С.16-42; Вып.19. С.10-40; Вып.20. С.9-85; Вып.21. С.53-80; Вып.22. С.18-51; Вып.23. С.4-61,76-94; Вып.24. С.10-48; Вып.25. С.8-46; То же /Сост. П.И.Пискарев, М.Г.Розанов // ИТУАК. Вып.9. С.39-75; Вып.16. С.1-46; То же /Сост. М.Г.Розанов // ИТУАК. Вып.12. С.14-28; Вып.13. С.14-22; Вып.14. С.15-22; Вып.17. С.12-20; То же /Сост. И.В.Староградский // ИТУАК. Вып.22. С.10-18; Вып.23. С.94-120.
²¹⁸ Опись дел исторического архива /Сост. П.И.Пискарев // ИТУАК. Вып.26. С.6-30,71-86; Вып.27. С.30-53,81-102; Вып.28. С.86-89,109-148; Вып.29. С.27-44,47-76; Вып.30. С.75-84; Вып.32. С.47-82,95-150; Вып.34. С.65-107,127-191; Вып.35. С.69-97,113-157; Вып.36. С.31-101; Вып.37. С.52-70; Вып.38. С.105-144; Вып.39. С.69-139,142-145; Вып.42. С.36-103,128-138; Вып.43. С.68-161; Вып.45. С.1-122; То же /Сост. П.А.Дьяконов // ИТУАК. Вып.26. С.3-6,49-86; Вып.27. С.23-29,74-80; Вып.28. С.90-92,151-168; То же /Сост. М.Г.Розанов // ИТУАК. Вып.28. С.67-85; То же /Сост. И.В.Староградский // ИТУАК. Вып.25. С.108-124; Вып.27. С.54-70; Вып.31. С.27-50,121-138; То же /Сост. А.А.Курбатов // ИТУАК. Вып.24. С.108-122; Вып.35. С.98-109,158-182; Вып.36. С.101-117; Вып.37. С.9-51; Вып.38. С.144-163; Вып.40. С.22-55; Вып.41. С.32-86; Вып.42. С.104-127; То же /Сост. М.Г.Попов // ИТУАК. Вып.52. С.1-99; То же /Сост. С.К.Платонова // ИТУАК. Вып.56. С.1-70.
²¹⁹ *Богданов Д.Ф.* Описание документов и дел церковно-исторического характера, принадлежащих Тамбовской ученой архивной комиссии // ИТУАК. Вып.28, ч.2. С.95-106.
²²⁰ *Знаменский И.В.* Описание документов и дел, принадлежащих одному из благочинных священников Тамбовской епархии начала настоящего столетия // ИТУАК. Вып.22. С.51-72; *он же.* Описание документов церковно-исторического характера, принадлежащих Тамбовской архивной комиссии (собрание бумаг Рассказовского благочиния) // ИТУАК. Вып.23. Прил.3. С.120-131; *он же.* Описание документов и дел церковно-исторического характера, принадлежащих Тамбовской архивной комиссии (второе собрание бумаг Рассказовского благочиния) // ИТУАК. Вып.24. Прил.4. С.48-60; Вып.26. С.31-45.
²²¹ *Розанов М.Г.* Указатель к описи Тамбовского исторического архива. Тамбов, 1888. Ч.1; *Дьяконов П.А.* Указатель к описи Тамбовского исторического архива. Тамбов, 1890. Ч.2.
²²² Цит. по: *Самокасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн.1. С.172.
²²³ РГИА. Ф.733. Оп.143. Д.240. Л.142.
²²⁴ *Шмелев Г.Н.* Теория и практика архивных описей // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. Т.II. Отд.1. С.34.
²²⁵ Летопись занятий Археографической комиссии за 1867-1870 гг. СПб., 1871. Вып.5. С.110-111.
²²⁶ *Муханов П.А.* Указ. соч. С.45.
²²⁷ Проект правил для отдельных изданий имп. Археографической комиссии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 г. СПб., 1907. Вып.18. С.10-14.
²²⁸ См.: *Чирков С.В.* Разработка правил издания исторических источников Археографической комиссией в XIX – начале XX в. // АЕ за 1985 год. М., 1986. С.107-112.
²²⁹ *Чирков С.В.* К истории разработки правил издания исторических источников в начале XX в. // То же за 1984 год. М., 1986. С.71.
²³⁰ Правила издания Сборника грамот Коллегии экономики. Пгт., 1922.
²³¹ См.: *Батаева, Т.В. Корнева И.И., Селезнев М.С., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М.* Разработка правил публикации исторических документов в дореволюционной и советской археографии // Труды МГИАИ. М., 1972. Т.29. С.98-99.
²³² Извлечение из правил для переписки и издания документов // Сборник Московского архива министерства юстиции. М., 1913. Т.1, ч.1. С.1-6.
²³³ *Батаева Т.В., Корнева И.И., Селезнев М.С., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М.* Указ. соч. С.94.
²³⁴ *Самокасов Д.Я.* Современное состояние научной разработки древних архивных материалов // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905. М., 1908. Т.II. С.158.
²³⁵ ИТУАК. Вып.5. Прил.8. С.39-41.
²³⁶ Там же. С.35-39.
²³⁷ ИТУАК. Вып.8. Прил.4. С.71-76.
²³⁸ ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.278-286.
²³⁹ ИТУАК. Вып.23. С.61-72.
²⁴⁰ ИТУАК. Вып.41. Отд.III. С.126-141.
²⁴¹ Там же. С.144-150; Вып.56, ч.2. С.68.
²⁴² ИТУАК. Вып.7. Прил.6. С.55-60; Вып.7. Прил.4. С.30-33; Вып.8. Прил.3. С.46-71; Вып.11.

- Прил.4. С.9-11,38-57; Вып.13. С.14-59; Вып.16. С.3-38; Вып.21. С.3-52; Вып.54. С.59-61; Вып.25. С.46-108; Вып.28. С.86-89,109-148; Вып.31. Отд.III. С.55-72,76-93,98-116,117-119; Вып.42, ч.2. С.36-52,52-60.
²⁴³ ИТУАК. Вып.14. Прил.3. С.16-55; Вып.15. С.9-49; Вып.18. Прил.2. С.53-61; Вып.35. С.132-145.
²⁴⁴ ИТУАК. Вып.39. Отд.III. С.146-224,225-272,273-292.
²⁴⁵ ИТУАК. Вып.40. Отд.III. С.58-62.
²⁴⁶ *Токмаков И.Ф.* Материалы для исторического и церковно-археологического описания Шацкого уезда // ИТУАК. Вып.8. С.46-71.
²⁴⁷ *Орлов Н.И.* Материалы для истории Тамбовской епархии. Т.1 // ИТУАК. Вып.49. С.II.
²⁴⁸ ИТУАК. Вып.6. Прил.2. С.10-27; Вып.7. Прил.2. С.12-21; Вып.41. Отд.III. С.151-158; Вып.32. Отд.III. С.87-91; Вып.33. Отд.III. С.59-106; Вып.9. Прил.2. С.10-32; Вып.7. Прил.6. С.51-54.
²⁴⁹ ИТУАК. Вып.40. Отд.III. С.63-274; Вып.45. С.40-44; Вып.43. Отд.III. С.190-235.
²⁵⁰ ИТУАК. Вып.45. С.90-93.
²⁵¹ ИТУАК. Вып.42. С.190-235; Вып.45. С.32,33,40,49,69,90.
²⁵² ИТУАК. Вып.27. С.141-148.
²⁵³ ИТУАК. Вып.32. Отд.III. С.87-91.
²⁵⁴ ИТУАК. Вып.26. Отд.II. С.79-86.
²⁵⁵ ИТУАК. Вып.29. Отд.III. С.70.
²⁵⁶ ИТУАК. Вып.33. Отд.III. С.49-56.
²⁵⁷ ИТУАК. Вып.7. Прил.5. С.33-50.
²⁵⁸ ИТУАК. Вып.41. Отд.III. С.108-112,142-143.
²⁵⁹ ИТУАК. Вып.44. С.156-158.
²⁶⁰ ИТУАК. Вып.12. Прил.3. С.11-12.
²⁶¹ *Холмогоров В.И.* Материалы для истории города Козлова // ИТУАК. Вып.33. Отд.III. С.59-106.
²⁶² *Холмогоров В.И.* Материалы для истории города Тамбова // Там же. С.109-139.
²⁶³ ИТУАК. Вып.5. Прил.3. С.19-21; Вып.18. Прил.2. С.52; Вып.41. Отд.III. С.113-125.
²⁶⁴ ИТУАК. Вып.46. С.74-80.
²⁶⁵ ИТУАК. Вып.41. Отд.III. С.145-146.
²⁶⁶ ИТУАК. Вып.14. С.85-86.
²⁶⁷ ИТУАК. Вып.23. С.30.
²⁶⁸ ИТУАК. Вып.24. С.31-47.
²⁶⁹ ИТУАК. Вып.8. Прил.5. С.76-78; Вып.18. Прил.2. С.61-67; Вып.26. Отд.III. С.71; Вып.27. Отд.III. С.81; Вып.45. С.1-10.
²⁷⁰ Там же. С.1,10,16,22,25,53,61,63.
²⁷¹ Там же. С.27.
²⁷² ИТУАК. Вып.29. С.47.
²⁷³ ИТУАК. Вып.26. Отд.III. С.49-71.
²⁷⁴ ИТУАК. Вып.27. Отд.III. С.23-80.
²⁷⁵ ИТУАК. Вып.31. С.121-138.
²⁷⁶ ИТУАК. Вып.35. Отд.III. С.158-182.
²⁷⁷ ИТУАК. Вып.27. Отд.III. С.105-148.
²⁷⁸ ИТУАК. Вып.37. Отд.III. С.73-147.
²⁷⁹ ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.82-91.
²⁸⁰ ИТУАК. Вып.7. Прил.3. С.21-30.
²⁸¹ ИТУАК. Вып.12. Прил.1. С.9-11.
²⁸² ИТУАК. Вып.14. С.88-89.
²⁸³ ИТУАК. Вып.12. Прил.4. С.12-14.
²⁸⁴ ИТУАК. Вып.28. С.86-99.
²⁸⁵ ИТУАК. Вып.31. С.25-50.
²⁸⁶ ИТУАК. Вып.18. С.16-42.
²⁸⁷ ИТУАК. Вып.16. С.17-46.
²⁸⁸ ИТУАК. Вып.27. Отд.III. С.127-138; Вып.41. Отд.III. С.145-146; Вып.42. С.28-31.
²⁸⁹ ИТУАК. Вып.18. С.86-90.
²⁹⁰ ИТУАК. Вып.19. С.23-24,27-40,59-66; Вып.23. С.30-60; Вып.39. С.142-145; Вып.29. С.47-76; Вып.28. С.151-160.
²⁹¹ ИТУАК. Вып.5. С.65-68; Вып.23. С.68-71.
²⁹² ИТУАК. Вып.11. Прил.1. С.10-48; Прил.6. С.17-30.
²⁹³ ИТУАК. Вып.43. Отд.III. С.182-185.
²⁹⁴ *Холмогоров В.И.* Переписная книга 1719 г. сел и деревень Верхоленской волости и Рыбной пустоши и монастырских вотчин Тамбовского уезда // ИТУАК. Вып.45. Отд.1. С.35-49.
²⁹⁵ ИТУАК. Вып.5. Прил.2. С.24-26.
²⁹⁶ ИТУАК. Вып.19. С.50-59.
²⁹⁷ ИТУАК. Вып.15. Прил.3. С.1-61.

- ²⁹⁸ ИТУАК. Вып.26. Отд. III. С.72-73.
- ²⁹⁹ *Норцов А.Н.* Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства // ИТУАК. Вып.47.
- ³⁰⁰ ИТУАК. Вып.50, ч.2. С.27-47.
- ³⁰¹ ИТУАК. Вып.52, ч.1. С.39-42.
- ³⁰² ИТУАК. Вып.54, ч.1. С.49-53; Вып.51, ч.2. С.85-86.
- ³⁰³ Там же. С.53-54.
- ³⁰⁴ ИТУАК. Вып.45. С.13,30.
- ³⁰⁵ ИТУАК. Вып.54. С.103.
- ³⁰⁶ ИТУАК. Вып.56. С.30.
- ³⁰⁷ ИТУАК. Вып.54. С.88.
- ³⁰⁸ ИТУАК. Вып.56. С.72.
- ³⁰⁹ ИТУАК. Вып.8. Прил.2. С.15-45.
- ³¹⁰ ИТУАК. Вып.14. Прил.4. С.66-84.
- ³¹¹ ИТУАК. Вып.18. Прил.2. С. 67-86; Вып.33. С.121-139.
- ³¹² *Розанов М.Г.* Персидское посольство в России 1829 г. (по бумагам графа П.П.Сухтелен) // РА. 1889. № 1. С.240-260.
- ³¹³ *Николев И.Н.* Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края по документам Московского архива министерства юстиции. Тамбов, 1884. Вып.1. Город Тамбов и его уезд.
- ³¹⁴ *Токмаков И.Ф.* Сборник материалов для истории и археологии по Тамбовской губернии по документам Московского Главного архива министерства иностранных дел. Тамбов, 1886.
- ³¹⁵ *Пискарев П.И.* Мамонтова пустынь Тамбовской губернии. Тамбов, 1887.
- ³¹⁶ *Пискарев П.И.* Писцовая книга новых сел Верхоценской волости Тамбовского уезда. Тамбов, 1888.
- ³¹⁷ *Холмогоровы В. и Г.* Материалы для истории, статистики и археологии города Темникова и его уезда XVII и XVIII столетия: (Темниковская десятина). Тамбов, 1890.
- ³¹⁸ Тамбовская губерния в 1812-1813 гг. // ИТУАК. Вып.56, ч.1. С.120-324.
- ³¹⁹ Древний Тамбовский Летописец // ИТУАК. Вып.58. С.141-170.
- ³²⁰ Авторы примечаний к переизданным «Очеркам из истории Тамбовского края» И.И.Дубасова утверждают, что подлинный список летописи обнаружил С.А.Березнеговский, а не Д.Вязлинский. Текст был напечатан в 1881 г. в «Тамбовских губернских ведомостях», а затем переиздан в 58-м выпуске ИТУАК (См.: *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С.423). Однако в действительности комиссией была опубликована другая редакция, ибо в примечаниях к источнику указываются разночтения со списком С.А.Березнеговского.
- ³²¹ Бытность архиереев Тамбовских // ИТУАК. Вып.3. С.27-30.
- ³²² Там же.
- ³²³ ИТУАК. Вып.5. С.14-19.
- ³²⁴ ИТУАК. Вып.8. С.15-45.
- ³²⁵ ИТУАК. Вып.52, ч.1. С.119-124.
- ³²⁶ Там же. С. IX.
- ³²⁷ ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.98-119.
- ³²⁸ ИТУАК. Вып.24. Прил.5. С.61-65.
- ³²⁹ *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884-1917): Автореферат... С.11.
- ³³⁰ См.: *Добрушкин Е.М.* Основы археографии. М., 1982. С.117.
- ³³¹ В 1909 г., по свидетельству отчета комиссии, ее архив насчитывал пять тысяч разобранных дел XV-XIX вв., в 1914 указывалось такое же количество.

Глава III

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КОМИССИИ

1. Историко-теоретические представления деятелей комиссии

С момента создания губернских ученых архивных комиссий их деятельность в полном соответствии с названием этих научно-исторических обществ протекала в двух основных направлениях. Причем, как это уже отмечалось в литературе, в отличие от исследователей их истории, обращавших главное внимание на слово «архивная», сами сотрудники комиссий переносили акцент на определение «ученая».¹ Признавая важность работы по спасению провинциальных фондов и созданию губернских исторических архивов, деятели ГУАК тем не менее полагали своей основной задачей научно-исследовательскую разработку вопросов истории регионов. Тамбовская комиссия не являлась исключением в этом ряду. «Наш долг, — подчеркивал А.Н.Норцов, — всегда оставаться «ученой комиссией», посвящать время наших заседаний исключительно научно-историческим вопросам».²

Основная заслуга в организации работ ГУАК по изучению краевой истории принадлежала И.И.Дубасову. С первых дней существования комиссии он призвал коллег не ограничиваться собирательской работой, но насколько возможно полно исследовать историческое прошлое Тамбовщины.³ Председатель не только сам выступал на собраниях с научными докладами и сообщениями, но и стремился привлечь к подобному рода деятельности возможно большее число своих сотрудников, призывая «во имя научного братства» разделить с ним исследовательскую работу. Во многих случаях заслушиваемые на заседаниях доклады не носили строго научного характера. Иногда это был просто пересказ фактов, почерпнутых из материалов архива комиссии. В этой связи Дубасов отмечал, что «задачей прочтенных в общих собраниях рефератов было не научно-практическое обследование документов, а указание на те вопросы местной истории и быта, по которым исторический архив предлагает богатый материал».⁴ Подобным очеркам предназначалась роль подготовительного